

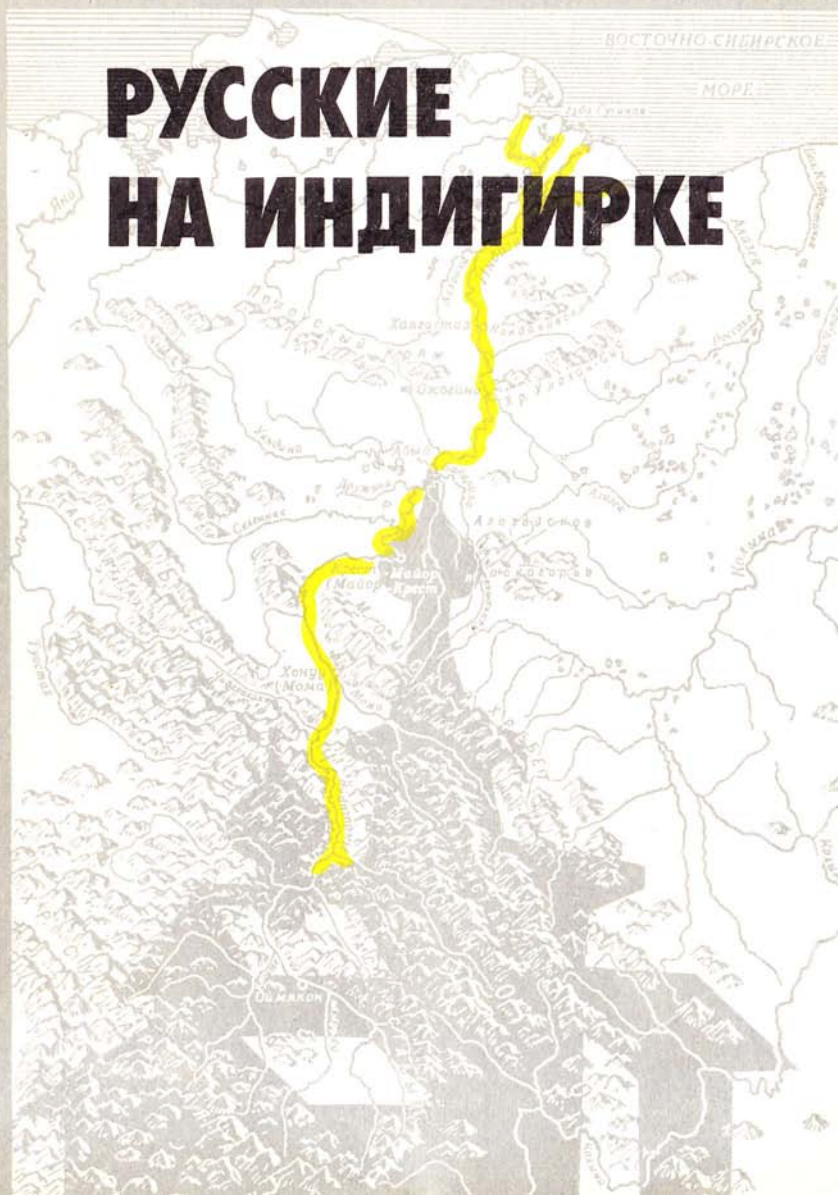

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Страницы истории нашей Родины

А.Г. ЧИКАЧЕВ

РУССКИЕ НА ИНДИГИРКЕ

635
4-60

63.5
4-60

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Серия «Страницы истории нашей Родины»

А. Г. Чикачев

РУССКИЕ НА ИНДИГИРКЕ

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК

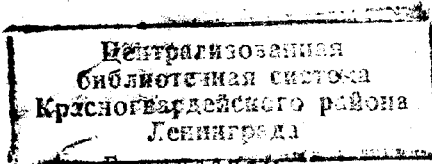
Ответственный редактор
доктор филологических наук
А. И. ФЕДОРОВ

65531 / 1

НОВОСИБИРСК
«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Центральная районная библиотека системы
Среднеохтинского района г. Ленинграда
Центральная районная библиотека
имени П. В. Гоголя
195027, Среднеохтинский пр., 8
т. 24-30-08

Рецензенты

доктор исторических наук
Н. А. МИНЕНКО

кандидаты исторических наук
Ф. Ф. БОЛОНЕВ, Ф. И. ЗЫКОВ

Утверждено к печати
Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Чикачев А. Г.

Ч60 Русские на Индигирке: Историко-этнографический очерк.— Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990.— 189 с.— (Серия «Страницы истории нашей Родины»).

ISBN 5—02—029623—6.

Книга посвящена интереснейшему феномену, своеобразному заповеднику старинной русской культуры на Крайнем Севере — жизни селения Русское Устье.

Рассчитана на широкий круг читателей.

650500000—018
Ч 054(02)—90 21—90 ПП

ББК 63.5(2)

ISBN 5—02—029623—6

© А. Г. Чикачев, 1990

На Индигирке, рядом с океаном

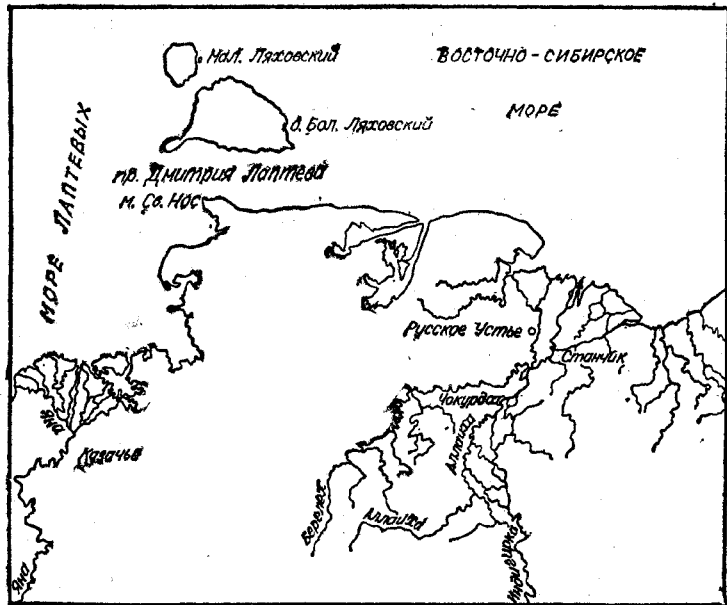
О Русском Устье, старинном поселении в низовьях Индигирки неподалеку от Ледовитого океана, написано немало. Даже много. Больше на душу населения, если бы велся такой счет, чем о Москве или Киеве. С начала нынешнего столетия, как только выглянуло Русское Устье из тьмы веков и, продирая глаза, принялось дивиться на подступивший к нему цивилизованный мир, этот мир, в свою очередь, не переставал удивляться горстке людей в несколько сотен человек, которая почти одновременно с тунгусским метеоритом как с неба упала. «С неба упала» — сказано, конечно, слишком, потому что упоминания об этом жилом пункте на Крайнем Севере следовавших через него служебных личностей и научных экспедиций доносились и из XVIII, и из XIX веков, но то были упоминания именно как о затерянном в снегах русскоязыльческом пункте, где можно перевести дух, перед тем как пускаться в океан, а не как об обительности таящих загадку людей. И вдруг при более внимательном взгляде на этих людей свершилось открытие, которое даже в ту пору великих событий и идей начала века не осталось незамеченным и о котором один из журналов писал такими словами: «...Археолог считал бы для себя величайшим счастьем, если бы, раскопав могилу XVI или XVII века, он мог бы хоть сколько-нибудь правдиво облечь вырытый им древний скелет в надлежащие одежды жизни, дать ему душу, услышать его речь. Древних людей в Русском Устье ему откапывать не надо. Перед ним в Русском Устье эти древние люди как бы не умирали».

Первое обнаружение этого сколка древности произошло по тому же самому парадоксальному правилу, которое, похоже, имеет привычку к России: не было бы счастья, да несчастье помогло. В 1912 году сюда, в эти края, названные ссылкой В. Серошевским «пределом скорби», был направлен для отбывания ссылки член ЦК партии эсеров В. М. Зензинов. Пробыв среди рус-

скоустыинцев неполный год, он увез уникальных впечатлений и материалов на три книги, благодаря которым и узнали о Русском Устье не только в России, но и в Европе. Главная, наиболее полная книга, представляющая собой этнографический очерк, называлась «Старинные люди у Холодного океана».

Сами русскоустыинцы, видя разницу между собой и людьми из большого мира и признавая за собой задержку в других временах, считали себя «досельными», а тех, кто был на виду истории, — «тамосными».

Зензинов после своего удачливого и не затянувшегося на Индигирке пребывания, куда он приехал с керосиновой лампой, произведшей на русскоустыинцев не меньшее потрясение, как если бы посреди полярной ночи выглянуло солнце, — после этого Зензинов прожил долгую и бурную жизнь (кончил свои дни уже в 50-х годах в Америке), но, быть может, самое лучшее и полезное, что ему удалось в жизни свершить, относится как раз к зиме и лету 1912 года, когда судьба забросила его на край света и преподнесла удивительный подарок, окунув в обстановку Древней Руси.

Карта исследуемой территории.

В революционных и послереволюционных бурях о Русском Устье снова забыли. Мало что с новой властью там и изменилось. Изменилось только после коллективизации, которая своей сгребавшей дланью не обошла, кажется, ни один самый глухой и заброшенный угол, если бы даже отнёсился он к периоду Киевской Руси. В эту-то переломную пору и оказался в низовьях Индигирки в составе исследовательской научной партии А. Л. Биркенгоф, так же, как Зензинов до него, пораженный особенностям русскоустыинца и написавший книгу «Потомки землепроходцев». Названия книг у того и другого приводятся не просто для информации, а и потому еще, что они имеют значение как два разных взгляда, два подхода к историческому истоку Русского Устья, на чем и нам придется коротко остановиться чуть ниже.

После войны сюда зачастили фольклорные, этнографические экспедиции, обнаружившие замечательный по сохранности заповедник давней старины. Появились новые сборники и книги, в том числе выпущенный недавно Пушкинским домом «Фольклор Русского Устья», составители которого отмечают уникальность и первоначальность записанных здесь песен и былин, которые словно бы не передавались веками из уст в уста, теряя канон, а каким-то чудесным образом оставались в одном голосе в неизменности.

«Фольклор...» — это уже не о Русском Устье, а из Русского Устья, это поэтическая исповедь, самосказание таинственной души, ее вдохновенный распев. Что же касается авторских текстов, являющихся результатом наблюдений и сравнений, — как бы ни пытались писатели и исследователи проникнуть внутрь этого самородного явления, они все равно остаются людьми «тамосными», все меряющими на «тамосный» же аршин принятых понятий. Но как недостаточно в километры перевести старинное «днище» — путь, пройденный водой за день, потому что в километре не будет меры физических и психических усилий, так и любой посторонний наблюдатель не уловит нечто совсем незначительное, но необходимое, ту живую воду, что превращает элементы архаики в единый действующий организм.

И вот наконец книга автора из Русского Устья, человека из самых коренных русскоустыинских фамилий,

предки которого вырубали из льдов судно Д. Лаптева, ходили вожами в полярных экспедициях М. Геденштрёма и Э. Толля, прославились как добытчики пещца и мамонтовой кости, торили за ними пути на океанские острова и на протяжении веков поддерживали все то, что позднее стало примечательностью и славой этой необыкновенной общины. Автору не нужно вживаться в «досельность» — он происходит из нее. И вслушиваться в странный, на посторонний слух, говор, то ли подпорченный долгой замкнутостью, то ли донесенный в том же звучании из далекого далека, ему не надо: этот звуковой строй жил в нем всегда. Язык, обычаи, верования — немало чего из затейливой кружевины жизни своих дедов ему приходилось, вероятно, скорее умерять (боясь, насколько они будут интересны читателю), нежели добирать, как всем остальным до него. Эту книгу можно сравнить не с удачливым зачерпом прохожего из волшебного родника, а со счастливым выплеском изнутри самого родника.

Феномен Русского Устья не понять достаточно хорошо, если не знать о двух разных точках зрения на историю его происхождения. Уже в названиях книг Зензинова и Биркенгофа «Старинные люди...» и «Потомки землепроходцев» — суть спора, который ведется до сих пор. Зензинов склоняется к достоверности легенды, живущей среди русскоустыинцев и передаваемой из поколения в поколение, будто предки их, выходцы с Русского Севера, бежали в свое время с прародины от притеснений Ивана Грозного. Раскопки на восточном берегу Таймыра со следами поселений начала XVII или даже XVI века подтверждают, что такое могло быть. Больше того — А. Чикачев приводит в своей книге малоизвестный у нас факт о разысканиях на Аляске, согласно которым новгородская колония существовала там уже в 70-х годах XVI столетия. Кстати припомнить, что Иван Грозный zelo расправился с Новгородом в 1570 году. И тогда же многие фамилии бросились спасаться от него пешими и водными путями. Мореходы, ходившие промыслом на восток не за одно море, ведали, естественно, и о землях, где их никто не сыщет. Вероятно, не сразу, с большими трудами, мучениями и потерями добрались они до Индигирки и уж тем паче до Аляски, да и вероятность — еще не доказательство,

но и сбрасывать со счетов возможность подобного исхода было бы несправедливо.

Другой путь — по рекам и волокам с постепенным присоединением Восточной и Северной Сибири в первой половине XVII века. Дата основания Ленского (Якутского) острога — 1632 год. Оттуда отряды первопроходцев спускались по Лене и с моря «заглядывали» в Яну, Индигирку и Колыму. Какими бы находками ни усиливалась легенда, но она пока еще легенда, отдавая ей должное, А. Чикачев, должно быть, скрепя сердце вслед за Биркенгофом и другими соглашается, что его земляки и он сам — потомки землепроходцев, а не мореходов. В таком случае Русское Устье, согласно первым письменным упоминаниям, было расчато тобольским казаком Иваном Ребровым в 1638 году. Также неблизко. Отталкиваясь от этой даты, и справили недавно 350-летие Русского Устья.

Что за важность, вправе вы спросить, когда явилось на свет это неказистое «жило» — в 1578 или 1638 году? Но для исторической науки, как и для всякой науки, мелочей, во-первых, не существует, а во-вторых, разве истина не должна доискиваться до своей подноготной? «Морское» происхождение Русского Устья объяснило бы главную загадку — удивительную сохранность в сравнении с другими русскими поселениями по побережью Ледовитого океана его старины, будто и действительно это было с самого начала его назначением. Тогда бы открылась тайна, не меньшая, чем кладбища мамонтов в вечной мерзлоте, где некоторые из гигантов точно заснули в полном своем телесном облачении и, кажется, от магического слова, если бы оно сыскалось, готовы подняться и двинуться на собственных ногах. На Лене, Яне, Колыме, да и Индигирке тоже, совсем в небольшой отдаленности от объекта нашего внимания русские деревни за века оказались сильно обьякученными, порой чуть ли не до полной потери собственного лица и языка. И в Русском Устье заметна примесь в том и другом, в языке меньше, в лице больше; рядом с соседствующими народами, с которыми устанавливались самые близкие и дружеские отношения, избежать этого полностью было невозможно, и все же не на Русское Устье влияло, а Русское Устье влияло на коренное население. Это можно сравнить с крепостью, ворота которой открывались, чтобы впускать, но не выпускать.

В наше время, когда национальные различия, должные, по великим учениям, все больше и больше стираться, вдруг поднялись на дыбы, словно повинувшись каким-то подземным силам, опыт Русского Устья, если бы удалось откопать его из мерзлоты и выставить на обозрение, мог бы сослужить службу не одному лишь любопытству. Национальность сегодня не только и не столько понятие кровности, сколько духовности, воспитания и бытование в определенной культурно-этнической сфере, в кругу того или иного этнического сознания. И сомневаться не надо, что Русское Устье выстояло благодаря силе сознания, вернее, осознания себя частью народа, к которому эта группа людей принадлежала, благодаря духовной неотрывности от него (вопреки отрыву физическому) и необыкновенной памяти.

Эта поразительная память, а также сохранность в части русскоустыинцев чисто славянского типа лица заставляют делать предположение, опять-таки в пользу легенды, что первоначальники пришли сюда семьями. Без русской женщины с самого начала едва ли тут могло обойтись. «*Cherchez la femme*» («ищите женщину») — расхожая французская поговорка должна на этот раз придержать свое ироническое звучание. Какой бы сильной ни была община, — а в крепости и влиятельности ее не приходится сомневаться, — какими бы средствами ни поддерживала она дух преданности своему роду, без роли, которую способна выполнить лишь женщина с ее приверженностью и поклонением всему, что покровительствует благополучию семьи; с ее вскормлением и отоплением вместе с домашним очагом и домашнего вероносительного храма; с ее религией предчувствий и ощущений, необычайно развитой, обостренной среди сурово властвующей природы; с ее вниманием ко всякому пустяку, ко всякому слову и знаку из принятого порядка жизни; с ее, наконец, тихой силой внушения и соединения — нет, без всего этого и много другого, что отличает женщину, потери были бы несравненно больше. Это особая, незаметная, ограждающая роль; и трудно не согласиться с наблюдением русского философа В. В. Розанова: «...в нормальном укладе жизни не столько жена переходит в род мужа, сколько муж вступает в род жены». Так оно и произошло в тех селениях, где казаки-первопроходцы с само-

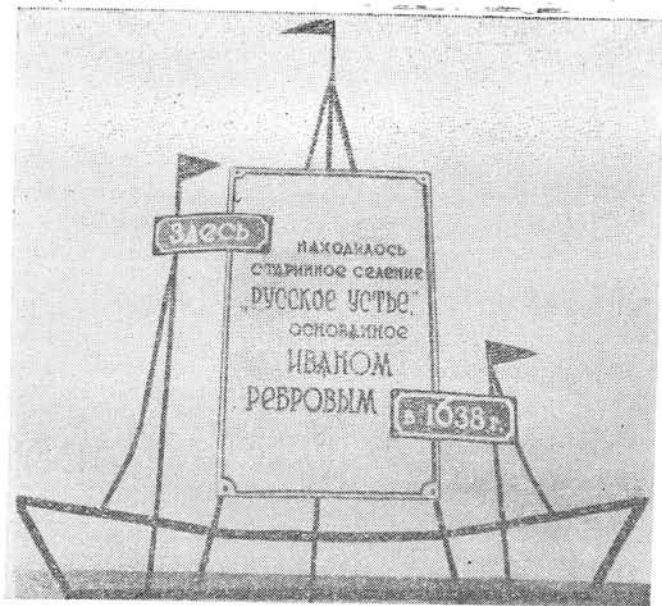
го начала вынуждены были брать в жены инородок и где через век-два приходилось лишь угадывать в большинстве семей прежний покров рода.

Но и общине в Русском Устье надо отдать должное. На взгляд теперешнего прогрессиста, ох и консервативная была публика в этой общине, если веками слово в слово повторяли старинные песни и были, сберегли язык, взяв из якутского только самое необходимое для обозначения новой предметности, если не потеряли почти ничего из дедовских поклонений, обычаев и верований и явились пред просвещенным обществом в обличье музейных фигур, а заговорив, встретили недоумение и непонимание. Явились к тому же трезвыми, не зная грубого слова, с ласковым приговором в обращении друг к другу, к земле, кормилице и поилице, ко всякому без исключения меньшему брату в тундровом окружении. Как, должно быть, боялся русскоустыинец XVII или XVIII века, что, оставаясь на дальних выселках, в уединении и заброшенности, невольно отвернет он от родного духа и при будущей встрече выкажется чужим, и как старался не обронить ничего по пути, чтобы предстать перед сердцевинной родиной в полной справе русского человека, а встретились — это она, Россия, находившаяся в одном теле, переродилась настолько, что едва узнала себя в склонившейся перед нею в приветствии фигуре отшельника.

Русскоустыинец был последним, больше некому будет выйти из лесов или болот и живым образом напомнить, что представляла собою Русь в волшебном обрамлении тусклого далека.

У Евгения Замятина, книги которого сейчас возвращаются на родину, в одном из рассказов под названием «Русь» есть исполненные ностальгической страсти и заповедной грусти слова:

«Может, распашут тут неоглядные нивы, выколосится небывалая какая-нибудь пшеница и бритые арканзасцы будут прикидывать на ладони тяжелые, как золото, зерна; может, вырастет город — звонкий, бегучий, каменный, хрустальный, железный — и со всего света, через моря и горы будут, жужжа, слетаться сюда крылатые люди. Но не будет уже бора, синей зимней тишины и золотой летней, и только сказочники, с пестрым узорочьем присловий, расскажут о бывалом, о волках, о медведях, о важных зеленошубых столетних

Памятный знак в старом Русском Устье. (Фото С. Н. Горюхова.)

дедах, о Руси, расскажут для нас, кто десять лет — сто лет — назад еще видел все это своими глазами, и для тех, крылатых, что через сто лет придут слушать и дивиться всему этому, как сказке».

Может, и действительно заколется когда-нибудь на русскоустыинских полярных землях хлебные нивы, а крылатых людей и сейчас здесь больше, чем всех иных; нет сомнения, что со временем придет сюда каменная и железная сказка, но того, что было еще совсем недавно, с тяготами, однообразием и суеверием досельной жизни — с тяготами, однообразием и суеверием, разукрашенными поэзией, танцством и волшебной связностью всего со всем, — этого больше уже никогда не будет. Из далекого далека и из глубокого глубока отзвучала под гортанные, птичьего всплеска, голоса русскоустыинцев их суровая быль, исполненная величия и простоты, уже сегодня представляющаяся сказкой.

Но еще звучала она, пусть прерывисто, засвеченно местами, как фотографическая пленка, новым бытием, но внятно и красно, когда подхватило ее перо, из-под которого и явилась эта книга. Я не вижу необходимости рекомендовать ее: кто интересуется судьбой и душой своего народа, тот не оставит ее без внимания. Быть может, кому-то из читателей соступы в этой книге из прошлого Русского Устья в настоящее покажутся несколько пресными в сравнении с остротой старобытности — что ж делать, такова наша реальность, от которой ближе предугадать дальнейшие пути России. Россия — молодая, но больная страна, и быть ли ей в будущем и сколько быть, где сыскать силы и духа для преодоления кризисного состояния — не подскажут ли пример и опыт маленькой колонии на Крайнем Севере, о которой идет речь в книге и которая по всем приметам не должна была выжить, но выжила.

Валентин Распутин

Что же, пусть небеса другие
опускаются надо мной.
Это тоже моя Россия,
край суровый, край мой родной.

(П. Комаров)

Глава I

На краю земли российской

Возвращенное имя

Не поленись, читатель, взгляни на карту нашей Родины. Далеко-далеко за Уральскими горами, за Верхоянским хребтом течет полноводная, но не самая крупная река Сибири Индигирка. В низовьях ее, за Полярным кругом, у самого берега холодного океана на протяжении трех столетий живет горсточка, не более 500 человек, русских людей.

Откуда взялись здесь, на далеком глухом Якутском Севере, русские люди? Что их заставило поселиться в стране льда и снега, на самом краю Ойкумена? Кто они? Отчаянные поморы, которые с незапамятных времен совершали далекие плавания по Ледовитому морю? Люди из казачьих отрядов, пришедших в якутскую землю в середине XVII века?

По сохранившемуся преданию, спасаясь от тяжелой государевой ратной службы, «от горя-злочастия», жители разных городов двинулись на восток на кочах, достигли реки Индигирки, поселились здесь и назвали свой поселок Русским Устьем, или Русским Жилом. Не менее 350 лет назад обосновались они в этом краю, населенном тунгусско-манчжурскими и палеазиатскими племенами. Нынешнее коренное население — якуты и эвены — пришло позднее.

Таким образом, русскоустыинцы по праву могут быть названы в ряду исконных обитателей этих мест. Они открывали неведомые земли, реки и моря, приобщая аборигенное население к более высокой русской материальной и духовной культуре, и незаметно, неброско вписали одну из ярких, героических страниц в историю русского первопроездческого движения «встречь солнцу».

В наши дни много говорят о приспособляемости человеческого организма к арктическому климату и суровому полярному быту. Работают над этой проблемой чуть ли не целые институты. А индигирщики, колымчане?! Несколько столетий люди живут, выражаясь современным языком, в экстремальных условиях. Сколько насмешек и унижений выпало на их долю за то, что, будучи наполовину азиатами, они упорно говорили только на русском языке. Их называли «странный народец», «ископаемые люди», «ни якуты, ни русские» и т. п. И ничего, выстояли! Выдержали! Не есть ли это яркий пример адаптации, удивительной физической выносливости и духовной силы русского человека?!

В последние годы стало модой, используя блага цивилизации, ненадолго приехать на Север или сенсационно прокатиться по Арктике, а потом трезвонить об этом как о великом подвиге. О каком подвиге?! Ради чего?! И невдомек им, современным «первопроходцам», что все побережье Ледовитого океана, включая полярные острова и Аляску, давным-давно исхожено, измерено, освоено простыми русскими людьми. Многочисленные покосившиеся безымянные кресты да заросшие «печища» по берегам рек и морей молчаливо напоминают об этом.

Современное Русское Устье — это поселок с центральным отоплением. Давно уже люди не «колудают» дрова и не топят железные печки. В поселке восьмилетняя школа, больница, детский сад, почта, телефонная станция. В квартирах горят голубые экраны телевизоров. Отсюда можно связаться по радиотелефону практически с любым городом Советского Союза.

Люди живут в достатке. На каждую семью приходится по снегоходу «Буран», по два лодочных мотора «Вихрь», больше чем по одному телевизору и радиоприемнику. Ежегодно мои земляки сдают государству на 80—100 тысяч рублей пушнина и до 150 тонн первосортной индигирской рыбы. Растет и развивается экономика и культура, растут люди. Русскоустыинцы работают в различных отраслях народного хозяйства...

Конечно, климат здесь очень трудный. Со стороны жизнь порой кажется невозможной. Но старожилы — иного мнения. Многие из них, и не по одному разу, бывали в европейской части Советского Союза: учи-

лись, служили в армии, отдыхали. Но спроси их: «Ста- ли бы вы там жить?» — «Нет! Тундра — наш дом. Тут жили наши отцы и деды, тут будут жить наши внуки». Все они по-сыновьи любят родные места: и студеную Индигирку, и тундру — «Сендуху», и щедро рассыпан- ные по ней рыбные озера и синие «едомы». Их тяга к новой жизни, к современному труду удивительно со- четается с желанием работать и жить на своей пелас- ковой, но родной земле.

О Русском Устье написано немало. Мне, сыну ин- дигирского промышленника, приходилось и приходится наблюдать жизнь моего села не со стороны, не как постороннему наблюдателю, а как бы изнутри, как участнику этих событий. Поэтому в своей книге, имею- щей автобиографический подтекст, я опирался не толь- ко на исторические источники, но и на личный опыт. Как это получилось — судить не мне. Пусть мой скром- ный труд послужит данью уважения и признательности моим предкам — тем, кто первыми открывали тайны сурового и неизвестного края Земли.

...Большая радость пришла недавно на Индигир- ку — Русскому Устью возвращено его исконное назва- ние, которого поселок лишился около полувека назад. Тогда, в 1942 году, он был перенесен на новое место (на 20 километров вниз по течению реки), получив при этом и новое имя — Полярный.

Хорошо помню, как не хотели люди переселять, хо- тя и расстояние-то невелико, по северным меркам пус- тьяк, но не хотели они сниматься с родительских гнезд. Много было слез и споров. Женщины причитали:

Прощай, батюшко Русское Устье!
Прости нас, грешных.
Теперь нам по твоим веречийкам не хаживать,
Матушку-дубравушку не таптыкать.

Некоторые остались верны Русскому Устью до са- мой смерти. Так и не пересели в Полярное Г. И. Ше- лоховский, И. И. Щелканов, Т. В. Чикачев. На первых порах даже существовал своеобразный антагонизм между переселившимися и оставшимися. Последние рас- певали частушку:

Полярники модные,
По три дня голодные,
Они рыбу не едят —
На овсяночке сидят.

Ответная частушка полярников:

Шелоховский Гавриил
В Русском поживает.
От Креста до Толстой
Собака проминает.

В последние десятилетия Русское Устье не обозна- чалось на географических картах. Но, вопреки чинов- ничьей логике, оставалось в памяти народной, в живой речи. Никто не говорил, что он родом из Полярного, за- то многие шутили: «Мы из захолустья — из Русского Устья».

В июле 1988 года русскоустыинцы отметили 350 лет основания своего села. Кое-кто считает этот возраст заниженным. Вполне возможно. Но и 350 лет ведь немало.

Праздник вылился в череду больших и малых со- бытий. Сюда съехались гости из Москвы, Иркутска, Якутска, Нерюнгри, с Печоры и Колымы, едва ли не со всех уголков России. И все так или иначе связаны были с судьбой нашего села.

За большие заслуги трудящихся в освоении Край- него Севера, укреплении многовековой дружбы народов село Русское Устье было награждено Почетной грамо- той Президиума Верховного Совета Якутской АССР. Установленная местными радиолюбителями специаль- ная антенна позволила принять поздравительные ра- диограммы из многих городов Советского Союза. А одна пришла из Японии: «Рад приветствовать всех. Опера- тор Кей. Саппоро». Но, пожалуй, самой желанной ока- залась телеграмма из Иркутска: «Поздравляю русско- устыинцев с юбилеем. Радуюсь вместе с Вами возвра- щению старинного названия. Желаю успехов. Искренне ваш В. Распутин». И еще одна радость. Добытый на фабрике № 12 города Мирного ювелирный алмаз весом в 76,25 карата получил наименование «Русское Устье».

Одним из центральных событий праздника стало открытие памятника русским землепроходцам и поляр- ным мореходам. В памятник заложена капсула с пись- мом потомкам, которое они должны вскрыть через 50 лет, в день 400-летия села:

«Дорогие внуки и правнуки наши!

Обращаемся к Вам из XX века в день 350-летия нашего родного Русского Устья.

Писатель Валентин Распутин — гость русскоустынцев. 1985 г.
(Фото В. В. Дмитриева.)

Храните и передавайте из поколения в поколение память о славных наших предках — мужественных русских людях, которые, героически сопротивляясь полярной стихии, трепетно любили и мудро осваивали этот далекий край земли российской.

Сохраняйте древний наш русский язык, благородные традиции и фольклор.

Любите эту землю. Пусть она холодна и неуютна, но это родная земля, земля предков. Пусть окружающая Вас матушка-Сендуха не будет просто площадкой для пропитания и процветания, а кормилицей и судь-

бой. Относитесь к ней с такой же святостью и почитанием, с какой относились наши отцы и деды. Любите и оберегайте кормилицу нашу матушку Индигирку-реку и батюшку Ледовитый океан-море.

Крепите дружбу народов, воспитывайте новые поколения в любви и преданности советской Отчизне.

Нам не все удавалось сделать, и, может быть, мы многое делали не так, как надо было, слишком тяжелые испытания выпали на долю поколений, живших в XX веке.

Мы по-хорошему завидуем Вам. Вы будете жить в период величайшего расцвета цивилизации, напишите новую яркую страницу в истории Русского Устья, в умелом и добром освоении Крайнего Севера.

Помните, в развитии этой цивилизации заслуга многих поколений ваших предков. В день 400-летия Русского Устья в июле 2038 года помяните их добрым словом.

Потомки, будьте счастливее и мудрее нас!»

Затем были спортивные соревнования и не совсем обычные «игры предков»: «куликание», ходьба с «сукушером», перевод собак «на поддевошляке», перенос «момского бревна», ходьба «бечевой», бросание копыя в цель, приготовление юкеры, разведение костра и многое другое. Игры уступили место художественной самодеятельности. Поистине уникален ансамбль «Русскоустыицы», созданный недавно по инициативе и под руководством В. Г. Чикачева. Звучали на зависть поклонникам повомодной музыки неистребимые мелодии русской старины XVI — XVIII веков. Пожалуй, нынче только здесь можно услышать такое:

Полетим, кукушечка, в Казань-городок,
Казань-городочек на красе стоит,
Казанская реченька медом протекла,
Мелки ручеечки сладкой водочкой,
По бережку камушки разноцветные,
Врешь ты, врешь, молодчик,
Врешь-обманываешь:
Казань-городочек на костях стоит,
Казанская реченька кровью протекла,
Мелки ручеечки горькими слезами,
По бережку камушки — буйны головы.

Это — о покорении Казани дружиной Ивана Грозного. Историческую песню сменяет старинная былинная система
Летал голуб, летал сизый со голубочком,
Удалой молодец с красной девичьей

Центральная районная библиотека
имени М. В. Гоголя
195027, Среднеохтинский пр., 8
тел. 24-20-08

Кабы ты, моя голубка, со мной, голубом, была,
Кабы ты, моя милая, со мной, с молодцом, жила,
Я бы золотом осыпал, жемчугом бы унизал,
Я бы летнею порою во каретах покатал.

Солисты озорно одаривают слушателей знаменитыми русскоустыинскими частушками. Вперемежку с ними — присловья, прибаутки, загадки. Причем загадки своеобразные, несущие в себе и неожиданность, и озорство, и особый северный колорит: «Старую старуху за пуп да за пуп» (дверь. Пуп — узелок на веревочке, за которую открывали дверь); «Сидит баба на яру, расщиперила дыру» (пасть — песцовая ловушка); «Из кустов повылезло, с конца залунилось, к красным девушкам потянулося» (морощка).

Не успели закончиться загадки, со сцены звучат экспромтом сочиненные стихи:

Полярный — звучит красиво,
Но прошлое не надо забывать.
И рады мы, что стали справедливы
Село вновь Русским Устьем называть.

Концерт завершился массовым «досельным» танцем, танцевали его около ста человек.

Два дня ликовало древнее село. Было много радостных встреч, узнаваний, ярких воспоминаний и счастливых слез. Праздник вселил добрую уверенность, что не все еще изощло, рассеялось, иссякло. Еще поживет, еще подержится вековая память и старорусская закваска, дивом уберегшаяся в суровых холодах скоротечного времени.

Страницы истории

Под Русским Устьем следует понимать не просто одно селение, стоящее на левом берегу реки Индигирки, а всю совокупность маленьких поселений, расположенных в дельте. Находятся они на 71-м градусе северной широты. Среднегодовая температура воздуха составляет здесь минус 15 градусов. Снежный покров держится восемь месяцев. Основное занятие населения — рыболовство и охота на белого песца.

Впервые Русское Устье упоминается в научной литературе в 1739 году в рапортах лейтенанта Дмитрия Лаптева в Адмиралтейств-коллегию. Руководитель Ве-

ликой Северной экспедиции В. Беринг поручил ему описать берег Ледовитого океана на восток от Лены.

Бот «Иркутск», на котором совершал плавание Д. Лаптев, вмерз в лед около устья Индигирки. Отряд на зимовку перебрался в оказавшееся неподалеку село. Местные жители предоставили экспедиции жилье, транспорт, подвозили топливо, обеспечивали свежей рыбой и мясом. С их помощью за зиму Д. Лаптеву удалось описать морской берег от реки Яны до Колымы, а также перебросить в устье Колымы 300 пудов продовольствия.

Весной 1740 года Лаптеву пришлось спасать свое судно. На помощь пришли 85 жителей прииндигирских сел. Вместе с экипажем бота они пешнями дважды прорубали во льду километровый канал и вывели судно на чистую воду. Однако при очередной подвижке льда «Иркутск» сорвало с якоря и посадило на мель. Тогда люди, стоя по пояс в холодной воде, стали подводить под него ваги и все же спасли от гибели [Мостахов, 1966, с. 87].

...С тех пор Русское Устье обозначается на всех географических картах. На некоторых картах нет, к примеру, Липецка и Калуги, а Русское Устье есть. И, видимо, не только потому, что в этой части карты много свободного места. Село это не совсем обычное — оно этнографическая неповторимость, «сколок Исландии русского быта».

Отсюда фактически начался морской поход Семена Дежнева, завершившийся открытием пролива между Азией и Америкой. Русское Устье в разное время посетили М. Стадухин, Н. Шалауров, Я. Сапников, Г. Майдель, К. Воллосович, чьи имена, как и имя Д. Лаптева, увековечены на карте нашей Родины.

Не исключено, что о Русском Устье мог знать А. С. Пушкин — из рассказов своего лицейского друга, адмирала Ф. Ф. Матюшкина, работавшего в Колымо-Индигирском крае с 1820 по 1824 год. Может быть, о моем родном, богом забытом селе знал В. И. Ленин, поскольку в номере «Правды» от 18 марта 1914 года под заголовком «Место ссылки» напечатана небольшая заметка о Русском Устье.

Первый самолет, появившийся в небе восточной Арктики в 1929 году, совершил одну из своих посадок не где нибудь, а в Русском Устье.

Кому-то эти факты могут показаться незначительными. Но для нас, уроженцев далекого «захолустья», знать о том, что и наше село каким-то образом причастно к истории, — немаловажно.

Как известно, продвижение русских в Сибирь, расширение северо-восточных границ русского государства были следствием ряда объективных обстоятельств. Важной побудительной силой явилось то, что Сибирь была богата пушным зверем («мягкой рухлядью»), а ее северо-восток — мамонтовой костью («костью, рыбьим зубом»). Эти товары были валютой, необходимой Московскому государству для складывавшегося всероссийского рынка и для торговли с другими странами. Кроме того, жизнь настоятельно требовала, чтобы крепнувшее государство определило свои новые восточные границы.

Выгода от добычи собольих мехов и мамонтовой кости заставила артели промышленных и служилых людей, несмотря на суровые условия, устремиться в Восточную Сибирь. В результате за сравнительно короткий срок — за несколько десятилетий XVII века — удалось освоить огромные ее пространства.

Не только перспектива обогащения гнала русских людей так далеко от родных мест, но и извечное стремление к познанию нового, к открытию неизвестного. История сохранила для нас письмо, адресованное матерью сыну Константину Красильникову, оставшемуся на Севере: «От матери твоей Настасьи к сыну моему Константину Ивановичу благословение и поклон. Буди на тебя, сын мой, мое материнское благословение отныня до века в сем веке и в будущем. Я божею милостью у Соли Вычегодской у зятя своего Ивана и дочери своей Огрофены на подворье до воли божьей жива, а впереди того же Спасова воля.

А жена твоя Марья, дал бог, здорова, живет у Соли Вычегодской со мною вместе да сын твой Петруша... Да бог тебе судит, что ты меня, мать, позабыл и кинул на старость, ко мне по се время не придешь. И ныне, чадо мое, помилуй меня, утоли мои матерны повседневные по тебе слезы, беспрестанно по тебе горькими слезами на старость плачу, на жену твою и на сына твоего смотря.

А сын твой полмужика, бог дал ему и разум, а промыслу никакому учить некому.

Послушай, Константин Иванович, меня, мать свою, и не презри моего моления слезного, приеди ко мне, стара, немощна при конечном житии. И буде меня не послушаешь и матерно моление презришь и к Соли не будешь и меня, и жену свою, и сына своего покинешь, и тебе, сын мой, за твое ко мне непослушание не будет милость божья и мое материнское благословение» [Якутия в XVII веке, с. 406].

В 1628 году впервые русские землепроходцы появились на Лене и Вилюе. В 1632 году казачьим сотником П. Бекетовым был основан Якутск, который в дальнейшем сыграл огромную роль в освоении северо-востока Азии и Аляски.

В 1633 году группа служилых и охочих людей подала челобитную о разрешении идти им на «новое место морем на Янгу-реку». Во главе этой экспедиции стал тобольский казак Иван Ребров. Отряд, начав свой путь с Лены, сумел достичь реки Яны.

Через некоторое время Ребров продолжил свой путь далее на восток, преодолев около тысячи километров по Ледовитому океану, добрался до Индигирки, которую тогда называли Собачьей рекой. Здесь Ребров построил два острожка. (Один из них, несомненно, Русское Устье.) На Яне и Индигирке он пробыл в общей сложности семь лет и только в 1641 году с собранным ясаком возвратился в Якутск. О невероятно тяжелых условиях этих походов говорят скупые слова челобитных И. Реброва: «Нужду, и бедность, и холод терпел и душу сквернил, и ел всяко, и сосновую кору, и траву» [Открытия русских..., 1951, с. 130].

С полным основанием можно считать, что Ребров открыл для государства юкагирскую землю. «А промеж меня, — писал он в челобитной, — на тех тяжелых службах на Янгу-реке и на Собачьей не бывал никто, проведая я те дальние службы» [Открытия русских..., 1951, с. 130].

Смутные легенды и предания, еще сохранившиеся в памяти русскоустыинцев, свидетельствуют о былых плаваниях арктических мореходов и согласуются с челобитной Ивана Реброва. «Слышал я от старых, совсем старых людей, что ранее Индигирка была юкагирская река. Собрались люди из разных губерний и поплыли

на лодках морем — от удушья спасались, болезнь такая. И доехали до Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий. Дед мой был дворянином, и грамота у него была золотыми буквами писанная, да мальчишка изорвал. Как стали подати собирать, в мещане записали, а сначала то вовсе ничего не платили. Узнали, наконец, про них в России, царь послал комиссаров подати собирать. Дальше больше, обжились люди. Была ревизия, приехала сюда — фамилии искали: „Ты из Воронцовской губернии (Воронежской. — А. Ч.) — будешь Воронцовский, ты из Галуги (Калуги. — А. Ч.) — будешь Галугинский“» [Зензинов, 1914а, с. 13].

«Приплыли они на кочах по Голыженской протоке и остановились на устье Елони... и построили они 14 домов, кабак и баню. Первое время много пили и гуляли. Несколько человек утонуло. Оттого это место на устье Елони до сих пор называется „Гулянка“. Была оспа. Многие умерли. После с „Гулянки“ люди переселились на то место, где теперь Русское Устье стоит». (Записано со слов А. П. Чикачевой-Стрижевой, 80 лет, 1958 г., Полярный.)

В научной литературе считается, что Ребров достиг Индигирки в 1638 году. Это, в частности, единодушно утверждают академик А. П. Окладников и профессор М. И. Белов. Считалось, что это плавание для Реброва было последним, ибо в 1652 году возглавляемая им экспедиция исчезла бесследно. Однако, по утверждению М. И. Белова, Ребров благополучно вернулся из похода и скончался в Якутске в 1666 году [Белов, 1973, с. 150].

Почти одновременно с «морским ходом» была открыта сухопутная дорога на Индигирку. По последним данным отряд еписейских казаков во главе с Постником Ивановым (Губарем) вышел из Якутска, перевалил через Верхоянский хребет и в 1636 году достиг верховьев Яны. Оттуда, взяв проводника, он прошел Индигирку. В этом походе участвовали известные в будущем землепроходцы С. Дежнев, Д. Зырян, Ф. Чюкичев. На Индигирке казаки помимо своей основной службы занимались охотой. С. Дежнев добыл 100 соболей, остальные по 10—20 [Белов, 1973, с. 50].

Во второй поход на Индигирку Постник Иванов отправился в апреле 1638 года во главе отряда из 30 человек, снарядившись за свой счет; достиг Яны и

построил Верхоянское зимовье. Весной 1639 года он с помощью проводников юкагиров пошел по реке Тоустаху — правому притоку Яны и достиг Индигирки. Здесь следует предположить, что отряд казаков вышел на Индигирку в районе нынешних поселков Тюбелях и Предпорожний, то есть там, где речка Тоустах наиболее близко подходит к ней.

По Индигирке казаки спустились вниз и построили Зашиверский острог. Осенью того же года на небольших кочах отряд совершил разведку вверх по Индигирке в район Оймьякопа и привел в подданство юкагирские роды. На другой год, оставив на Индигирке отряд из 17 человек, Иванов вернулся в Якутск. Он сообщил: «А Юкагирска-де, Государь, земля людна и Индигирская река рыбна. Будет-де, Государь, впредь на Индигирской реке в Юкагирской земле и 100 человек служилых людей, и тем людям можно сытым быть рыбою и зверьем без хлеба. А по всем рекам живут многие пешие оленные люди, а соболя и зверя всякого много по всем тем рекам. Да у юкагирских же-де, Государь, людей серебро есть, а где они серебро емлют, того он, Постничко, не ведает» [Открытия русских..., 1951, с. 76].

Сообщение Постника Иванова заинтересовало Якутское воеводство, произвело большое впечатление на промышленников и торговых людей. Отважные русские люди, не боясь опасностей и трудностей, устремляются на восток. Организуется отряд из 16 человек во главе с Дмитрием Зыряном (Ерило). Он спустился на кочах в низовья Индигирки и «поставил зимовье с косым острожком, ис тундр вышел, в лесном месте, на Алазейском переходе против каменного носу на заречной стороне». Зимовье называлось Олюбенским — по имени одного из местных юкагирских родов и находилось оно, как нам думается, в районе современного поселка Оленегорск. Олюбенские князья братья Морля и Бурулга добровольно согласились платить ясак и даже попросили казаков защищать их от нападения шоромбойских и енгиских юкагиров. «У нас с енгискими мужиками бои живет во вся годы. А поставьте вы зимовье на Индигирской реке в наших олюбенских кочевьях, ис тундр вышел, край лесов, на Алазейском переходе, на рыбной ловле, и на зверином правезу, и на соболином промыслу» [Открытия русских..., 1951, с. 133].

От них Д. Зырян и узнал, «что-де есть отсюда по Индигирской реке всплыв на море правую протокой, а морем бежать парусом от устья до Алазейской реки небольшое днище, а на той реке живут и кочуют многие алазейские юкагирские люди». Летом 1642 года Д. Зырян и Ф. Чюкичев с отрядом в 15 человек, в сопровождении юкагира Ченчюги, на коче пустились в плавание, открыли реку Алазею и поставили небольшое зимовье.

Постепенно большая часть русских промышленных людей обзаводились семьями, женились на «прекрасных юкагирках» и превращались в постоянное промышленное население. В конце XVII века на реках Оленек, Лена, Яна, Индигирка, Колыма и Анадырь возникли небольшие, но постоянные русские поселения. Их жителей по месту проживания стали называть индигирщиками (русскоустынцами), колымчанами (походчанами), анадырщиками (марковцами) и т. п. Так, уже в 1652 году на Индигирке оброк уплатили 142 человека: устюжане, витичи, усольцы, холмогорцы, новгородцы и чердынцы [Гурвич, 1966, с. 55].

Вплоть до конца XIX века в низовьях Лены существовало четыре русских поселения, в устье Индигирки — 29 и на Колыме — 20. Общая численность постоянного русского населения севера Якутии составляла ко времени Октябрьской революции около двух тысяч человек [Сафронов, 1961, с. 106].

В середине XVII века Зашиверский острог был преобразован в город, поэтому всех индигирских промышленников* приписали к нему и стали именовать зашиверскими мещанами. Загадочный русский город на Индигирке Зашиверск — «якутская Помпея» — имел свои периоды расцвета и упадка, однако вплоть до начала XIX века был одним из главных форпостов русского влияния на северо-востоке Азии. До наших дней сохранился уникальный архитектурный памятник этого города — здание Спасо-Зашиверской церкви, которое вывезено под Новосибирск и установлено на территории музея под открытым небом.

В 1805 году Зашиверск был упразднен как город, все административные учреждения были переведены

* Под словом «промышленник» следует понимать «охотник-промысловик». Далее при незнакомых или непонятных словах смотрите словарь в конце книги.

в Верхоянск, а индигирских «промышленников» стали называть верхоянскими мещанами. (В. П. Ногин, отбывавший ссылку в Верхоянске в начале нашего века, писал: «Любопытно отметить административный курьез. Официально Верхоянск можно считать городом без жителей, так как верхоянские мещане живут на расстоянии 2000 верст от Верхоянска на Русском Устье реки Индигирки и никто из них в Верхоянске не бывал» [Ногин, 1923, с. 44].) В этом сословии они и встретили Октябрьскую революцию.

Общее количество русских жителей Индигирки на протяжении XVIII — XX веков не превышало в среднем 500 человек.

На протяжении этого периода русское старожильческое население изредка пополнялось новыми посе-

Год	Количество жителей	Источник
1750	493	Зензинов, 1914 а, с. 27
1782	329	Кабузан, Троицкий, 1968
1858	390	ЦГА ЯАССР, ф. 414, оп. 1, д. 90
1864	415	Там же, д. 57
1897	336	Якутия, 1927, с. 386
1927	413	Агафонов и др., 1933, с. 69
1985	Свыше 500	По подсчетам автора

ленцами, однако общее его количество не увеличивалось, а иногда даже резко уменьшалось. Так, с 1864 по 1897 год оно уменьшилось почти на 100 человек. То же самое происходило и в соседнем Нижнеколымском сельском обществе.

Уменьшение населения в указанных обществах объясняется оспенной эпидемией, свирепствовавшей в Колымо-Индигирском крае в 1884 году, которая унесла около трети населения. В местечке Лобазно на старом кладбище свалена большая куча дров. Старики объясняли, что во время оспы мертвых не успевали хоронить, да и сил не было. Поэтому их свозили на кладбище и закладывали дровами. И таких могил было немало.

Отбывавший ссылку в Среднеколымске соратник В. И. Ленина С. И. Мицкевич писал: «Есть что-то роковое в условиях жизни северо-востока Сибири, может быть вообще полярных стран. Племена, которые имели

несчастье поселиться там, как бы осуждены на вырождение и вымирание. Все национальные группы Колымского края уменьшаются в численности: одни скорее, другие медленнее» [Мицкевич, 1902, с. 85].

Небольшой группе русских людей, закинутых в глухую якутскую тундру, пришлось вести трудную борьбу с тяжелыми природными условиями, внося в северный быт элементы более высокой хозяйственной культуры. Они завезли на север промысловый инвентарь — обметы на соболя, кулемы, пасти, плашки, а также новые средства для рыболовства — неводы, сети, пещни, топоры и т. п. Это способствовало появлению у коренных народностей более современных орудий труда, содействовало развитию производительных сил.

В свою очередь пришлое русское население восприняло у местных жителей все необходимое для жизни в условиях Крайнего Севера: одежду, обувь, пищу, средства передвижения.

И надо отметить еще одно немаловажное обстоятельство: постоянное проживание русских среди аборигенов способствовало прекращению кровопролитных межродовых войн. У всех народностей Севера, которые в течение столетий жили с русским народом в одном государстве, возникло и развивалось чувство того, что Россия является их общей Родиной.

В XIX — начале XX века на Индигирке, кроме Запыверска, было 29 русских селений, в каждом из них было от двух до семи дворов. Три селения — Ожогоино, Полоусное и Шанское — находились в лесной зоне, а все остальные в дельте реки Индигирки — это Русское Устье, Косухино, Лобазно, Стариково, Кузьмичево, Осколково, Марково, Косово, Федоровское, Станчик и другие. Во всех этих селениях жили мещане, только в Косово и Колесово — крестьяне, причисленные к устьянскому крестьянскому обществу. Центром мещанского общества было Русское Устье, где находились управа, церковь и жил староста.

В трех «верхних» селениях (Ожогоино, Полоусное и Шанское) проживавшие там мещане назывались «ожогинцами». Они, хотя и принадлежали к одному с русскоустыинцами мещанскому обществу, но относились к другому церковному приходу — Полоуснинскому. Жители этих селений в последующие годы сильно

объякутились и утратили свои этнографические особенности. Русскоустыинцы же, окруженные со всех сторон нерусским населением, на протяжении веков упорно говорили на родном русском языке, сохранили русские обычаи, русскую культуру, которая заметно воздействовала на соседние народности.

Фамилии индигирских русских указывают на их происхождение. Киселевы, Струковы, Антоновы, Щелкановы, Чихачевы, Шкулевы часто встречаются в документах XVII века — в различных «отписках», «челобитных», «расспросных речах». В 1648 году в Якутске было восстание ратных людей, которые убежали вниз по Лене и далее на восток, среди них встречаются русскоустыинские фамилии: «рядовые казаки Ерофейко Киселев и Гришка Антонов».

Как известно, при расспросах Чихачевы, рассказывая о своем происхождении, упорно утверждали: «Мы Чихачевы — из Зырян». По всей видимости, предком Чихачевых был казак Федор Чюкичев из отряда Дмитрия Зыряна, пришедшего на Индигирку в 1640 году. Позднее Ф. Чюкичев неоднократно плавал по Индигирке, бывал на Алазее и Колыме. Следует подчеркнуть, что Ф. Чюкичев — первый из русских, встретившийся с чукчами. Он сообщил: «На Алазею к ясачному зимовью приезжали чухчие оленей продавать. А живут-де те чухчие промеж алазейскою и колымскою реками на тундре» [Открытия русских..., 1951, с. 59].

Названия местностей по реке хранят имена первопроходцев. Селение Ожогоино названо, видимо, по фамилии И. Ожегова, плававшего по Индигирке в 40-е годы XVII века; холм Горелова и остров Горелова, по всей вероятности, имеют отношение к мореходу Андрею Горелову. Булдаковские Холмы и Меркушинская Стрелка напоминают нам о мореходах Тимофее Булдакове и Меркурии Вагине. Две Малыгинские лайды и заимка Колесово — свидетели былых походов М. Колесова и Н. Малыгина. Название протоки Гольженской, скорее всего, произошло от корня старинной фамилии русских поселенцев этих мест. (Но фамилия *Гольженский* в старину иногда писалась *Галугинский*. Известно, что Осип Гольга на коче морехода Андрея Горелого был направлен из Якутска на Индигирку. В губе Омолоевой их «взял замороз», и дальнейший путь они проделали на собаках.)

Все это дает основание полагать, что заселение Индигирки русскими людьми началось в основном в середине XVII века. Постепенный выход русских от Зашиверска на север, очевидно, связан с освоением тундры, богатой песцом, на который возникает спрос как казны, так и частного рынка, поскольку соболиные богатства тайги начиная с конца XVII века стали истощаться.

В то же время нельзя полностью отрицать тот факт, что какая-то часть предков индигирщиков могла проникнуть на Индигирку с Лены, Енисея и из Мангазеи морским путем. Ведь находили же стоянки полярных мореходов XVI—XVII веков на восточном берегу Таймырского полуострова и даже на Новосибирских островах. Более того, в октябрьском номере американского журнала «Славянское и восточно-европейское обозрение» за 1944 год напечатана статья «Потерянная колония Новгорода на Аляске». Автор ее на основании письма, присланного в 1794 году русским миссионером на Аляске Германом настоятелю Валаамского монастыря, и раскопок, произведенных в 1937 году на Кенайском полуострове (Аляска), при которых были обнаружены остатки древнего поселения, пришел к выводу о существовании там Новгородской колонии, основанной в 1571 году [Бадигин, 1956, с. 160].

В 1650 году из Якутска отправились морем два отряда — Булдакова и Горелова. Судьбу мореходов, затертых льдами, живо рисует рассказ Тимофея Булдакова: «Против Устья Хромка постигла ночная пора, стало темно и наутро море замерзло. И мы, Тимошка, стали пятью кочами на простой воде, а с земли недалеко. И стояли в том месте три дня, и лед начал быть толщиной на ладонь, и хотели волочиться по земле на нартах, а в Семенов день (1 сентября) волею божию потянули ветры отдерные от земли, и нас со льдом отнесло в море, и несло нас пятеры сутки...

И как мы, Тимошка, со служилыми и торговыми и промышленными людьми пошли с кочей к земле, а в те поры льды на море ходят и достальные кочи ломает и запасы (выгруженные из кочей) темы льдами разносит, а мы на нартах и на веревках друг друга перволачивали, со льдины на льдину перепихивали и, идучи по льду, корм и одежду дорокою метали, а лодок от кочей с собою не взяли, потому что, морем идучи, оцин-

жали, волочь не вмочь, на волю божию пустились и от кочей по льду до земли девять дней, а вышед на землю, поделали нартишки и лыжишки. И холодны, и голодны, наги и босы достигли Уяндинского зимовья» [Якутия, 1953, с. 57].

«Сообщение о плавании Булдакова,— писал А. Е. Норденшельд,— заслуживает особого внимания, потому что в нем рассказывается о встрече с двенадцатью кочами с казаками, купцами, зверопромышленниками, направляющимися частью из Лены на восток, частью из Колымы и Индигирки на Лену. Обстоятельно это доказывает, что в этой части сибирского Ледовитого моря существовало в то время большое движение» [Норденшельд, 1935, с. 369].

Какая-то часть людей из этого движения, возможно, поселилась на участках, богатых рыбой и песцом.

Участник экспедиции Ф. П. Врангеля (1820—1823 гг.) штурман П. Т. Козьмин вот что сообщает об индигирском восьмидесятилетнем мещанине Р. Т. Котевщикове: «Родился он в Киренске, на 15-м году жизни взял его брат с собой в путешествие вниз по Лене. Вместе с Котевщиковыми поехали до 40 человек мужчин, женщин и детей. Они отправились под начальством киренского мещанина Афанасия. Две зимы провели они в безлюдной тундре, скудно питаясь рыбой, по собрали много мамонтовой кости.

На вторую зиму многие из спутников умерли, в том числе Афанасий. Тогда старший Котевщиков принял начальство над остальными. Они достигли моря и долго плавали вдоль берегов, наконец потерпели кораблекрушение около устья Индигирки. Спаслись только братья Котевщиковы. Они построили хижину, провели там зиму.

На следующее лето увидели двух человек и решили убить их, но люди оказались русскими. Договорились вместе вчетвером совершить путешествие вверх по Индигирке, но ночью сбежали обратно в свою хижину. Почему сбежали? Старик ответил: «В то время, если товарищи на одном судне разделялись на две партии, существовало обыкновение при первой добыче выходить на берег и решать вопросы оружием, кому она должна принадлежать».

Видя, что товарищи сильные и здоровые люди, не надеясь с ними справиться, Котевщиковы решили

лучше возвратиться в свою пустыню. Здесь провели они еще полтора года, и, наконец, на пятую зиму, преследуя оленя, случайно приблизились к селению Русское Устье, состоящему тогда из шести изб. В нем жили 15 человек русских. Котевщиковы также тут поселились» [Врангель, 1948, с. 211].

Из сказанного следует, что русскоустыинцы — это в основном потомки русских землепроходцев и мореходов XVII века, которые обосновались в дельте Индигирки в связи с повышением спроса на песцовый мех.

Позже, когда якуты поняли значение песцового промысла, хозяйство их стало перестраиваться и постепенно пришло русское направление — рыболовецкое и охотничье-промысловое. Но промысловые (песцовые) угодья, равно как и неводные «пески», были захвачены русскими, и началась тяжба [Биркенгоф, 1972, с. 88].

Судя по материалам, почерпнутым В. Зензиновым из архива мещанского старосты, в 1831 году якуты, пришедшие на Индигирку позже русских, подали в комиссию по переобложению инородцев жалобу на русских, захвативших, по их мнению, лучшие рыболовные места и расставивших «по лицу тундры» песцовые ловушки. В этой жалобе якуты писали: «Заселились к нам несколько русских семейств, мещан упраздненного г. Зашиверска и Якутска, которые дошли до такой степени свободы, что, оставив свое жительство, расселились по разным местам, инородцам принадлежащим». Иркутский губернатор дал предписание выселить с Индигирки мещан «незамедлительно и не припимая никаких отговорок».

С таким решением индигирцы не согласились и начали длительную переписку с начальством, отстаивая свое право на жительство. Борьба была длительной и упорной. Русские вынуждены были дать согласие на переселение, но из года в год откладывали его под различными предлогами, отказывались даже от звания мещан и просили переписать их в крестьянское сословие, надеясь этой жертвой умиловить начальство; посылали старосту Ивана Чихачева в Иркутск. Вот что они писали 10 апреля 1831 года: «Предки наши — отцы и деды — имели жительство на реке Индигирке на местах Уяндино, Ожогоино, Шанское и Русское Устье, но с какого позволения, вовсе нам неизвестно: впоследствии времени опытностью от стар-

ших дознано нами токмо то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими кочами, потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском poste, тут же земскую избу и молитвенный дом, когда же открылся г. Зашиверск, в который не переселяя нас, переименованы мы мещанами этого города».

В другом документе, датированном 15 марта 1832 года, они утверждали: «...постоянное жительство наше с предков, как опытностью от старших известно, более 150 лет» [Зензинов, 1914а, с. 12]. Следовательно, предки русскоустыинцев появились на Индигирке не позже 1682 года.

В результате всех этих усилий мещанам удалось добиться своего. Они остались на своем месте и в прежнем, то есть мещанском, звании. По всей видимости, было принято компромиссное решение. Часть охотничьих угодий по Средней протоке в дельте Индигирки была передана якутам. Многие местности по правой стороне Средней протоки и по сей день носят якутские названия: мыс Омуллях, селение Хатыстах, заимка Якутское жильё. Участок тундры между протоками Средней и Уларовской до сих пор называется Якутским морем, на котором вплоть до 1945 года находились песцовые ловушки аллаховских якутов.

Два слова о русскоустыинском архиве. Еще В. М. Зензинов с большим сожалением отмечал, что в Русском Устье и в других северных местечках Сибири гибнут ценные архивы. Так, в некоторых архивах Колымского округа были документы XVII века, запечатленные на бересте. Эта береста ушла на растопку печей.

Что же произошло? В середине 20-х годов пришло головоотянское указание об уничтожении архива. Заставили людей выдолбить прорубь и спустить туда кипы ценных бумаг. Затем поступила новая команда: был допущен перегиб — надо спасти документы. Снова стали рубить лед и вымораживать их со дна. Несколькими глыб льда вместе с вмерзшими в них папками вытащили и положили на крышу амбара. Больше к ним никто не подходил. Со временем дождь и ветер окончательно уничтожили бесценные сведения о далеком прошлом. (Записано со слов И. А. Киселева, 57 лет, 1962 г.)

Итак, факты позволяют утверждать: на Индигирке издавна обитает небольшая группа русских людей. Жи-

ва в окружении местных народностей и отчасти смешиваясь с ними, они тем не менее, в отличие от объякутившихся вилюйских, амгинских, устьянских и других русских крестьян Якутии, сохранили почти в неприкосновенности родной язык, устное народное творчество и русское самосознание. И даже часть их соседей — якутов, юкагиров и эвенов — забыли свой язык и переняли русский. Видимо, поэтому многих путешественников удивляла одна странная особенность: чем дальше едешь на север по Якутии, тем больше распространен среди аборигенов русский язык.

Основными факторами, обусловившими удивительную национальную устойчивость индигирских русских, самобытность их языка, на наш взгляд, являются:

во-первых, компактность расселения как следствие оседания «промышленных» людей в дельте Индигирки, богатой рыбой и белым песком;

во-вторых, полунатуральный характер хозяйства. Единственной товарной отраслью были песцовый промысел да заготовки мамонтовой кости. Все это приводило к замкнутости быта и хозяйства;

в-третьих, определенная территориальная обособленность и отдаленность от окружающих их коренных народов Севера ввиду сравнительно редких браков с якутами и юкагирами;

в-четвертых, то обстоятельство, что сравнительно многочисленное мешчанское общество время от времени пополнялось новыми поселенцами — русскими людьми.

Браки совершались в основном внутри общества, часто женились (или выходили замуж) на колымских русских, реже — на устьянских. Местная традиция разделяет все русскоустьянские фамилии на четыре вида:

а) «корневые» (коренные, то есть старожильческие) русские фамилии — Чихачевы, Киселевы, Струковы, Антоновы, Щелкановы, Гольженские, Рожкины, Шкулевы, Шелоховские, Черемкины, Суздаловы;

б) «некорневые» (то есть пришлые), принадлежавшие поздним поселенцам: Скопины, Гуськовы, Каратаевы, Журавлевы, Поневы, Шаховы, Котевщиковы, Шульговаты;

в) «некорневые», принадлежавшие поселенцам из крестьянского сословия: Портнягины;

г) фамилии обрусевших юкагиров и якутов — Варакины, Щербачковы, Новгородовы, Клемовские,

Эти факторы способствовали тому, что, принеся с собой более высокую культуру, русские переселенцы не подвергались ассимилирующему влиянию соседей. Восприняв у них все необходимое для жизни и ведения хозяйства в условиях Севера и героически сопротивляясь полярной стихии, они не утратили своего этнического облика.

Как известно, регулярные плавания на восток от Лены с начала XVIII века прекратились. Индигирщики оказались в особых условиях существования, лишённые самых важных предметов первой необходимости, оторванные от всего русского. Тем не менее они с удивительным упорством, на протяжении веков любовно хранили и передавали из поколения в поколение лучшие образцы народного поэтического наследия — древние песни, сказки и обряды, давно забытые в других местах России.

Первые сведения об их устном народном творчестве сообщил И. А. Худяков, записавший в 1868 году в Верхоянске от уроженца Русского Устья восемь сказок и две былины.

В 1912 году В. М. Зензинов услышал в Русском Устье вариант песни о Стеньке Разине, который, как это ни удивительно, полностью совпадает с записью А. С. Пушкина:

Во городе то было во Астрахани:
Появился детина, незнакомый человек...

Экспедиция под руководством Т. А. Шуба в 1946 году записала 62 сказки, 11 былин и свыше 100 песен, в том числе много исторических: «Скопин», «Ермак», «Сынок Стеньки Разина», «Милославский» и другие.

Характерной особенностью русскоустьянцев является то, что они до последнего времени с особым старанием хранили памятники русской старины, находя большое духовное удовлетворение в сказывании сказок и исполнении песен. Автору этих строк довелось не раз слушать известных в Русском Устье знатоков народной поэтической традиции Н. Г. Чихачева (Гавриленка), Н. Н. Шкулева (Микунюшку) и С. П. Киселева (Хуная).

На память приходят картины, навеянные далеким детством. Зима. Полярная ночь. За стенами избушки воеет пурга. Ярко горит камелек. Звучит напевная русская речь. Все мы, и взрослые и дети, с замиранием

сердца слушаем сказочника о далекой прародине, недостижимой «мудрой» Руси: «...и призывает царь князей, бояр, думных сенаторов, приближенных министров. Придумайте, говорит, пригадайте, присоветуйте — как достать в Вавилонском городе, где Вавилонские змеи, скипетр и венец...» или «...и не было у них детей, и стали они бога просить, молебны служить, приклады прикладывать: „Дай нам, боже, не то сына, не то дочь, при младости — на утеху, при старости — на замену, при смертном часе — на помин души...“»

Вспоминаются песни, которые певали деды. Вот две из них:

* * *

Туча с громом прогремела,
Три дня ровно дождик лил,
К нам приехал гость нежданный,
Знаменитый господин.
Он, родимый, пред полками
Сизым соколом летал,
Сам ружьем солдатским правил,
Сам он пушку заряжал.
Тут одна злодейка-пуля
В шляпу царскую впилась.
Знать, убить его хотела,
Да на землю улеглась.
Видно, шведы промахнулись,
Император усидел,
Шляпу снял, перекрестился,
Снова в битву полетел.

* * *

Стихи ты, ветер, с полуночи,
С подвосточной дальней стороны.
Ты разбрызгай, крупей дождик,
Промочи ты грязь земли.
Грובה доска, откройся,
Ты восстань, родная мать,
Со мной ты реченьку промолви —
Свой прекрасный разговор.

Знанием старины тордились, считая это признаком образованности. Вот что рассказывал мне в 1947 году известный знаток старины С. П. Киселев: «Ты, брат, наверно, знаешь, что на заимке Домнино похоронен русский солдат... Давно это было. Шла война. Пришел указ послать на войну солдат. Жребий пал на трех

братьев Голыженских. Всех троих отправили в рекруты. Старший брат был женат. Прошло несколько лет, от солдат нет вестей. Ждали-ждали и ждать перестали. Женщина вторично вышла замуж.

...Однажды летом все мужики ушли по гуси. Видят бабы: сверху лодка едет, подъезжает к берегу и выходит из нее человек по-городскому одетый — в сапогах, в картузе и медаль на груди.

Увидала его жена — в ноги к нему упала. Это был старший Голыженский. Поднял он жену и сказал: «Я прощаю тебя. Ведь я сам не чаял живым остаться». И приезжий рассказал, что младший брат рекрутчины не выдержал и его шомполами запероли. А средний брат до того выслужился, что его «сами люди обувают, сами люди одевают, без доклада к нему не ходят».

И привез солдат царскую грамоту, золотыми буквами писанную: из рода Голыженских за их усердную службу больше никого в солдаты не брать. Мой отец эту грамоту своими глазами видал».

Остается предполагать, что эти солдаты были участниками Крымской войны 1854—1855 годов. В обороне Севастополя участвовало 17 дивизий. Одинадцатая дивизия состояла из Селенгинского, Якутского, Охотского и Камчатского полков. Якутский полк сражался на Малаховом кургане. Он состоял в основном из казаков и других русских старожилов Якутии [Башарин, 1971, с. 85].

После Октября

Установление Советской власти пробудило общественное сознание широких масс.

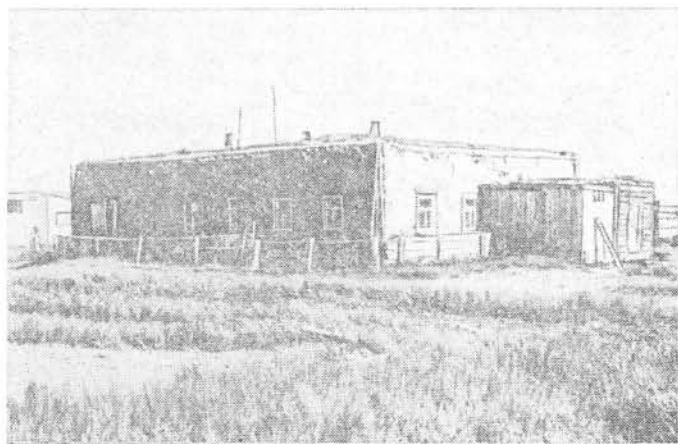
В политическом отношении Русское Устье являлось одним из самых сознательных регионов северо-востока Якутии. Из его населения никто не участвовал в бело-бандитском движении. Распоряжения поручика Дервянова, окопавшегося со своей бандой в Аллаихе, русскоустыинцы упорно и молчаливо игнорировали.

К 1928 году в Русском Устье и в Аллаихе скопилось много невывезенной пушнины. Этим воспользовалась американская разведка. Надеясь на слабость Советской власти, она поручила своему резиденту быв-

2*

шему колчаковскому офицеру и авантюристу Шмидту захватить пушнину и переправить ее на шхуне в Америку. Жители Русского Устья создали боевую дружину для охраны государственных ценностей и помогли известному чекисту Г. С. Сыроежкину (он участвовал в поимке Б. Савинкова, за что был в 1924 году награжден орденом Красного Знамени) раскрыть преступную деятельность Шмидта.

В 1931 году русскоустыинцы объединились в два колхоза — «Комсомолец» и «Пионер». Ожогинцы создали отдельное хозяйство. Однако созданные коллективы оказались крайне слабыми. Фактически колхозники жили за счет личного хозяйства. Перегибы, грубые нарушения принципов коллективизации не обошли Русское Устье. Коснулись они, в частности, и моего деда, которого в 1931 году посчитали зажиточным человеком и раскулачили. Он имел две зимние избы, два невода, около трех десятков сетей, три собачьих упряжки и коня. Одну избу, которая находилась в Русском Устье, отобрали, а самого объявили лишенцем, то есть запретили присутствовать на собраниях. Дед с бабкой стали почти безвыездно жить на заимке Лобазное. Ретивые чиновники настаивали отправить деда в ссылку, но общество заступилось. Тогда уполномоченный предложил выслать дедова

Старая школа. Постройка XIX века. (Фото Б. В. Дмитриева.)

сына. Старшим его сыном был мой отец, Гавриил. Но он вел отдельное хозяйство и первым вступил в колхоз. Тогда решили взяться за среднего, двадцатилетнего сына, Пантелеймона. Как известно, дальше Русского Устья — Ледовитый океан. Поэтому ни в чем не повинного Пантелеймона отправили в ссылку на юг Якутии. А на младшего Ивана стали «ронять контрольные цифры», то есть заставляли выполнять бесплатно самую трудную и неблагодарную работу. Всего из Русского Устья в ссылку понали три человека, двое из них — за «грехи отцов»...

В 1931 году в Русском Устье силами населения была выстроена школа, церковь переоборудована под клуб, открылся государственный магазин и полиарная метеорологическая станция.

В связи с закрытием церкви произошел следующий эпизод. Приехал начальник из района. Собрал народ на собрание и предложил закрыть церковь, сделать из нее клуб. Начался тихий ропот. Мужики чесали затылки, но открыто протестовать боялись.

В защиту церкви дружно выступили три брата, бедняки Шкулевы:

— Нет, нет. Мы свою церкву закрывать не дадим. Матерь Божью шевелить — тяжкий великий грех!

Уполномоченный пытался разъяснить, что бота нет, что в прошлом году аллаховские якуты церковь закрыли и ничего с ними не случилось. Но Шкулевы стояли на своем:

— Они, аллаховские, и раньше-то православный крест шибко-то не бардовали. Ноне будут бардовать?! Им бы только шаманы были. Храм Божий на пегат пустили — таперича с голоду падают. Пускай — пускай кишки-те прочигиркают, тогда узнают, как над святой церквью дековаться!

Это сильно рассердило уполномоченного, он резко заявил:

— Это кулацкие вылазки!

— Ну, никакие, брат, не кулацкие вылазки! Чево пусто место баешь! Вохшу не вылазки.

Уполномоченный пришел в ярость. Он начал расстегивать и застегивать пустую, как потом выяснилось, кобуру нагана и кричать:

— Вас, подкулачников, расстреливать надо. Я вас посажу в каталажку, я вас лишу голоса!

Запричитали бабы, некоторые стали креститься. Сильно оробели и Шкулевы. Больше всего их поразило то, что у них могут отнять голос. Они наивно думали, что могут оказаться немыми. Кто-то стал их уговаривать:

— Бог с вами! Христос с вами! Наши, идите пожайтесь-ле, чево-ле. Утартают куда-нибудь в тайболу.

Тут вперед выбежала жена старшего из братьев Соломнина и грохнулась на колени перед уполномоченным:

— Господин товарищ начальник, не губи православных христиан! Прости нас, грешных людей. Не отымай у них голосу. Грех! Какие они люди без баянья будут. Енвалиды. Ни уяхать, ни прияхать. (Записано со слов А. А. Черемкина, 68 лет, 1965 г.)

Во всех селениях были созданы пункты по ликвидации неграмотности. Эту работу проводили командированные «счетные», торговые работники, учителя, участники экспедиций, а также первые выпускники русскоустынской начальной школы. Население, особенно молодежь, жадно тянулось к знаниям. Вот что рассказывает об этом периоде Н. Г. Чикачев, который в 1937 году в возрасте 13 лет от роду был «ликвидатором»: «Люди охотно шли на занятия. Чтобы постичь премудрости грамоты, каждый приспособлялся по-своему. Например, Микунюшка каждой букве присвоил свое название. Он их сравнивал с предметами обихода: А — ураса, Ф — штаны подтягивает, Г — топорок, Т — костылек, П — окладес и т. п.

Большой Егорша говорил: „Ты, Микунюшка, восьмерку писать не умеешь. Делай, как я. Черчу косою крестик, соединяю верхние и нижние концы — вот тебе и восьмерка!“ Бабка Пичугина очень хотела, чтобы ее 23-летняя дочь Огра научилась читать и писать. Она даже прикрикивала на дочь, когда та не справлялась с заданием.

Очень трудно давалось деление. Например, сорок разделить на десять. Сначала никто не смог. Но когда было дано задание 40 селедок разделить 10 собакам, каждый без промедления сказал, что будет по четыре. Уезжая на промысел, некоторые говорили: „Ты мне, Коля, чего-нибудь задай. Лучше всего цифры. С ними легче, в уме можно подумать, сколько чего будет. Иногда можно на снегу решать“».

К 1940 году основная масса населения умела читать и писать. В это время простейшие производственные объединения перешли на устав сельхозартели, поднялась производительность труда, развернулось строительство хозяйственно-культурного центра.

Большое облегчение получили жители этого края с 1935 года — с началом регулярных торговых рейсов морских пароходов к устью Индигирки. Прекратились изнурительные поездки на Яну и Колыму. Резко увеличился завоз товаров. В домах появились патефоны, швейные машинки, часы и другие новые предметы культурного обихода. Люди стали лучше питаться, чище одеваться. В 1937 году в поселке была установлена радиостанция, начались плановое гидрографическое изучение реки Индигирки и судоходство, что внесло большое оживление в общественную и культурную жизнь.

В 30-е годы возникли комсомольская и партийная организации. Первыми коммунистами из Русского Устья были Н. К. Рожин, И. Г. Киселев, С. А. Чикачев и другие. В общественную жизнь включились женщины. Хотелось бы назвать самых активных — Е. А. Чикачеву, Е. П. Киселеву, А. П. Новгородову, А. И. Чикачеву.

Вспоминается март — апрель 1939 года. Я хожу в первый класс. Однажды в школу зашел радист дядя Тарас и объявил, что завтра прилетит аэроплан, поэтому нам вместе со взрослыми надо делать аэродром. Все село дружно принялось за работу. Площадку подготовили на реке, по концам ее поставили бочки, на которые положили тряпки, пропитанные бензином. Ждали два или три дня.

...Я пришел из школы и играл с годовалой сестренкой Юлей, вдруг раздался гул самолета. Все, кто был в доме, — и взрослые и дети — выбежали на улицу и кинулись на берег, а я... я остался и залился горькими слезами, потому что не с кем было оставить сестренку. Хорошо, что мама вспомнила обо мне. Но в дом она не зашла (ей ведь тоже хотелось увидеть диковинную железную птицу), а залезла на крышу и крикнула мне в печную трубу, чтобы я привязал Юлю на длинной веревке к кровати, а сам бежал на улицу. Я быстро оделся и побежал к реке. Аэроплан заглушил моторы. Это был двухмоторный самолет, похожий

на нынешний ЛИ-2, но несколько иной конструкции. Помню и его номер — Н-177, и надпись спереди — «Авиаарктика». Он стоял на Индигирском льду, краснокрылый, как розовая чайка, но более загадочный, чем эта редкая птица.

Вышли летчики в меховых унтах, в кожаных куртках и шлемах. Был один штатский в белой шубе. Все они пошли в клуб, где человек в белой шубе сделал доклад. Позже я узнал, что в это время завершил работу XVIII съезд партии. Видимо, это была пропагандистская группа.

Самолет остался на почевку. На другой день занятий в школе не было — все мы во главе с учительницей чуть свет крутились около самолета. Летчики устроили для нас что-то вроде экскурсии: заводили кучками в самолет и даже разрешали заглянуть в пилотскую кабину.

Когда самолет улетел, несколько человек на собачьих упряжках во главе с моим отцом отправились на побережье моря километров за семьдесят и привезли бензин, доставленный туда летом пароходом в больших плоских банках. (Позже из этих банок понаделали охотничьи печурки.) Примерно через неделю самолет снова прилетел, чтобы заправиться горючим. При чем командир самолета Н. Ф. Бузаев зашел к нам в избу, поговорил с отцом и выдал ему расписку. Эта расписка долго хранилась в нашей семье. Помню ее содержание дословно: «Дана настоящая расписка председателю колхоза „Пионер“ т. Чикачеву Г. Н. в том, что мною, зам. командира Чукотской авиагруппы Н. Ф. Бузаевым, полностью получен бензин, доставленный в Русское Устье».

Родители мои угощали Николая Федоровича юклой и строганиной, а он нас шоколадом и конфетами «Мишка на Севере» (шоколад мы тогда пробовали впервые).

Почему я об этом рассказываю? Потому, что хочу показать, какой, как говорится, богом забытый край связала тогда с Большой землей авиация. Ведь каждый из земляков моего поколения сначала полетел на самолете, а потом уже поехал на поезде. Да что там поезд! Самую обыкновенную телегу, и ту увидели позже самолета...

В годы Великой Отечественной войны индигирщики проявили себя истинными патриотами. Они самоотверженно трудились, стремясь помочь фронту усиленными поставками рыбы и пушнины; помогли отправкой в армию теплых вещей, сбором средств на постройку танковых колонн, эскадрилий самолетов. В 1943 году создан Индигирский рыбозавод и сформировано несколько крупных рыболовецких бригад, лучшими были бригады В. Д. Шкулева, М. Г. Шахова, П. Н. Рожина...

В послевоенное время пришло телевидение, появился авиационный транспорт, начались экскурсионные поездки в центральные города страны... Помню, как восприняли старики введение пенсий: «Бают, буд-то мы-то, старики, хоть вохпу кумельгой на кроватях лежать будем — нам все равно деньги будут давать... Сумлительно...» Много «сумлительного» — много добрых перемен вошло в наш дом, в нашу судьбу, несмотря на все препоны и превратности жизни...

Сподвижники полярных исследователей

Итак, в конце XVII века русские окончательно осели на Индигирке и превратились в постоянное промысловое население.

Суровые, подчас экстремальные, условия Севера, постоянная борьба за выживание, обстановка промысловой жизни, принуждающая пренебрегать опасностями ради добычи рыбы и зверя, — все это на протяжении веков закалило характер русских колонистов, воспитало их физическую выносливость, неприхотливость в быту, спокойствие и смелость.

Переняв трудовой опыт юкагиров, эвенков, якутов, они стали такими же тонкими знатоками и следопытами северной природы, хорошо изучили топографию обширной территории между Яной и Колымой. Смело пускались в самые опасные переправы и путешествия, на утлых одноместных лодках — «ветках» — переплывали морские заливы шириной в 20 километров или в полярную ночь, без компаса, на собаках отправлялись по льду на 200—300 километров в глубь океана; в поисках новых территорий, богатых рыбой, пушным зверем и мамонтовой костью, удалялись на большие расстояния, открывая малоизвестные или совсем не из-

вестные места. Песцовые ловушки индигирщиков были расположены на сотни километров по побережью Ледовитого океана по обе стороны Индигирки: на восток они тянулись до реки Чукочьей, на запад — до Меркушиной стрелки.

В долгие полярные ночи, находясь в пути, охотники ориентировались по «кол-звезде», известной современному читателю как Полярная звезда, умели довольно точно предсказывать погоду, определять расстояние и время. Известный исследователь Арктики Ф. П. Врангель в своей книге «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820—24 годах» пишет: «Жители сибирских тундр совершают большие путешествия по нескольким верст по безлюдным однообразным пространствам, руководствуясь на направления своего пути единственно застругами. Я должен упомянуть об удивительном искусстве проводников сохранять и помнить данный курс».

При езде на собаках делали остановки через 10 километров, точнее — через час. Время определялось благодаря особому навыку, который, по словам известного знатока Севера П. Ф. Анжу, помогал следопытам: «...в один час редко ошибались на пять минут».

На всем севере Сибири добывали мамонтовую кость — в среднем около 2000 тысяч пудов в год. Клыки мамонтов вывозили через Кяхту в Китай и через Москву в Англию, где они конкурировали со слоновой костью. Стоимость мамонтовой кости на внутреннем рынке колебалась от 20 до 60 рублей за пуд [Пасецкий, 1970, с. 102].

Индигирские и устьянские промышленники, занимавшиеся добычей мамонтовой кости, положили начало выдающимся открытиям на Северо-Востоке в начале XIX столетия, впоследствии вызвавшим огромный интерес не только в России, но и в Европе. Индигирщики регулярно посещали Новосибирские и Медвежьи острова. «Для отыскания мамонтовых костей промышленники ежегодно ездят на дальние острова. Они отправляются в путь с марта и апреля месяца. Путь свой они направляют по положению торосов льда и наметов снега. Долговременная опытность научила их, как распознавать надлежащее направление для достижения желаемых островов. Достигнув желаемых островов,

промышленники остаются на оных; при берегах ищут мамонтовой кости, ловят зверей и рыбу; и по наступлении осени, как скоро море покроется льдом, они отправляются к домам, и уже на следующий год, с наступлением марта месяца, переводят весь свой промысел» [Геденштром, 1829, с. 166].

В начале XIX века на Новосибирских островах промышляли пса и добывали мамонтовую кость жители Русского Устья Иван Портнягин, Фаддей Чихачев, Роман Котевщиков, Иван Рожкин и другие. Они стали первооткрывателями острова Новая Сибирь, на берега которого вступили весной 1806 года. Расстояние до него от устья Индигирки 30 «дниц», то есть 300 километров.

Рассказывают, что в старину жил знаменитый каюр Степан Силыч, который в любую пургу выводил свою упряжку точно к заданному месту на острове. Любопытно, что промышленники на маршруте строго придерживались 150-го меридиана восточной долготы, который проходит через устье левой Индигирской протоки и Песцовый мыс на Новой Сибири.

В 1805 году казачий сотник, командир «Шанского поста» Григорий Солдатов обратился с рапортом к зашиверскому комиссару и областному начальнику, в котором писал: «Узнал я от жителей шанских и устьянских, что в тамошнем Ледовитом море против матерого берега в морском проливе в недалеком прошедших годах зашиверским мещанином Портнягиным найден остров, называемый Большой, расстоянием от Большой земли примерно в двухстах верстах, на пути к которому есть два острова. Первый в 60-ти, а второй в 90 верстах. На острове сем производил промысел зверей и прииск мамонтовой кости якутский купец Ляхов, а после его смерти достался он и упоминаемые два острова в ведение якутскому купцу Сыроватскому. Бывшие на оном для промыслу мещане якутский Яков Чирков и зашиверский Роман Котевщиков объясняют, что большая часть его лежит на северо-восточную сторону, в некоторых местах есть наподобие хребтов, расстояние к западной стороне по перешейку полагают 80 верст» [ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 20].

Солдатов считал, что на острове есть жители, которых надо привести в подданство России. Он просил

снарядить под его руководством команду из 25 казаков, снабдить ее жалованьем на три года.

Интересно, что М. М. Геденштром встречался с Г. Солдатовым в Шанском, затем направил докладную на имя зашиверского комиссара: «Милостивый Государь мой, Иван Ефремович! Сотник Солдатов Григорий находится здесь при так называемом Шанском poste уже 20 лет и более, по-видимому, для караула.

Сей караул состоит в одном самом Солдатове, который еще и сотник, а Шанск заключается в одной избе его. По какой надобности Солдатов состоит еще при Шанском poste и в чем его может быть занятие?

Вашего благородия покорнейший слуга Геденштром. Русское Устье, февраля 28 дня 1810 года» [ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 18].

В 1847—1849 годы якутский купец Соловьев и мещанин Е. Чихачев неоднократно снаряжали артели промышленных людей на остров Новая Сибирь [ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 36]. Об этом сохранилось такое предание: «Досельные люди баяли, что давно жил Егор Чихачев по прозвищу Худой Егор. Он был колдун. Его все боялись, проклинали. Однажды он отправил людей на морские острова кость искать. На другую зиму сам за ними поехал вместе с Игнатием Голыженским. Люди все умерли с голоду. Остался один парнишка. Худой Егор ударил паренька прудилом — убил и закопал в снег. Видимо, чтобы не было свидетелей. Игнатий страшно испугался. Обратило ехали несколько дней и почти не баяли. Когда подъезжали к Русскому Устью, остановились. Худой Егор показал на церковь и сказал: „Поклянись, Игнашка, перед святым крестом — что ты... не скажешь никому“. Игнашка поклялся. Он хранил тайну много лет. Когда умирал, покаялся об этом сыну». (Записано со слов Чихачевой-Стрижовой, 80 лет, 1950 г.)

Выше рассказывалось об участии индигирщиков в экспедиции Д. Лаптева. Добавим, что в 1739 году матрос Лошкин провел опись морского берега между Индигиркой и Алазеей, а штурман Щербинин и геодезист Киндяков — съемку дельты Индигирки. Весной 1740 года Киндяков заснял берег между Алазеей и Колымой, Щербинин и Лаптев — между Яной и Индигиркой. Все эти работы проводились при активной помощи местных жителей. Ценные сведения Лаптеву о морском пути на

Колыму сообщили русскоустыинцы Василий Кудря, Петр Антипин и Кирилл Наумов [Мостахов, 1966, с. 88].

В 1763 году отряд под начальством сержанта С. Андреева был направлен для обследования Медвежьих островов. Хотя отряд направлялся из устья Колымы, сержант взял проводника из индигирских жителей. Для этого он в марте отправился на Индигирку за казаком Григорием Шкулевым. Г. Шкулев решил послать вместо себя проводником своего крестника, новокрещенного якута Василия Шкулева, так как сам был болен «французскою болезнью» [Зубов, Бадин, 1953, с. 87].

В эту же зиму с Колымы на Индигирку пешком пробирался известный полярный мореход Никита Шалауров с тремя спутниками. Они испытывали тяжелые лишения и голод. Возле речки Вшивой группу Шалаурова обнаружили русскоустыинские охотники, спасли их от неминуемой гибели, доставили в Усть-Янск.

В 1808 году для получения подробных сведений о Новосибирских островах была снаряжена экспедиция под руководством М. Геденштрома. В начале 1809 года она прибыла в Усть-Янск. Требовалось много продовольствия и транспортных средств, и Геденштром обратился к местным властям Усть-Янска и Верхоянска. «Верхоянские жители безвозмездно передали экспедиции 20 коней. Было собрано 306 пудов говядины, 29 тысяч ряпушек, 120 собачьих упряжек, 63 оленя» [Мостахов, 1966, с. 89].

В экспедиции Геденштрома участвовало много нижеянских и нижеиндигирских жителей.

В середине марта 1810 года экспедиция выехала из Русского Устья на 29 марта и на одиннадцатый день прибыла на остров Новая Сибирь, а в начале апреля отправилась на собачьих упряжках по морскому льду на восток. Пройдя 85 километров, она была остановлена открытой водой и повернула на юг, выйдя на берег около устья Колымы. Переход, продолжавшийся более двух недель, оказался крайне трудным и опасным. Нарты из-за торосов часто ломались, не хватало топлива и корма для собак. К счастью, удалось убить несколько медведей. Цель рискованного перехода заключалась в том, чтобы проверить гипотезу о существовании якобы непрерывной цепи островов от о. Ко-

тельного до Американского материка [Визе, 1948, с. 77].

В связи с отзывом М. Геденштрома в Иркутск опись Новосибирских островов была поручена геодезисту Пшеницыну. В начале марта 1811 года он выехал из Русского Устья на остров Новая Сибирь и описал его. После этих походов, видимо, и утвердилось среди жителей Севера мнение о наличии в Ледовитом океане «Великой полыньи».

Благодаря экспедиции Геденштрома на географической карте появились все известные в то время острова Новосибирского архипелага: Большой и Малый Ляховские, Столбовой, Бельковской, Котельный, Фаддеевский — и соединяющая два последних острова Земля Бунте. Экспедиция не только составила карту Новосибирских островов, но и собрала первые сведения о строении берегов, о полезных ископаемых, растительности, рыбах, птицах, млекопитающих, о древних юкагирских жилищах, о зимовье неизвестных русских промышленников.

В 1820—1824 годы на северо-востоке Якутии работали две экспедиции: Янская под руководством П. Ф. Анжу и Колымская во главе с Ф. П. Врангелем. Работа этих экспедиций также проходила при активном участии местного населения.

Сотрудник Колымской экспедиции П. Козьмин летом 1821 года проводил опись местности между Колымой и Индигиркой. Он был радушно принят жителями Русского Устья, где провел три месяца. Ценные сведения о побочных реках и протоках Индигирки сообщил ему местный старожил, бывалый промышленник Роман Котевщиков. Осенью того же года русскоустьинцы отправили для Ф. П. Врангеля 45 собак.

В Русском Устье П. Козьмин встретился с экспедицией П. Ф. Анжу, которая прибыла туда 22 августа с Яны. Ее сопровождали два якута, казачий урядник и крестьянский староста. Почти два месяца П. Ф. Анжу, Бережных и его спутники странствовали верхом на лошадях по тундре, нанося на карту речки, заливы, озера, возвышенности. Осенью индигирщики доставили экспедицию Анжу в Усть-Янск.

В конце февраля 1822 года П. Ф. Анжу из Усть-Янска выехал на Новосибирские острова. В экспедиции было 156 собак, запряженных в 12 нарт. Закон-

чив работы на острове Новая Сибирь, Анжу решил предпринять еще одну поездку по льду для поисков земли, которую видел Я. Санников на северо-востоке от этого острова.

Однако, как и Геденштром двенадцать лет назад, Анжу вынужден был повернуть на юго-восток, так как поблизости чувствовалось наличие открытой воды, стояли туманы, продовольствие и корм для собак подходили к концу. В конце апреля путешественники вступили на Большую землю и отправились к реке Колыме, где произошла встреча П. Ф. Анжу с Ф. П. Врангелем, который в своем дневнике писал: «4 мая приехали в Походск, где нас встретил друг и сослуживец лейтенант Анжу. Он прибыл сюда со своей экспедицией с Новой Сибири, чтобы через Нижнеколымск возвратиться на Яну берегом» [Пасецкий, 1958, с. 51]. В конце июля Анжу выехал из Нижнеколымска через Русское Устье в Усть-Янск.

Американский лейтенант Берри в марте 1882 года на 36 собаках отправился из Нижнеколымска в Усть-Янск для поисков пропавших моряков с корабля «Жанетта», проводником у него был русскоустьинец Федор Шульговатый.

Большую помощь оказали местные жители и экспедиции замечательного полярного исследователя Э. В. Толля. Об этом говорит следующий факт: Якутское областное управление в 1904 году просило верховянского исправника предоставить данные о мещанине Е. Н. Чихачеве «к пожалованию высочайшей награды за услуги, оказанные русской полярной экспедиции». Е. Чихачев три года был проводником экспедиции, совершил ряд трудных походов со вспомогательной санной партией геолога К. А. Воллосовича [ЦГА ЯАССР, ф. 21, оп. 1, д. 247].

Лено-Колымская экспедиция под руководством К. А. Воллосовича провела в 1909 году точную съемку морского берега между Леной и Алазеей. В мае Воллосович и два его сотрудника отправились на шести нартах из Русского Устья на восток до реки Большой Куропачьей. Описав морской берег, партия из-за весенней распутицы с большим риском для жизни вернулась на базу. 19 июня экспедиция вдоль морского побережья двинулась к устью Яны. Ее сопровождал индигирский юкагир Егор Варакин, который в совер-

шенстве владел русским языком и прекрасно знал местность.

Перед экспедицией стояла очень трудная задача — описать берег Ледовитого океана от Меркушиной стрелки до Святого Носа. Чтобы добраться до Меркушиной стрелки, надо было обойти два морских залива: Хромскую и Омудляхскую губы. Для сокращения пути по совету местных промышленников было принято решение перейти устья указанных губ вброд, тем самым был обеспечен успех работы экспедиции. Участник ее астроном Е. Ф. Скворцов писал: «Они (русскоустыинцы.— А. Ч.) пускаются в самые опасные переправы, и очень охотно. Имена наиболее энергичных и отважных промышленников долго сохраняются в потомстве. К числу их относится некто Чихачев, увековечивший свое имя открытием кратчайшего пути от индигирских поселков на отдаленную Меркушину стрелку. До него путь туда лежал в обход двух огромных губ — Хромской и Омудляхской, что было, особенно летом, связано с большими затруднениями. Он первый сделал попытку перейти обе губы вброд на лошадях, и попытка эта увенчалась полным успехом. После первой попытки Чихачев стал совершать подобные поездки ежегодно и построил на своем пути (том самом, каким шла экспедиция) две поварни, сохранившиеся до настоящего времени» [Скворцов, 1910, с. 169].

В 1929—1930 годы на Индигирке работала экспедиция Наркомвода СССР под руководством Ю. Д. Чирихина. С 1933 по 1940 год здесь базировалась особая гидрографическая экспедиция Главного управления Северного морского пути СССР. Триста лет спустя после первых русских землепроходцев полярные исследователи как бы заново открыли эту большую сибирскую реку, выявив ее возможности для морского и речного судоходства. В результате этих работ был составлен гидрографический атлас реки Индигирки.

Местные жители активно помогали гидрографическим экспедициям. Особо хотелось бы рассказать о первом индигирском лоцмане Павле Иосифовиче Шахове. Как хорошего знатока арктического побережья Русско-Устьинский сельский совет направил его на помощь гидрографам. Он был человеком крепкого телосложения, смелым и неутомимым, не боялся пускаться

в самые рискованные путешествия. На утлой «ветке-душегубке», или на двухвесельной шлюпке, по собственной инициативе выходил в море и два года искал «борозду», то есть фарватер, и одним из первых пришел к выводу, что судоходной может быть средняя протока Индигирской дельты, что и подтвердилось впоследствии. У него было какое-то особое чутье на характер реки. По его самодельным картам работали первые индигирские речники.

В 1935 году открылась коммерческая морская навигация на Индигирке. Выгрузка с морских судов на речные производилась далеко за баром реки километрах в 60 от берега. Ответственность за проводку речных караванов через бар лежала на П. И. Шахове. Он был одновременно лоцманом и капитаном берегового катера. При его непосредственном участии создавалось путевое хозяйство от устья Индигирки до Дружины. Зимой он работал каюром, участвовал в зимних промерах. В послевоенные годы Шахов водил санно-тракторные поезда для промера глубин в Восточно-Сибирском море, не раз объехал на собачьих упряжках побережье от Яны до Колымы. На водном транспорте П. И. Шахов проработал более двадцати лет...

Глава II

Тундра — наш дом

Природа и экономика

Хозяйство индигирщиков имело, как уже сказано, две основные отрасли: рыболовство и пушной промысел при полном отсутствии земледелия и скотоводства. Дополнительными промыслами были заготовка мамонтовой кости, добыча нерпы и ленных гусей, забой оленей во время летних переправ, сбор яиц. Все это служило основой жизни и носило натуральный характер. Лишь продукция пушного промысла и мамонтовая кость являлись средством обмена, связывающим промышленников с рынком. Дополнительный доход индигирщики иногда получали от продажи собак устьянским и колымским охотникам.

Пушнина обменивалась непосредственно на товар, причем обмен зачастую был неэквивалентным. Для сравнения можно привести цены на отдельные товары, существовавшие в 1911 году. (Данные взяты из книги В. М. Зензинова «Очерки торговли на севере Якутской области», вышедшей в Москве в 1916 году.)

Товар	Цена	
	в Якутске	в Русском-Устье
Мука ржаная (1 пуд)	1 руб. 60 коп.	7 руб.
Мука пшеничная (1 пуд)	2 руб. 70 коп.	10 руб.
Сухари из крупчатки (1 пуд)	25 коп.	1 руб.
Чай (1 кирпич)	70 коп.	1 руб. 50 коп.
Сахар (1 фунт)	20 коп.	50 коп.
Ситец (1 аршин)	16 коп.	30 коп.
Сукно (1 аршин)	1 руб. 20 коп.	1 руб. 70 коп.
Песец белый (1 шкурка)	30 руб.	8 руб.

Торговые операции совершались купцами путем беззастенчивого обмана. «Я приведу только один пример такого грабительства, в котором в 1810 году лично и официально удостоверился. Индигирский мещанин просил якутского торговца заказать ему серебряную ризу с позолотой на образ святого Николая Чудотворца. Риза была привезена и стоила 70 рублей. Мещанин доплатил тогда 56 песцов, или по меньшей мере 56 рублей, и остался должен 14 песцов. По прошествии семи лет, в продолжение коих мещанин в разное время заплатил еще 86 песцов, торговец взял у него обратно ризу и сверх того вексель на 1200 рублей за то, что он в первый раз не доплатил ему 14 песцов» [Геденштром, 1830, с. 101].

Северяне платили государству различные подати и несли ряд повинностей. Возможность же эксплуатации охотничьих и рыболовных мест у большинства хозяйств была крайне ограничена и зависела от средств передвижения и орудий охотничьего и рыболовного промысла. Например, успешная охота на песца зависела в первую очередь от количества ловушек (пастей), расставленных на огромной территории вдоль побережья Ледовитого океана. Сделать это мог лишь тот, кто имел много собак. Построивший пасти приобретал как бы монопольное право на лов песца на освоенном участке. Другие же охотники должны были ставить свои пасти не ближе 5—10 километров от ранее по-

строенного пастника (то есть линии ловушек) или же только перпендикулярно к нему. Пасти переходили от отца к сыну, что в конечном счете порождало наследственное владение определенными участками земли.

Бедняки, имевшие мало собак, орудий рыболовства и охоты, были не в состоянии осваивать далекие и более продуктивные участки. Зато состоятельные хозяйства приобретали как бы исключительное право пользования богатыми охотничьими и рыболовными угодьями.

Одному хозяйству из четырех человек, имеющему упряжку в 10 собак, на зиму требовалось примерно 9—10 тысяч ряпушек и 1000—1200 крупных рыб (примерно 3,5—4 тонны). Для заготовки такого количества рыбы необходимо минимум 15—20 сетей и один невод. Из 64 хозяйств мещанского общества в 1901 году таким минимумом орудий лова располагало только 31 хозяйство [ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 258]. Поэтому основная масса хозяйств была неустойчивой, чувствительной к любым изменениям условий — как природных, так и экономических; передки были голодные годы. В 60-е годы XIX века мещанское общество было не в состоянии даже вносить за себя подати; они, видимо, не без выгоды вносились якутским купцом Ф. Соловьевым.

Проникновение торгового капитала в Восточную Сибирь вело к усилению эксплуатации местного населения. В важнейших пунктах торговли на Севере — Булуне, Казачьем и Среднеколымске — сосредоточивались отделения крупных товарных фирм: «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. И. Кушнарёва», «Рыков и Лесников» и других. Они постепенно захватили в свои руки скупку пушнины на Севере, вытесняя мелких торговцев и скупщиков или делая их своими контрагентами [Шелихова, 1972, с. 34].

Тяжелый пушной промысел с дальними рискованными объездами, нерентабельный собачий транспорт отнимали массу времени и сил. А торговые операции велись так умело и хитро, что простодушные и доверчивые индигирские промышленники всегда оказывались должниками купца. Поэтому они были вынуждены отдавать пушнину только «своему» купцу, у которого в обмен по ростовщическим ценам могли поку-

пять пряжу для сетей, боеприпасы, а также часть продуктов питания и материал для пошива одежды и обуви. В то же время характер хозяйственной деятельности находил отражение в социальном развитии населения.

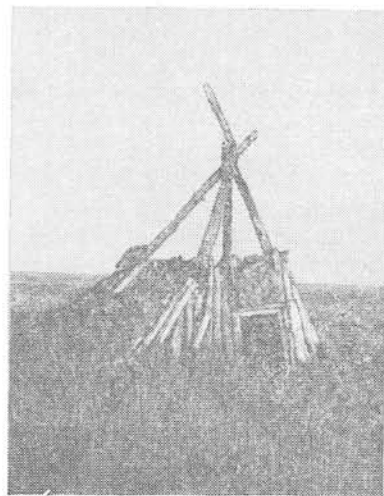
Слабое развитие производительных сил, суровые климатические условия сдерживали процессы имущественного расслоения, поэтому мещанское общество по своему составу, в общем-то, было однородным, за исключением двух-трех семей.

Охотничий промысел

Освоение русскими людьми нового места для жительства шло одновременно с развитием рыболовного и охотничьего промысла. Говоря о значении высокой промысловой культуры, которую принесли в Сибирь русские, В. Н. Скалон писал: «Они осуществили колоссальное по своему размаху и трудоемкости строительство настилка, покрывающего полосу тундры от

Урала до Тихого океана» [Скалон, 1960, с. 321].

Основной вид добываемой здесь пушны — белый песец — постоянный мигрант: осенью с островов Ледовитого океана он выходит на берег и в поисках кормов движется в сторону лесотундры, откуда в марте снова мигрирует в сторону моря. Гон у песцов начинается в конце февраля. Самки ценятся через 50—55 дней. Для устройства норы (капиза) песец выбирает сухое возвышенное место — холмы, бугры. Нора имеет большое количество входов и глухих отнорков.

Старинная охотничья пазушка — «повария» («сночлег»). (Фото Б. В. Дмитриева.)

Самки ценятся через 50—55 дней. Для устройства норы (капиза) песец выбирает сухое возвышенное место — холмы, бугры. Нора имеет большое количество входов и глухих отнорков.

Основой пасти — ловушки для песца — является трехстенный короб, длина которого 1 м, ширина 25 см и такая же высота. Над коробом сверху располагается массивное бревно — «гнеток», длина его около 4 м, диаметр 20 см. Одним своим концом он свободно укрепляется на козлах («козачнике»), поперек другого конца прикреплен крестовина («кормысло»); одно, более длинное, плечо кормысла клалось на кол («кормысленный кол»), другое — оставалось свободным.

Сторожевой механизм считается ответственной частью орудия, от его точности зависит безотказное действие пасти. Он состоит из сторожка и симки. Сторожок — плоская планка длиной примерно 12 см, шириной 2,5 см и толщиной 1 см. В нижней части сторожок имеет отверстие, куда вставляется симка, верхний конец сторожка привязывается к прыгальцу — прочной планке длиной 1 м. Симка — плоская планка толщиной 1 см, длиной 4 см, шириной 1,5 см. В нижней части симка имеет выступ, при помощи которого и вставляется в отверстие сторожка. К верхнему концу ее прикрепляется конский волос, другой конец которого закрепляется на противоположной боковине пасти. Снизу симка при помощи веревочки прикреплена к боковине.

Настораживается пасть следующим образом: гнеток с кормыслом поднимают, а под свободный конец подводят конец прыгальца, под прыгальце подставляют колышек («подымальник»), а другой конец прыгальца при помощи сторожка соединяют с симкой. Затем конский волос, идущий от симки, закрепляют на противоположной боковине. Наживу кладут под волос, иногда даже привязывают к нему.

Песец, почуяв запах пищи, залезает в пасть и задевает волос, отчего симка выскакивает из сторожка и гнеток падает. Для того чтобы гнеток был тяжелее, на него иногда кладут дополнительный груз. Чтобы пасти не заносило снегом, их, как правило, устанавливали устьем против господствующего в данной местности ветра.

Каждый охотник имел около 150—200 пастей. Расстояние между ловушками около 1 километра. Таким образом, чтобы осмотреть все ловушки и вернуться домой, охотнику необходимо было проехать расстояние по безлюдной тундре в 200—300 километров.

Для того чтобы остановить песца в районе своих угодий, охотники применяли искусственную подкормку. Для этого около пастей закапывали в яму рыбу, потроха оленей и птицы. Ранней осенью (в октябре) над ямой пробивали маленькое отверстие, чтобы шел «кислый дух», который должен привлечь песца. Или же к боковине пасти прикрепляли специально высушенную ряпушку («бульдырок») или более крупную рыбу («юхалу»).

Пасти и охотничьи избышки требуют почти ежегодного ремонта. Поэтому летом, в июле—августе, промышленники отиравались верхом на лошадях в тундру или по речкам спускались на ветках «ладить пасти и ночлеги», попутно занимаясь ловом рыбы, отстрелом гусей и оленей для корма собак и приманки песцов.

Многие промышленники держали по одной-две лошади, но пользовались ими только летом для ремонта пастей. Из конского волоса плели сети. Сено для лошадей не заготавливали, косить никто не умел. На зиму лошадей отпускали на волю, они сами себе добывали корм из-под снега.

Осенью по глубокому и рыхлому снегу песца травил собаками. Для подобной охоты пригодна была не всякая собака, обычно выбирались лучшие самки, которые всегда легче на бегу, чем кобели. Эти «промышленные» собаки высоко ценились среди тундрового населения и пользовались гораздо большим вниманием со стороны хозяина, чем остальные. Правда, срок службы песцовой собаки всего два—четыре года.

Применялся также метод отлова песца путем разрушения нор (капиц). Рано осенью, когда песец еще окончательно не покинул капище, охотник, заранее зная, что тут должен быть песцовый выводок, приезжал на капище. Песцы, почуяв охотника, скрывались в норах. Выходы из них закладывали дерном, оставляли один-два. Наклоняясь низко к норе, охотник издавал звук «ух-ух», песец «отвечал» на это негромким лаем. Охотник раскапывал нору и при помощи длинного багра («макуца») вытаскивал песца из норы. Это называлось «рубить капища». У отловленных из капищ песцов, как правило, был недозревший мех. Поэтому после отлова их держали в клетках. Из-за небрежности отлова, плохого кормления во время держа-

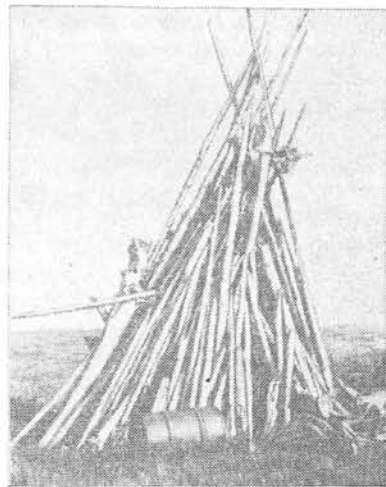
ния в неволе, отсутствия специально подготовленных клеток (типа звероводческих шедов) большого эффекта не было, и такая пушнина зачастую шла низким сортом. Разрушение же песцовых нор являлось злостным видом браконьерства, поэтому от такого метода лова песцов пришлось отказаться.

Песцовый промысел был известен русскому населению северных областей задолго до выхода в Сибирь, П. Н. Павлов считает, что песца издавна промышленяли на Европейском Севере [Павлов, 1972, с. 81].

«Судя по терминам охотничьего промысла, некоторым обычаям и религиозным представлениям, русские на Индигирке, освоив новые места для жительства, сами самостоятельно стали заниматься пушным промыслом. Есть данные, что народности Севера — юагиры, эвены и северные якуты — научились промышленять пастями песцов от русских. На это отчасти указывает употребляемое у якутов и эвенов слово «паас» — от русского „пасть“» [Алексеев, 1948, с. 65].

О давнем промысле песца свидетельствуют и единые для всего Севера русские термины, обозначающие возраст зверька: норник, крестовник, чайшник, недопесок и т. п. «Название — песец, то есть маленький пес, данное ему русскими, вполне к нему подходит; его острая мордочка напоминает полярного пса, а гавкает он точно так же, как щенок» [Юхельсон, 1898, с. 69].

Пушной промысел составлял главный источник существования охотников, так как, только продав шкурку песца, можно было купить какие-либо товары. Однако даже при удачном промысле охотник едва мог обеспечить себе жалкое существо-

«Костер» дров, ваготовленных на зиму. (Фото В. В. Дмитриева.)

вание. По сведениям И. А. Худякова, в 1867—1884 годы шкурка песца стоила 80—90 копеек. Надо отметить, что мех несортного песца широко использовался в быту: из него шили одеяла, шапки, шубы, рукавицы.

Весной, после окончания охотничьего сезона (после запуска пастей), охотники выезжали на собаках в море и переключались на добычу нерпы. Для этого надо было иметь «нерпичью собаку» — индигирскую лайку, обладающую высокими промысловыми качествами, специально натасканную на розыск нерпичьих лежищ и лунок во льдах, у которых дышат нерпы. Собака, почуяв запах нерпы, разыскивает лунку и лаем дает знак хозяину.

Лунка, через которую выходит нерпа, обычно скрыта под толстым слоем снега. Снег раскапывают и лунку расширяют. Для добычи нерпы применялась сеть из толстого шпагата с ячей в 30 см. Сеть крепится к раме, получается подобие мешка. Рама готовится из палок толщиной 3—4 см. Размер рамы 132 × 132 см. Сеть-мешок устанавливается подо льдом напротив лунки. Нерпа подплывает к лунке и выходит на лед, чтобы подышать воздухом. Затем она вертикально погружается в воду и попадает в сеть. Мясо и сало нерпы использовались на корм собакам, а шкура — на изготовление непромокаемой одежды и обуви.

Промышляли оленей во время их переправы через Индигирку. Спасаясь от жары и гноса, стада диких оленей из лесотундры в июне уходили к Ледовитому океану, в конце августа возвращались обратно. Зная места их переправ через Индигирку, охотники устанавливали круглосуточное дежурство. Охота велась коллективно, ружьями не пользовались. Окружали оленей на ветках и кололи копытами. Каждый охотник имел, как правило, два копыта. Одно длиной 3—4 м, другое — короткое — 1 м. Среди оленей попадались так называемые дракуны, которые при виде подъезжающего охотника ложились на бок и задними копытами били по ветке. В этих случаях применялось короткое копые: не доезжая до оленя нескольких метров, охотник кидал его в бок оленю. В такой охоте требовалось большое искусство и хладнокровие: находясь в неустойчивой ветке, необходимо было поразить оленя с одного удара. Следует напомнить, что никто

из охотников не умел плавать, и иногда охота заканчивалась трагически.

Если оленей было больше десяти голов, считалось недопустимым перебить все стадо (табун), не оставив ни одного оленя, иначе «осердится Сендуха» и не будет удачи. Так что совершенно неправильно утверждение Н. М. Алексеева о том, что якобы у русскоустыинцев не было традиции охранять зверей. Иногда применялся и такой способ: часть охотников оставалась дежурить на реке, остальные два-три человека брали собак и старались загнать оленей в реку — это означало «ходить в Сендуху загоном».

Распределение добычи начинали с выделения одной туши хозяйству, не имеющему трудоспособных мужчин. Остальную часть делили поровну между охотниками.

В марте-апреле охотились на оленей на собаках. Запрягали в нарту 8—10 собак, садились в нее по двое и ехали в тундру «олений гонять». Завидя в тундре пасущихся оленей, старались незаметно к ним подъехать с противоветренной стороны, иначе «дух упадет на оленей» и они убегут. Подобравшись незаметно к оленям на 1—1,5 километра, направляли упряжку на оленей и начиналась погоня, которая продолжалась 30—40 минут, после чего олени «давали круг», то есть разворачивались на 180 градусов, и пробегали мимо охотников на расстоянии 100—200 метров. В этот момент один охотник останавливал упряжку, а второй стрелял. Все зависело от меткости охотника, а также от своевременной и прочной остановки упряжки. Хорошие стрелки в «одном кругу» убивали по пять-шесть оленей.

Летом тоже охотились на оленей с ружьями. Завидев в тундре оленей, подбирались к ним ползком и стреляли. Если не было ружей, пользовались луком.

Охотник, убивший оленей или гусей, половину всегда отдавал встретившемуся в тундре товарищу. Это называлось «давать нимат».

Была у русскоустыинцев попытка заняться оленеводством. В 1938 году пришло указание, обязывающее русскоустыинский колхоз завести оленей. Долго думали мужики, как выполнить эту директиву. Никто из них не знал, с какого боку подойти к оленю. Наконец придумали. Купили 50 оленей у юкагиров. Их же, во

главе с Петром Едукиным по прозвищу Кобахчан, наняли пастухами.

Наступило лето. Однажды в Петров день вдруг примчался из тундры большой табун оленей и прямо у деревни кинулся в Индигирку. Мужики быстро вооружились копьями, пешнями, ружьями, закололи больше 20 животных, остальные спаслись бегством. Разделили мясо, развезли по заимкам. Это был праздник.

Примерно через неделю явился Кобахчан и заявил, что потерял колхозных оленей. Все стадо. Ему грозил по тем временам строгий суд, о чем официально было объявлено. Поник головой Кобахчан. Не пьет, не ест, ни с кем не разговаривает. Молча ходит по «сметипцам» (свалкам) и что-то ищет. Думали, тронулся человек с горя... Шло заседание сессии сельсовета. Вдруг резко открывается дверь, входит Кобахчан и молча кладет на стол президиума большой олений рог с отпиленными верхушками. Затем гордо обводит взглядом присутствующих и так же молча уходит. В зале — немая тишина. Оказывается, мои земляки в охотничьем азарте перебили собственное стадо, приняв его за дикое. С тех пор русскоустыинцы и слышать не хотят об оленеводстве...

Зато они издавна в массовом количестве промышляли гусей во время линьки. Промысел леной птицы, гусевание, практиковалось вплоть до середины 50-х годов. Автору этих строк приходилось дважды принимать участие в гусевании, в последний раз — в 1952 году на лайде Немкиной. Охотникам на 10 лодках удалось «упромыслить» 1270 гусей.

Следует подчеркнуть, что охота велась лишь на «холостых», то есть молодых, гусей и никогда объектом промысла не был «детник» — гуси с выводками. На них можно было охотиться лишь после первого Спаса — 15 августа (по новому стилю), когда птицы будут на взлете.

В июле в период линьки гуси большими массами собирались на сточных озерах («лайдах») и на речках. Точной датой начала охоты на леной гусей считалось 20 июля (по новому стилю) — Прокопьев день. Собирались артелями по 10—15 человек и отправлялись к морю на ветках. Уезжали за 150—200 километров на Моготоевскую лопатку. Этот путь был крайне опасен и труден: приходилось на утлых ветках пере-

езжать двадцатикилометровой ширины морской залив. Характерно, что поблизости были места, на которых можно было бы успешно промышлять гусей, но приверженность к старине, к традициям предков брала свое. «Вера у нас такая, деды наши на Моготоевскую и Крестовскую лопатки ходили и нам велели», — любили говорить индигирцы.

Добравшись до места промысла, разбивали лагерь и ждали ясного безветренного дня. Дождавшись его, выезжали на поиски гусей. Гуси днем обычно плавали стадом посередине большого озера. Завидев охотников, они старались выйти на берег и перебежать на другое озеро. Тут вперед отправлялись два-три лучших гребца, задача которых — быстро выехать на противоположный берег и выгнать гусей на середину лайды. Все участники гребут в быстром темпе и окружают «стадо», иногда грести вокруг лайды приходилось четыре-пять километров без передышки. Это называлось «огрести лайду», что требовало выносливости («пертужины») и быстроты езды на ветках. Постепенно гуси оказывались окруженными. Охотники держались в некотором отдалении от гусей и дрейфовали на ветках. В эти моменты запрещалось громко кричать и шуметь. Лишь иногда раздается команда старшего: «Лодка, близко не загребай! Попугивай, попугивай!» или «Лодка, держи нос на каргу! Подтабанивай!» Так продолжалось четыре-пять часов, постепенно кольцо вокруг гусей сжималось, они сбивались в плотную кучу и, гогоча, устремлялись к берегу. В этот момент два человека на берегу ставили невод: вытянутым полукругом устанавливали полутарометровые вешки, на которые натягивали нитяную сеть. Нижнюю часть невода прикрепляли к земле спицами, крылья невода выводили в воду. Таким образом, получался своеобразный загон длиной 15—20, шириной 3—4 и высотой полтора метра. Гусей постепенно подводили к берегу, ветки становились вплотную друг к другу, нос одной ветки соприкасался с кормой другой. Иначе в образовавшуюся щель гуси могли уйти. Некоторые охотники, раздевшись, отважно спускались в ледяную воду и двигали ветки руками. Наконец гусей загоняли в невод и закрывали ворота. Два-три охотника заходили в загон, свертывали гусям шеи и выкидывали их через невод. Бить гусей палками или стрелять

из луков и ружей категорически запрещалось, в противном случае гуси могли порушить невод и разбежаться.

При удачной охоте в один загон промышляли одну-две тысячи гусей. Этот метод охоты требовал исключительной внимательности и дисциплины. Поэтому выбирался старший, распоряжения которого беспрекословно выполнялись. Провинившихся на охоте наказывали оригинальным способом: снимали с него штаны и сажали на пять—десять минут в лужу.

Добытых гусей делили следующим образом: на невод выделялся один пай, который, в свою очередь, распределяли между теми, кому он принадлежал (обычно двум-трем совладельцам). Каждый взрослый охотник получал равный пай. Присутствующие дети (мальчики) тоже получали свою долю. Ребенок до семи лет получал 1/8 пая, от семи до 12 — 1/4, от 12 до 16 — 1/2 пая и старше 16 лет — полный пай.

По окончании в загоне оставляли одного гуся, которого выпускали на волю со словами: «Вот мы тебя живого оставляем и на Сендуху выпускаем, ты нам за это на будущий год приведи сюда побольше своих товарищей» [Зензинов, 19166, с. 78].

Из добытых гусей дополнительно выделялись два пая. Один покупал кто-нибудь из охотников, и на вырученные средства в церкви заказывали молебен в честь Николая Чудотворца — главного покровителя охотников и рыбаков. Второй пай шел на призы («веса») победителям соревнований на ветках, которые устраивались сразу же после завершения промысла на расстоянии 8—10 километров. Устанавливали обычно три приза, каждый — определенное количество гусей, к которым какой-нибудь состоятельный хозяин добавлял от себя осмюшку чая или пару листов табака. Победителя называли «гребцом». Следует указать, что в Русском Устье гребцами назывались не просто люди, умеющие плавать на ветке, а *хорошо и быстро* плавать. Причем гребцы были двух видов: «пертужие» гребцы, которые не боялись встречного ветра и могли за день свободно проплыть против течения 70—80 километров, и «хлесткие» — гребцы на короткие дистанции. Рассказывают, что будто бы в старину были такие молодцы, которые на расстоянии двух-трех километров не отставали от летящей чайки.

Добытых гусей ощипывали и складывали в ледовые ямы, птица в этом естественном холодильнике сохранялась довольно хорошо. Зимой яму вскрывали и смерзшихся гусей привозили домой. Неощипанные гуси сохранялись хуже.

Бывали случаи, что из добытых гусей зимой охотник не находил ни одного: их «съедала пакость», то есть уничтожали песцы. Часть гусей везли домой. Возвращаться против течения и встречных ветров приходилось четыре-пять дней. Чтобы гуси не испортились, из них делали «балбахи»: у неощипанного гуся особым образом удаляли внутренности и кости. В образовавшийся своеобразный мешок можно поместить мясо двух-трех гусей.

Куропаток осенью и весной ловили силками («шиллями»). Этим промыслом вблизи селений занимались чаще всего дети и женщины. В основе промысла куропатки — две подмеченные особенности ее поведения: первая — она двигается в основном вдоль берегов речек и по опушке тальниковых рощиц; вторая, — встретив препятствие, птица не перелетает через него, а обходит.

Учитывая это, поперек предполагаемого пути куропаток сооружается небольшой заборчик из тальника и снега («огород») с пятью-семью воротцами, где насыпалась приманка (ягоды и почки тальника) и укреплялась петля из ниток или конского волоса. Одним концом петля привязывалась к палке («кунелге»). Куропатка, привлеченная рассыпанной приманкой, входила в воротца и попадалась в петлю.

Бывало, в марте—апреле, утром рано, еще до занятий в школе, мать будит: «Сынок, сегодня хороший утренник. Крупашечки кричат. Сбегай-ка, проведай свой огородик». Накинув пальтишко, резво бежишь по утреннему морозцу. В случае удачи, переполненный счастьем, сознаем, что ты кормилец, не спеша, с мужской солидностью возвращаешься домой.

Иногда по берегам речек на высоких шестах растягивали сети, в которых также запугивались куропатки. Силками ловили и уток на гнездах. Когда находили утиное гнездо, в нем оставляли только одно яйцо. Над гнездом строили из травы и мха небольшой двухстенный шалашик и устанавливали петлю.

На медведей охотились в берлоге копьями и ружьями. Если медведь встречался зимой в тундре, то поступали следующим образом: спаривали две нарты собак и гнали за медведем. Сначала отпускали двух собак, которые должны были «облаять» и остановить медведя. Когда его догоняли, то хозяин правой упряжки командовал своим собакам бежать направо, а хозяин левой — налево. Медведь оказывался в окружении собак и садился на баран нарты. В это время его закалывали копьями.

Рыболовный промысел

Рыболовство было основным занятием русских старожилов. Именно оно поставляло главный продукт питания для людей и корм для собак. Слова «рыба» и «еда» здесь были идентичны, часто можно было услышать выражения: «Еда появилась», «Еду хорошо промышляли», «Без еды сидят» и т. п. — все это о рыбе.

Основные виды рыбы, которую промышляли в Индигирке, — омуль, муксун, ряпушка, чир, нельма.

Все рыболовные участки традиционно были закреплены за отдельными хозяйствами. Причем участок переходил от отца к сыну, от сына к внуку.

Рыбаки испытывали острую нужду в конском волосе, конопле, пряже — в самом необходимом для изготовления рыбачьих снастей. Старики рассказывали, что были даже случаи, когда женщины косы обрезали и плели из них сети.

В апреле 1901 года русскоустыинцы обратились с ходатайством в Якутское областное управление о выделении им ссуды в сумме 916 рублей 50 копеек для приобретения рыболовных снастей. Ответ они получили через два года: «Общее присутствие не признало приговора верхоянских мещан о выдаче им в ссуду 916 рублей 50 копеек сроком на 5 лет заслуживающим уважения (разрядка моя. — А. Ч.), а потому журналом от 29 ноября 1903 года за № 546 определило: означенное ходатайство оставить без удовлетворения, о чем и объявить мещанам через верхоянского исправника [ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 258]. Лишенные какой-либо материальной поддержки со стороны государства, люди продолжали упорную борьбу за свое существование.

Лов рыбы неводом начинался с Федосьина дня, то есть с 29 мая (здесь и далее даты даются по старому стилю), и продолжался до 14 сентября (Воздвиженев день). После этого невода «вешали», так как рыба после нереста «поворачивала» к морю.

В результате длительной и тяжелой трудовой деятельности по освоению края у индигирщиков выработался довольно четкий промыслово-хозяйственный календарь. Например:

Егорьев день (23.04)	— прилет гусей.
Весенний Никола (9.05)	— солнце не заходит за горизонт.
Федосьин день (29.05)	— добыча «свежины», то есть начало лова рыбы по открытой воде. Существовала поговорка: «Егорий с травой, Микола с водой, Федосья с едой».
Прокопьев день (8.07)	— начало гусевания и массовый ход чира.
Успенье (15.08)	— начало массового хода ряпушки («сельдятки»).
Ильин день (20.07)	— солнце первый раз заходит за горизонт.
Михайлов день (8.09)	— начало полярной ночи.
Покров (01.10)	— начало езды на собаках.
Дмитриев день (26.10)	— насторожка пастей.
Крещение (06.01)	— выход солнца, конец полярной ночи.
Евдокии день (1.03)	— запрещается пользоваться освещением.
Алексеев день (17.03)	— выезд на лов нерпы и т. п.

Неводом рыбачили в основном женщины и дети. На более богатых промысловых участках собиралось несколько семей. Избирался староста участка. Неводной лов назывался «неводьбой», а отдельное притонение — «метанием тони».

Время между окончанием одного притонения и началом другого — «нажидание тони» — устанавливалось по солнцу и отдельным ориентирам и не должно было превышать примерно одного часа (хотя часов ни у кого не было). Если кто-либо не придерживался этого

времени, его «понужали», то есть велели поторопиться, что иногда вызывало недоразумение.

Наиболее удачными для промысла, особенно в августе и сентябре, считались утреннее (в период восхода солнца) и вечернее (в период захода) притонения. На утреннее притонение — «пристройну» — и на вечернее — «закатну» — устанавливалась очередность. Невод длиной 70—80 м состоит из двух крыльев, из которых одно, «бережное», делалось короче и ниже. Крылья эти связывались из отдельных сетей («мереж») от 10 до 15 м длиной и до 4 м высотой. Крылья невода пришивались к мотне, имеющей форму мешка. Нити мотни делались толще, ячеи меньших размеров — обычно в два пальца диаметром. Мотня вязалась отдельно.

Через ячейки верхнего и нижнего краев невода пропусклась тетива — веревка толщиной 1 см. К верхней тетиве через 25—30 сантиметров привязывались деревянные поплавки («плавки»), а к нижней — грузила («кибасья»). Поплавки длиной 20 см и шириной 10 см делались из сухого корня ливневницы овальной, несколько удлиненной формы, с отверстием на одном конце, сквозь которое пропусклась веревка для подвязывания к тетиве. Грузила неводные («кибасья») размером 8 × 5 см делались из мамонтовой кости или из оленьих рогов.

Выдаваясь на 2—4 см от концов невода, тетивы соединялись вместе треугольником и образовывали «уши», у которых нижняя сторона длиннее. К концам «ушей» привязывался деревянный поплавок («наплав») длиной около 50 см для того, чтобы «уши» невода плавали по верху, не опускаясь на дно. К «ушам» привязывались длинные веревки — «клячи» («речник» и «бережник»), посредством которых тянут невод. Над мотней на верхней тетиве привязывался большой поплавок («логда»), который представляет собой два полукруга диаметром 30 см, скрепленных между собой поперечиной под прямым углом. Один полукруг имеет посередине круглое отверстие, а второй — крестообразный вырез. Мотня имеет длину 3—5 м.

Закидывали невод, как правило, втроем: один шел по берегу («бережник»), второй — сидел на веслах («выгребал»), а третий — выкидывал невод («выбра-

сывальщик»). Если не хватало третьего человека, то занимали со стороны за 1/3 улова («работник из части»).

Во время массового хода рыбы, особенно в августе, устанавливалась круглосуточная неводьба.

Вспоминаются тяжелые военные годы: скудное питание, нехватка одежды, обуви. Ноги и руки в постоянной сырости. Иногда приходилось рыбачить босиком. Зачастую мы, дети, и не радовались хорошим уловам, потому что для нас это был тяжелый изнурительный труд. Ведь пойманную рыбу надо было отвезти на лодке за 5—10 километров и сдать на приемный пункт, все это делалось вручную. Чего греха таить, мы иногда в душе молились: «Хоть бы низовая погода упала да по плесу и дунула на три дня, вот бы отоспались!».

Небольшие речки, вытекающие из больших озер, по которым рыба шла на нерест или возвращалась обратно в море, коллективно перегораживали. Из крепкой неводной дели изготавливали ставной невод — «паек» — и устанавливали его на прочных жердях («тычках») поперек реки. В такой коллективной ловле активно участвовали женщины, но распределение добычи шло по количеству мужских душ в хозяйстве. Один пай выделялся владельцам «пайка».

Мужчины ловили рыбу сетями. Ее плели (вязали) из конского волоса. Высота сети 2 м (27—29 узлов), длина 18—20 м (300—350 ячей). Размер ячеи определяли при помощи пальцев (перстов). На омуля применялась сеть «пятырик» — пять перстов (что соответствовало 50 мм), на чира — «шестырик» (шесть перстов), на муксуна и нельму — «семирик» (семь перстов). Сети, предназначенные для лова ряпушки, назывались «сельдевиками», размер ячеи — три перста (30 мм). Каждая сеть, как и невод, имела верхнюю и нижнюю тетивы, к ним привязывались поплавки и грузила. Сетные полавки были трех видов:

а) полавки для крупноячеистых сетей — «трупки». «Трупка» — деревянная пластинка длиной 10 см, шириной 3 см и толщиной 1 см прикреплялась к тетиве постоянно на весь срок службы сети;

б) полавки для «сельдевок» — «плавки». Это деревянные круги диаметром 7—8 см с вырезом посередине

не для продевания веревок и связывания их вместе, когда сеть находится в сложенном виде;

в) временные поплавки — «наплавки». Это толстые круглые палки длиной 50—60 см, которые привязывались во время установки сети. Если сеть снимали, наплавки отвязывали и сушили на солнце. Иногда вместо наплавов привязывали небольшие чурочки («кирбены»).

Сетевые грузила («кибасья») делались из мелких камней, прикрепляемых корнями тальника к деревянному кольцу диаметром 10—14 см. Деревянные кольца изготавливались из наружного крепкого сухого слоя лиственницы — «креня» — и пропаривались в горячей воде. Кольца хорошо предохраняли камни от запутывания в ячеях сети.

Для плетения неводов и нитяных сетей употреблялись:

а) костяная или деревянная игла — челнок, на которой наматываются нитки;

б) дощечка, служащая меркой ячей (в зависимости от вида рыбы имела различную ширину).

Техника плетения волосной сети такова: нить для плетения сучится на коленях и составляется из пяти-семи волосков. Полученные таким образом две нитки соединяются между собой на одном конце двойным узлом. От этого узла посредством костяной или деревянной мерки («садки»), имеющей по краям зарубки для различных ячей, откладывается необходимая для ячей сети длина и делается второй узел. Таким образом, получается первая ячейка сети. И когда таких ячей накопится 50 штук («столбик»), их продевают на особую костяную (деревянную) пластинку, заключенную между двумя концами костяной (деревянной) дужки («сетной головки»). После этого, опять же измеряя меркой («садкой»), продолжают делать второй ряд ячей, соединяя одну нить первой пары с нитью второй пары. Когда нити близки к концу, снизу привязывают другие. Таким же образом делаются и другие ряды узлов. Когда будет завязан 29—31-й ряды узлов, готов один «столбик» сети. Для сети требуется шесть-семь таких «столбиков». Готовые «столбики» стоймя соединяются между собой при помощи волосных ниток. Тетиву для сетей сучили тоже из конского волоса. Сучили на колене, для этого на него надевали «нако-

леник» — кусок замши, — время от времени посыпая его золой.

Изготовлением и ремонтом невода занимались женщины. Мужчины для него делали лишь поплавки и грузила. Ранней весной, во время половодья, сети ставили в лайдах, курьях и в небольших речках, летом в «уловах» на реке — заводах. Все улова были на учете и закреплялись за отдельными хозяйствами или заимками.

Осенью, в сентябре, в глубоких местах сети опускали на дно реки («спускали на яму»), где ловились, в основном, муксун и нельма. После ледостава ставили сети на реке и озерах. В декабре все рыбаки выезжали на устье Индигирки «метать сети», то есть ставить их на морского омуля.

Методика постановки сетей подо льдом такова. Пешней продавливали прорубь, затем отмеряли расстояние по длине сети и продавливали вторую лунку. Опускали под лед длинную тонкую жердь («норило»), за конец которой привязывали длинную веревку («прогон»). «Норила» на всю длину сети не хватало, поэтому посередине прорубали вспомогательную лунку, куда спускали палку с крючком на конце («крук»), при помощи которой ловили норилу. Норилу проталкивали к следующей лунке при помощи специальной рогульки («вилки»). Для выкидывания льда из проруби применялся «сак» — палка длиной 1,5 м с деревянным переплетенным обручем на конце. Каждый рыбак устанавливал в ряд поперек реки восемь—десять сетей («ярус»).

В декабре лед на Индигирке достигает полутарометровой толщины, в этих условиях установка сетей — дело исключительно трудоемкое, требующее физической закалки и умения.

Рассказывают, что в старину были удалые люди («долбцы») — мастера подледного лова. Будто бы хороший долбец в декабрьский мороз за четыре часа мог один установить восемь сетей, на пяти-шестиметровой глубине со дна реки при помощи пешни и веревки мог достать упавший в воду нож или трубку. Наконец, под полутарометровым слоем льда сращивал два норила и т. п.

Осенью производился подледный лов налима переметами при помощи «уд». «Уда» — деревянная или кос-

тяная спица длиной 7—8 см, концы которой остро заточены. К середине спицы привязывалась крепкая нить длиной 20 см, другой конец нити прикреплялся к поводку. Нажива (обычно полряпушки) прикреплялась на одном конце уды.

Индиgirщики, как и все русские старожилы Севера, были и остаются прекрасными рыбаками и охотниками. На основе векового опыта они выработали навыки бережного отношения к природе и рационального использования ее ресурсов. Особенно это относится к рыбе, которая была их основной пищей. У них имелись своеобразные заказники, в которых они или вовсе не рыбачили, или занимались промыслом только в определенное, строго ограниченное время.

Запрещалось, например, заниматься подледным ловом до Дмитриева дня, то есть до 26 декабря (по старому стилю) в следующих местах: ниже Степанова по Русско-Устьинской протоке, ниже Карбаса — по Новой, ниже Туркуна — по Средней и ниже Колесова — по Колымской протоке. Это были места зимнего нагула рыбы.

Ездовое собаководство

Собачий транспорт на северо-востоке Азии на протяжении столетий был одним из главных средств передвижения. Только благодаря ему можно было успешно вести пушной промысел, рыболовство, обеспечивать хозяйственные нужды населения, почту, административные и торговые перевозки. Благодаря ему географическими экспедициями исследовались огромные пространства, открывались новые земли, осваивался этот далекий край.

Содержание собачьей упряжки, как известно, обходится дорого, но этот вид транспорта необходим до сих пор. Лишь в последние годы в тундру пришла техника и потеснила его.

Следует указать, что по упряжному собаководству Сибири имеется значительная литература. Исследования методики езды на собаках мы находим в работах Б. О. Долгих, М. Г. Левина, Л. П. Лащук, А. П. Степанова, Н. М. Михеля, П. Третьякова и других.

В названиях отдельных деталей нарты и в системе ведения собаководства у русского населения Индиgir-

ки и Енисея имеется много общих черт. Однако у индиgirщиков есть некоторые отличительные особенности.

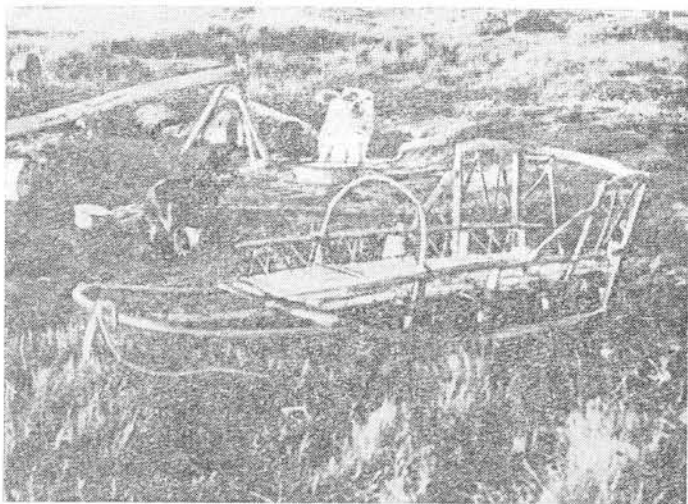
Мастерство колымо-индиgirских русских старожил в воспитании и дрессировке собак высоко оценивалось известным полярным исследователем Р. Амундсенем. «Единственное средство передвижения у них — нарты и собаки. Зато они на редкость опыты в этой области, и сущее удовольствие смотреть, как они подкатывают к кораблю без шума, гама и понукания собак. Они даже не пускают в ход бича. Короткими возгласами они в совершенстве управляют своими собаками.

Животные так хорошо выдрессированы, что с величайшей легкостью и спокойствием передвигаются там, где мы с бранью, проклятиями и свистом бичей не можем заставить своих сдвинуться с места.

Впрочем, причина заключается не только в том, что они могут направлять своих животных куда хотят, но и в самом способе упряжки. Мы применяем гренадский способ — веерообразный, который требует чрезвычайно много места и как нельзя хуже использует тяговую силу животных. А здесь собаки привязаны к длинной веревке по две с каждой стороны, и таким образом тяговая сила их используется полностью.

Кроме того они обледеняют полозья нарты, так что последние скользят очень легко. Мы никогда не удосуживались это делать, и, вероятно, много от этого теряли. Другими словами — в езде на собаках эти русские и чукчи стоят выше всех, кого мне приходилось видеть» [Амундсен, 1936, с. 325].

Полозья индиgirской нарты (длиной 3—3,2 м, шириной 8—10 см и толщиной 2—3 см) изготавливались из моченой березы или дуба, а в случае отсутствия этих пород дерева — из молодой лиственницы с сохранением лубяного слоя. (Последние называются «соковыми», они крайне непрочны и почти вышли из употребления.) Делались полозья также из наружного затвердевшего слоя старой сухой лиственницы. Наружный слой такой лиственницы называется «кренем», а полозья из него «креневыми». (Из креня, который обладает хорошей упругостью, делали также луки и кольца для сетяных грузил.)

Индигирская нарта. (Фото Б. В. Дмитриева.)

Обычно в сентябре полозья — как старые, так и новые — на две-три недели погружают в воду, в результате чего они получают гибкость и «хорошо держат лед» — то есть зимой, когда полоз покрывают тонким слоем льда, он дольше сохраняется.

У каждого хозяина имелось несколько пар полозьев, и в течение зимы в зависимости от состояния снежного покрова он несколько раз менял их. Осенью по рыхлому сырому снегу употреблялись кренивые или дубовые, полозья, которые не «вайдают», то есть не покрывают льдом. В холодное время года ездили на березовых полозьях, а весной, по тасту, вновь заменяли их дубовыми. Зачастую весной пользовались и стальными полозьями, которые прибывали к обычным. Весной и ранней осенью применяли также полозья из китовых ребер, которые назывались «костяными». Они подвизывались к обычным полозьям ремнями. Китовые полозья стоили дорого, поскольку привозились с Чукотки. К полозьям крепятся четыре пары копыльев на расстоянии примерно 35 сантиметров пара от пары. Каждый копыль имеет на конце конический шип («вяпуг»), который вставлялся в гнездо на полозе. К полозу копыль прикрепляется при помощи специаль-

ного крепкого ремня («кинлары»). Для закрепления каждого копыла в полозе просверлено четыре отверстия, куда особым образом пропускается кинара.

Каждая пара копыльев соединена между собой при помощи крепкой поперечины («вязка»), концы которой имеют коническую форму; кроме того каждая пара копыльев ниже и выше вязки стянута «поясками». Между верхними поясками и вязками вдоль нарты пропускаются две тонкие и крепкие жерди — «вардины».

Пространство между доской и вардиной переплетается тонкими ремнями — «кутагами». Передняя часть полоза («головка») загнута при помощи специального наблона («бала»). Перед тем как загнать головку, их распаривают в горячей воде. К головкам полозьев прикрепляется горизонтальная дуга («баран»). Чтобы полозья не разогнулись, концы барана ватуго соединены ремнями («подъемами») с передней парой копыльев. Концы барана стянуты также поперечной, на которую кладется передняя часть настила. Копылья на полозе установлены вертикально и несколько отклонены во внутрь. По ширине нарты имеет три измерения: по полозьям, по вязкам и по вардинам. Наибольшая ее ширина всегда по полозьям (65 см), наименьшая — по вязкам (62 см), поэтому у нарты хорошая устойчивость. К передней паре копыльев прикрепляется вертикальная дуга, которая служит своеобразным рулем и опорой для возницы. В задней части нарты к вардинам также прикреплена небольшая горизонтальная дуга, пространство между ней и настилом переплетается ремнями, в образовавшийся небольшой кузовок укладываются необходимые дорожные вещи.

В задней части нарты есть специальное приспособление — четыре тонких столбика высотой около 1 м, прикрепленных к двум задним парам копыльев. По верху столбики с трех сторон соединены планками. Для прочности передние два столбика укреплены при помощи двух наклонных планок, идущих от их середины к верхней части средней пары копыльев. Пространство между горизонтальными планками к вардинам переплетено ремнями. Этот своеобразный кузов («кратка») — очень удобное приспособление при перевозке пассажиров (особенно женщин с детьми) и грузов. При необходимости вместо кратки делали другое приспособление — «кибитку».

Полужесткое крепление нарты делает ее гибкой и прочной. Кроме каюра на нарту кладут груз в 2—3 центнера в зависимости от количества собак и времени года, из расчета в среднем 25 кг на одну собаку. В отдельных случаях весной в марте — апреле, когда хорошее скольжение, 10—12 собак везут до 5 центнеров груза.

Нарта жителей Русского Устья отличается от всех других ее типов легкостью, хорошей проходимостью и долговечностью. Кто имел хорошие ремни и березу (ремни обычно из моржовой или из лосиной кожи, а их не просто было приобрести), тот имел хорошую, прочную нарту, он ездил дальше, больше перевозил грузов, следовательно, и больше зарабатывал.

Нарта, состоящая из четырех пар копыльев, называется четверкой, или дорожной нартой, она предназначена для дальних поездок. Для мелких хозяйственных нужд использовалась «домашняя», или «бабья», нарта, она состоит из трех копыльев и называется «тройка-нарта».

Копылья нарты, дуга и барап обычно окрашены. Хорошая прочная и удобная нарта говорит о деловитости ее владельца. Сделать нарту может не каждый. Изготовление ее — процесс трудоемкий. Копылья и полозья делали специальные мастера. Сборка же нарты из готовых деталей занимает 2—3 часа.

Для остановки упряжки использовался прикол — «прудило». Прудило — круглая березовая палка длиной 1,2 м, в верхней — «ручной» — части несколько утончена, на самом конце имеет некоторое расширение — «шляпку». Это сделано для того, чтобы его удобно было держать в руке. На другой — нижней — конец прудила одевалось железное кольцо — «обойма» и вбивался стальной шип. К верхнему концу прудила прикреплялось несколько колец, которые при быстрой езде бренчат и тем самым в какой-то мере разнообразят утомительно-однообразное движение. Прудило служило также и погоньцем для нерадивых собак. Иногда каюр кидал прудило непослушной собаке на спину. Кольца не дают ушащему прудило откатиться в сторону, и каюр, не вставая с нарты, мог на ходу подхватить его, нарта не останавливалась ни на секунду. При остановке нарты прудило продевали в петлю, привязанную к правому переднему копылу, и глубоко вбивали его

в снег, упряжка оказывалась на надежном приколе. По длине нарты шился широкий мешок из прочной ткани — «чум». Чум клали на нарту, в него завертывали все то, что подлежит перевозке, и стягивали от вардины к вардине несколько раз прочным ремнем — «повором».

Способ расположения собак в запряжке индигирцев — парный. Собаки пристегиваются к поводку («потягу») попарно на расстоянии полутора метров пара от пары. Поводок изготавливали из моржовой или лосиной кожи. Для лучшей прочности и эластичности его смазывали рыбьим жиром и коптили. Общая длина поводка на упряжку из десяти собак — примерно восемь метров. Поводок одним концом привязывается к барану, к другому концу его пристегивается два передовика. Посредством свободного короткого тонкого ремешка вся упряжка во время остановок привязывается к какому-либо неподвижному предмету.

Собачья упряжь («алык») — кожаная петля с двумя, а иногда даже тремя перемычками посередине. Лямка проходит по бокам собаки, к ее концам через металлический «вертлюк» прикрепляется узкий и длинный ремень — «свара», при помощи которого собака пристегивается к поводку. Каждый алык имеет ремень, проходящий под брюхом собаки, — «подбрюшник». Алыки шились из нерпичьей или свиной кожи, снаружи зачастую обшивались сукном и орнаментировались. Иногда наиболее красивым и заслуженным собакам повязывали вышитый ошейник («галстук») и даже маленький колокольчик («шеркунец»).

Впереди запрягаются, как правило, две собаки: одна главная — передовик, вторая — наиболее «смышленивая» молодая собака — будущий передовик. Щенков, впервые запряженных, «чтобы не бросались в сторону и научились тянуть», а также ленивых собак привязывали к поводку кроме алыка дополнительным ремнем — «нагорликом». Хорошо выученная передовая собака — главное богатство хозяина упряжки.

Ценность передовой собаки не только в том, что она ведет упряжку и делает ее управляемой, а и в том, что в полярную ночь, в пургу не сбивается с маршрута, заданного хозяином, на далеком расстоянии чувствует жилье и «хорошо гонит дорогу», то есть различает давно занесенную снегом дорогу. Передки слушай,

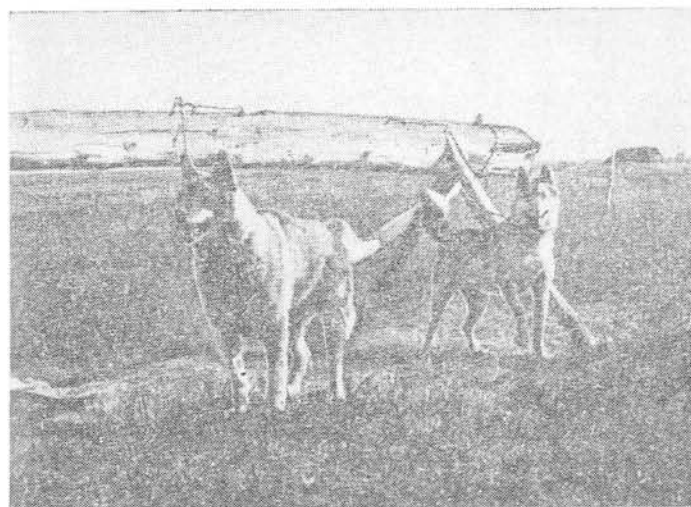
Когда застигнутые пургой охотники ехали наугад, полагаясь на чутье собаки-передовика, и обычно она вывела упряжку к жилью.

Улучшению породности собак всегда уделялось большое внимание. Покупали на Яне хороших производителей. Осенью в период случки обменивались кобелями. Для содержания оценившейся суки у каждого владельца имелось специальное помещение — «стая», в котором содержали щенков до двухмесячного возраста. Все кобели, предназначенные для упряжки, в первую же осень своей жизни (9—10 месяцев от роду) кастрировались. Не кастрированный кобель плохо работает в упряжке, худеет.

Существовали неписанные правила собаководства. Например, если собака часто худела при нормальном питании, у нее отрубали кончик хвоста. После этого собака будто бы становилась плотнотелой. Бывают собаки, которые имеют привычку поедать упряжь (алык, поводок). У них разрезали среднюю часть языка и якобы «вытаскивали черву».

Осенью после долгого перерыва, езда начиналась с разминки собак, то есть с поездок на короткие расстояния в 2—3 километра. Постепенно поездки удлинялись, и через неделю начиналась обычная езда. В зимнее время при езде на собаках делали кратковременные остановки — «поберда» — на 5—10 минут через каждые 4—5 километров, весной «поберда» делали через 10—12 километров. С утра делали частые кратковременные остановки, а к вечеру дистанции между ними увеличивались, зато «поберда» становились более продолжительными.

Как уже говорилось, для лучшего скольжения полозья покрывали слоем льда толщиной примерно один сантиметр. Это делали следующим образом: нарту переворачивали вверх полозьями и кусочком шкуры, смоченным в воде, проводили по полозьям. Операция повторялась несколько раз, пока на полозьях не образовывался достаточно толстый и гладкий слой льда. Весной (в мае — апреле), чтобы лед с полозьев не выветривался на больших остановках, нарту закапывали в снег. В холодное время года (январь—февраль) при встречном ветре бывают частые случаи, когда собаки с короткой шерстью отмораживают пах, после чего они оказываются почти непригодными к упряжке. Поэтому

Индибирские ездовые собаки. (Фото Б. В. Дмитриева.)

му каждый каюр имел с собой несколько «ошейников» — повязок, сшитых из песцовых или заячьих шкурок. Такие ошейники подвязывали к паху собаки. При нехватке собак вынужденно запрягали суку через неделю-две после щенения. Для того чтобы она не обморозила соски, шили для нее большую теплую меховую повязку — «нагрудник». Обморозить собаку считалось признаком крайней бесхозяйственности, и такой хозяин вызывал не только насмешки, но и презрение товарищей.

Весной при длительной езде по насту или гололеду у собак образуются раны на лапах. Во избежание этого шили из крепкой и толстой ткани специальные «сапожки», или «торбоски», которые надевали собакам на ноги. Пораненные собачьи лапы теперь смазывают йодом, а в старину в таз с горячей водой насыпали порошок и в таком растворе промывали собакам раны.

Кормили собак один раз в день, обычно в обеденное время, если не предстояла поездка. Во время же езды собак кормили только после того, как был закончен дневной маршрут. Если же они только что накормлены, то никакие обстоятельства не заставят каюра

ехать: езда на сытых собаках вызывает у них рвоту, собаки худеют и долгое время не могут поправиться. Кормили их рыбой, из расчета полтора килограмма рыбы в день на собаку в зимнее время, один — весной. Иногда рыбу варили с примесью муки. Весной давали собакам нерпичье сало: 100—200 граммов сала и 0,5 килограмма рыбы. Кормили собак в специальном деревянном корыте длиной 2,5—3 м. Одновременно в нем можно кормить 8—10 собак.

Управлялись собаки командами: «подьпо!» — направо; «кур-р-р!» — налево; «потьца!» — вперед; «то-о-о!» — стой. У индигирских якутов команды были другие: направо — «тях-тях!», налево — «нарях! нарях!».

Управлять нартой далеко не просто. Каюр сидит с правой стороны.левой рукой он держится за дугу, а в правой у него прудило, правая нога стоит на полозе. Особенно тяжело управлять нартой при быстрой езде по хорошо укатанной дороге с частыми спусками, подъемами и поворотами. Если каюр замечает, что нарта делает крутой правый поворот, то он становится на полоз и свешивается на правую сторону, если же левый поворот — он ложится поперек нарты и свешивается на левую сторону.

При быстрой езде каюру необходима быстрота реакции на всех спусках, поворотах и т. д. Зазевавшийся возница в одно мгновение может оказаться под нартой и упустить упряжку. Много забот у каюра, когда едет несколько нарт, и особенно утром: надо внимательно следить, чтобы полоз не попал на испражнение — иначе прилипший к полозу и сейчас же замерзший кал будет большим тормозом; в таком случае нарту опрокидывали и ножом соскабливали наледь с полоза.

Чтобы управлять упряжкой, надо обладать не только сноровкой и опытом, но и в определенной степени мужеством и выносливостью. Можно только представить картину: глухая полярная ночь, безбрежная, однообразная снежная равнина. По этой снежной целине движется собачья упряжка, вокруг на десятки километров ни жилья, ни кустика, ни деревца.

Чем ориентируется каюр? В ясную погоду — по звездам да по ему одному известным приметам на голой тундре. Если нет звезд, каюр обычно свою правую ногу волочит по снегу. Он знает, какой ветер дует накануне и в каком направлении образовались снежные

барханчики. Ногой он определяет угол их скоса и тем самым держит заданное направление. Ориентировались также по ветру, по наклону травы под снегом, по корягам на речных отмелях и т. п. Компасом русскоустьинцы не пользовались, целиком полагаясь на свой опыт и интуицию.

Случалось, что пурга вынуждала ночевать прямо в снегу. Единственное спасение в таком случае — собаки. Остановив нарту, каюр обкладывал себя собаками и, согреваясь их теплом, пережидал пургу.

Собачьи нарты имеют несколько ограниченное значение как грузовой транспорт, так как берут сравнительно мало полезного груза, особенно при поездках на большие расстояния, когда значительную часть его составляет корм для собак. Однако в освоении северо-востока Сибири собачий транспорт сыграл исключительно большую роль. Все северные экспедиции, начиная с экспедиции В. Беринга вплоть до наших дней, успешно пользовались этим транспортом.

С 1911 года начались ежегодные пароходные торговые рейсы из Владивостока к устью Колымы. Товары для колымо-индигирского края разгружались в порту Амбарчик, а оттуда развозились по тундре. Русскоустьинцы ездили в Амбарчик вплоть до 1935 года — до начала регулярных морских рейсов к устью Индигирки. Каждому хозяйству давалось твердое задание: за зиму из Амбарчика доставить для общественных нужд не менее 20 пудов грузов. С учетом того, что с собой надо было брать корм для собак, груз на одну нарту достигал 500—600 килограммов. И его надо было доставить за 700—750 килограммов.

Известны случаи, когда одна упряжка без смены проходила с Яны на Индигирку или с Индигирки на Колыму за трое суток, то есть — более 700 километров. При этом следует отметить одну из ценнейших особенностей собачьего транспорта, отличающих его от конного и оленьего. Собаки обычно идут до тех пор, пока у них есть силы, и в случае хорошего корма и относительно благоприятной погоды способны работать изо дня в день очень продолжительное время.

Индигирская лайка всегда была предметом кули на Яне и Колыме, и к умению езды на собаках индигирчики относились очень ревниво. Искусство езды на собаках подразделялось на три вида. Первое — это

умение натренировать собак на скорость. Второе — возможность перевозки наибольшего количества груза и на наибольшее расстояние. Третье, самое главное, — умение ориентироваться на местности при любой погоде. Ежегодно мещане отправлялись в Нижнеколымск или в Усть-Янск. Каждый запрягал по 12—15 собак, половину из них он там продавал.

«Собачий вопрос» в жизни русскоустинца, как и в жизни походчанина, занимал большое место. Собак называли скотом или скотинкой, а конуру — стаей, стайкой (очевидно, в память о домашнем животноводстве, которым занимались предки в «мудреной» Руси). При встречах, за чашкой чая зимними вечерами заводились бесконечные разговоры о собаках, об их повадках, о лучших ездоках и т. д. и т. п. Тут же совершалась купля-продажа или обмен собаками. Были некоторые заядлые собачники, которые знали «в лицо» чуть ли не каждую собаку на Нижней Индигирке.

Такой повышенный интерес местных жителей к собакам объясним, ибо от хорошего состояния собачьего транспорта зависело благополучие не только отдельных семей, но и большинства жителей тундры.

Все изложенное выше дает нам основание отнести индигирское упряжное собаководство к восточно-сибирскому типу, носителем которого является в основном русское старожильческое население. Русские еще в XVII веке сталкивались с юкагирами на Индигирке и Колыме, но «юкагиры ездили на собаках в санях своеобразной формы» [Шренк, 1883, с. 74]. И только с приходом русских на Индигирку этот тип упряжного собаководства получил широкое распространение, вытеснив в ряде районов другие, устаревшие типы, что является одним из свидетельств благотворного влияния передовой хозяйственной культуры русского народа на быт и культуры народностей Крайнего Севера.

Другие средства передвижения

Для передвижения летом старожилы использовали два типа лодок: «карбас» и «ветку». Карбас — большая двухвесельная лодка, предназначенная для неводного лова рыбы или перекочевок. Строилась она из листовенных досок ввахлестку. Доски между собой сши-

вались распаренными прутьями тальника, щели и пазы конопатились мхом. Длина карбаса достигала 4—4,25 м, грузоподъемность — до 500 кг [Биркенгоф, 1972, с. 131].

Ветка — лодка для постоянных разездов: на охоту и рыбную ловлю на дальние расстояния, на ней осуществлялась в летнее время связь. На ветках ходили «по гуси», переплывая морские заливы шириной около 20 км, и преодолевали тяжелые волока с одной протоки на другую. Ветка изготовлялась из пяти досок: одна шла на изготовление днища, а четыре — бортов. Размеры досок выдерживались такие: для дна — длина 4,3 м, ширина 0,25 м, толщина 2,5 см. Нижние бортовые («набой») имели длину 4,5 м, ширину 18—20 см и толщину около 1 см; верхние бортовые доски («наводка») — такой же длины и толщины.

Доске, предназначенной для днища лодки, придавалась заостренная форма. К ней пришивались борта лодки. Но предварительно набой и наводка сшивались между собой тонким канатиком, скрученным из конского волоса (но не из оленьих жил, как ошибочно указывает А. Л. Биркенгоф).

После того как набой и наводка были сшиты между собой и пришиты к днищу, ветка при помощи распорок («пангилов») получала соответствующую форму. После этого лодка по швам шпаклюется («серится») листовенной серой.

Серу добывали следующим способом. Весной выезжали в лес, где собирали натеки листовенной смолы, обрубая их вместе с кусками коры. Набрав достаточное количество коры, ее клали в котел, закрывали плотно решеткой, заливали водой и разжигали костер. Когда вода в котле закипала, сера в виде красной пены всплывала над решеткой. Время от времени пену снимали деревянной ложкой, охлаждали и сминали в комок. Получившийся комок серы вновь опускали в кипящую воду. Сера становилась тягучей массой, в нее добавляли оленью или заячью шерсть. Сера, постепенно смешиваясь с шерстью, густела, тогда ее с помощью деревянных вилок вытаскивали, клали на стол, предварительно облитый холодной водой, и раскатывали в лист толщиной 0,5 см. Когда серный лист затвердевал, его разрезали ножом на отдельные ленты («путья»).

Прут прикладывали к шву ветки, размягчали его при помощи тлеющей головешки и большим пальцем правой руки, смоченным слюной, плотно прижимали к швам. Всего при постройке ветки необходимо было 2,5—3 килограмма серы, а для того, чтобы получить такое количество, нужно было собрать и выварить 20—22 килограмма коры.

Управляли веткой, сидя в ней и вытянув ноги, поясницей упираясь в задний пангил и доставая носком левой ноги до переднего. Правая нога согнута. Гребли двухлопастным веслом, уперев его в колено правой ноги.

При летних перекочевках русскоустыинцы практиковали иногда буксировку карбаса упряжкой собак, ни парусом, ни другими типами лодок здесь не пользовались.

Жилые и хозяйственные постройки

Жили индигирчики в небольших селениях-заимках, которых к началу XX века насчитывалось около 30. Многие поселения исчезали, затем появлялись вновь, некоторые существуют и в наши дни.

Причины этих исчезновений и появлений вполне объяснимы. Так как все поселения находились по берегам Индигирки, а река часто меняет свое русло и размывает берега, то с течением времени одни заимки оказывались в стороне от основного русла, другие — смытыми водой. Но названия мест остались: Хубулино, Орехино, Лишино, Марково и т. д.

Русский человек на Севере, не связанный с земледелием, довольно легко менял место жительства, стараясь построить жилище поближе к местам, богатым рыбой и зверем. Известно, что в Лобазном жили Чичачевы, в Федоровском — Шкулевы, в Осколково — Рожини, в Киселевы, в Косухино — Голыженские, Плавневские, в Косово — Портнягины, Черемкины, в Шанском — Струковы... Некоторых людей называли по месту их проживания. Так появились лица с двойными фамилиями: Косовский Петруша (Портнягин), Лундинский Тихон (Новгородов), Кузьмичевский Егор (Чикачев), Горлышкин Семен (Чикачев) и т. п. И это создавало даже некоторое удобство, так как было много однофамильцев.

Каждая семья жила в отдельной избе. Бедняки же, особенно зимой, часто жили по две семьи в избе, называемая друг друга якутским словом «дюокак».

Административным и торговым центром мещанского общества было селение Русское Устье, где находились мещанская управа, церковь, школа, рыбная, мучная и соляная стойки.

«Р.-Устье состоит из девяти жилых домов и довольно большого числа небольших амбаров. Все дома рубленые с плоскими крышами. Кроме того, в поселке есть несколько домов, построенных по якутскому типу, но они заброшены и пустуют. Одним из лучших домов является дом мещанской управы, где останавливались экспедиции. Он состоит из двух комнат с камельком» [Скворцов, 1910, с. 166].

Большинство индигирчиков жили в рубленых домах русского типа с плоской крышей. Зажиточные имели пятистенные дома — «горницу с прихожей», вдоль стен широкие лавки. Оконные рамы держались на задвижках из мамонтовой кости. В рамы вместо стекла вставлялась слюда, на зиму рамы снимались, и вместо них вставлялись льдины. Льдины изнутри покрывались толстым слоем инея, поэтому ежедневно по утрам иней счищали ножом («окошки чистили»), а снаружи обметали веником («пахали окошки»).

Каждая заимка состояла из двух—семи дворов. Зачастую заимки были двух типов: зимние («зимны») и летние («летны»).

«Летны» располагались на островах или около песчаных кос, где происходил неводной лов рыбы, а также по мелким протокам Индигирки.

Зимние поселения находились недалеко от района охотничьего промысла, обычно на противоположном от летних — высоком — берегу реки. И «зимны», и «летны» зачастую носили одинаковое (всегда русское) название и принадлежали одним и тем же хозяйствам.

Любое жилое помещение русских индигирчиков (изба, балаган, ураса) устанавливалось всегда с запада на восток. Входные двери всегда находились с западной стороны, передняя стена на восточной, на которой располагалась полка с иконами. Передняя (восточная) и правая (южная) стены имели по два окна и считались лучшей, мужской, половиной дома, левая (северная) сторона имела одно окно.

Камелек («чувал») располагался налево от входа, в северо-западном углу. (У якутов же наоборот — вход в дом всегда с восточной стороны, а камелек — справа от входа, в северо-восточном углу [Ионова, 1952, с. 265].)

Основание для чувала делалось из шестиугольного набитого глиной ящика без дна. На это основание слегка наклонно устанавливалась деревянная труба из длинных и тонких жердей, заключенных сверху над крышей и внизу над телом каминна в деревянную раму. Изнутри камелек обмазывался толстым слоем глины, перемешанной с оленьей шерстью. Во время топки глина обжигалась и постепенно становилась огнеупорной. Два-три раза в месяц камелек подновляли, покрывая тонким слоем глины. По состоянию камелька судили об опрятности и деловитости хозяйки дома и ее взрослых дочерей. Топили камелек четыре раза в день, дрова в нем укладывали стоймя, после каждой топки трубу закрывали специальной затычкой («трубочицей»), сшитой из оленьих шкур. Нередко люди угорали. Камин был хорошим вентилятором, но давал тепло только во время топки.

Жителям Русского Устья в условиях безлесья приходилось строго экономить топливо. «В Русском Устье уже не раз случалось добывать леса настолько мало, что нельзя было думать о том, чтобы топить помещения. В таких случаях в камине разводят огонь утром и вечером, при том столько времени, сколько необходимо, чтобы сварить пищу, а затем гасят и во время суровых холодов обходятся только шубами и одеялами» [Майдель, 1894, с. 298].

Устьем своим камелек был обращен в передний угол — к юго-востоку. Перед камельком на веревках подвешивалась небольшая деревянная решетка, на которую клали обувь для просушки, лучины, мясо и рыбу для оттаивания. Около чувала в стене имелось отверстие для проветривания помещения — «буйница». Левая сторона рядом с чувалом называлась «застойкой», там размещались кухонный столик, шкаф для посуды. Рядом со шкафом к стене прикреплялась планка с наибольшим зазором, куда стоймя втыкались ложки и вилки.

В домах русского типа вдоль стен стояли лавки или кровати, а в юртах-балаганах строились ороны

«куруны»). Ороны были земляные, обвязанные с внешней стороны плахами — «переводинами». На правой и передней стороне избы было по две лавки, а на левой — одна. Каждый орон отделялся от соседнего невысокой перегородкой.

Кровать хозяев дома всегда находилась на правой стороне в юго-восточном углу. Семейные и женские кровати завешивались занавесками. В верхнюю часть занавески вставлялась топкая круглая рейка — «занавесный корбосок», к концам которой подвязывались шпурки (посредством их и подвешивалась занавеска).

Помещение освещалось «лейкой» — плоской, куда наливали рыбий жир и опускали фитиль, скрученный из тряпок. Лейка устанавливалась на деревянной лопаточке, которая посредством черенка вставлялась в столбик на передней стене. Над лейкой подвешивался небольшой матерчатый абажур, который предохранял потолок от копоти.

Избы у русскоустыинцев были довольно просторны. Сначала шли рубленые сени, как правило, с двумя дверями — с южной и северной стороны. Это делалось на случай нередких заносов. К северной стороне сеней пристраивалось зимнее помещение для собак — «вывод», где в период сильных холодов и пург животных укрывали и кормили. В сенях неподвижно крепились полки («патри») для хранения хозяйственного инвентаря и продуктов, между бревен втыкались деревянные крючья для развешивания одежды. Двери в сенях и амбарах обязательно открывались вовнутрь. В случае заноса снегом их всегда можно открыть и выбраться наружу.

Сенные двери закрывались на деревянный засов, который легко можно было открыть снаружи. Это делалось для того, чтобы любой человек мог свободно зайти в помещение, не тревожа хозяев.

Снаружи по углам сеней устанавливались четыре жерди с перекладинами, на которых развешивали сети, одежду и шкуры для просушки. Одна из этих жердей была длинной, на верхнем конце ее прикреплялся деревянный флюгер («сорочка»). Сорочка представляла собой деревянную раму с вставленной в нее доской со сквозным вырезанным изображением креста или утки. Рама свободно вращалась на шесте.

По сведениям авторов, зимние помещения содержались в чистоте. Полы в избе мыли горячей водой с мылом, иногда скоблили. Не реже двух раз в год мыли стены и потолки.

Летом жили в «русских урасах». Русская ураса, как называли русскоустыинцы свое жилище, представляет якутскую «дулгу», то есть сооружение четырехгранной пирамидальной формы. Основные четыре жердины («козла»), к которым прислонены на переключниках стены, далеко выступают над всей постройкой. Сверху устраивается потолок в виде настила из плах, покрытых дерном. В середине потолка устраивалось отверстие — труба. Внизу на полу напротив трубы устанавливался деревянный ящик, набитый и обмазанный глиной, — шесток.

В стенах прорубали окна, вместо стекол использовали налимью кожу, которую натягивали на раму. В урасе вдоль стен устраивались орны. Двери в урасе делали на деревянных петлях — «пятах». Ручками для открывания служили кожаные ремешки с узлом на конце. Открывались двери наружу и благодаря своему наклонному положению сами захлопывались.

В урасе под потолком вдоль трубы были укреплены две параллельные жерди («градки»), на них попеременно клали другие жердочки с юколой, предназначенной для копчения. На градках же закреплялся деревянный крюк, за который подвешивали котел или чайник. Пол в урасе был земляной.

Зачастую вместо урасы строили маленькие избушки типа якутского балагана, называемые «юртушками».

Применение русскими таких жилищ, как балаган и ураса, в условиях Заполярья объясняется отсутствием леса. Примерно такие же типы жилищ были обнаружены М. И. Беловым при раскопках заполярного города Мангазеи.

Каждый хозяин имел и определенные хозяйственные постройки.

Амбаров обычно было не менее двух. Один амбар строился обычно на стойках («городках»), высотой 30—40 см, он предназначался для хранения одежды и различной домашней утвари. Другой был надстройкой над погребом и служил для хранения продуктов.

Некоторые состоятельные хозяева на зимней заимке имели «баньку» — небольшой амбар с деревянным полом. Посередине бани устраивался шесток, на который укладывались камни. Над очагом в потолке имелось отверстие — труба. Таких бань, по сведению старожилов, в конце XIX века насчитывалось около десяти.

Для хранения собачьего корма сооружали «коспох» (название, видимо, произошло от якутского слова «хоспох»), который представлял собой подсобное помещение типа шалаша, обложенного дерном.

Для хранения рыболовных принадлежностей и различного хозяйственного инвентаря служил «рубодел» — небольшой, в два дерева, сруб с полом, установленный на двух козлинах.

Обязательной хозяйственной постройкой на летних заимках был «сарай» — сооружение, представляющее собой две параллельные козлы длиной примерно по 4 м и высотой около 2 м, над которыми сооружался небольшой, покрытый дерном навес. Расстояние козлы друг от друга 2,5—3 метра. На них укладывались тонкие гладкие жерди («корбосья») для вяления юколы. Во время дождя корбосья вместе с юколой заносили под навес. Зимой сарай служил для хранения собачьего корма и различного инвентаря.

Каждый хозяин на основном рыболовном участке имел один-два погреба и, кроме того, погреба на сезонных угодьях: на лайдах, на главных озерах и т. п. Погреба были невелики по размеру: глубина 2,5—3 м, площадь 6—8 кв. м. Температура в них в летнее время не превышала минус 2—3 градуса. Спускались в погреб по бревну с зарубками-ступенями.

Расположение строений на летней заимке было примерно таковым. Основное жилище находилось недалеко от воды (50—60 м), что было удобно для промысла. Полоса берега шириной 10—15 м оставалась незастроенной — здесь стояли лодки и располагались вешала для просушки невода. С южной стороны от урасы стоял сарай — вешала для юколы, с северной — амбары и погреба. Дальше располагалась длинная деревянная козлина, к которой привязывали собак. Рядом с ней стояло собачье крыто.

По всем маршрутам расположения пастей на расстоянии 15—20 километров друг от друга имелись

промысловые избушки для остановок и отдыха — ночлеги, поварни. Там всегда можно было найти небольшой запас дров и продуктов. Все неуклонно соблюдали неписанный закон, согласно которому считалось тяжким грехом трогать, тем более брать чужие вещи. Каждый должен был заботиться о другом охотнике, который придет после него. Эти избушки представляют собой или маленькие якутские балаганы, или русские урасы.

Хозяйственные постройки и летние жилища индигирщиков имели большое сходство с постройками якутов. Но следует подчеркнуть, что индигирские якуты жили исключительно в балаганах и в урасах конического типа — «голомо». Основным же зимним жилищем старожилов была рубленая изба русского типа.

Из культовых сооружений до наших дней сохранилась маленькая деревянная часовня в местечке Станчик, построенная в конце XVIII века. На первый взгляд она примитивна и малопримечательна, однако известный московский ученый, доктор архитектуры А. В. Ополовников посвятил ей следующие строки: «В ее незатейливых формах и простых пропорциях столько искренней задушевности и доброты чистого человеческого сердца! Неброско, ненавязчиво заставляет она нас вспомнить об извечном стремлении человека к прекрасному...

В естественной простоте форм и заключается секрет чарующего обаяния часовни. Ее спокойно-задумчивый вид, лишенный каких-либо внешних эффектов, напоминает мудрого, доброго странника, остановившегося после нелегких дорог в безлюдной тишине огромного пространства» [Ополовников, Ополовникова, 1983, с. 94].

В Русском Устье есть старое здание, перевезенное из местечка Полоусное и в 1931 году перестроенное из церкви в школу. Этому зданию не менее 120 лет, так как церковь построена была в Полоусном не позже 1866 года [ЦГА ЯАССР, ф. 144, оп. 1].

Эти постройки свидетельствуют о довольно высоком уровне плотницкого мастерства строителей.

Пища

Основными продуктами питания русскоустыинцев были рыба, мясо оленей и гусей. Главное место занимали рыбные блюда. Из-за пехватки и дороговизны очень мало было хлеба, крупы. Мучные продукты употребляли в основном зимой. Овощей вообще не знали, как и молочных продуктов: коров не держала ни одна семья. В малом количестве употребляли соль. Вся пища подразделялась на три основных вида: 1) «еда», или «своя едешка», — рыба; 2) «молочное» — мясо; 3) «състное», или «провант», — мука, хлеб, сухари и т. п.

Часто в рационе присутствовала рыба с душиком, или так называемая кислая рыба. Об использовании старожилами кислой рыбы в научной литературе высказывались противоречивые суждения. Но наиболее убедительной представляется точка зрения Д. К. Зеленина, который указал, что кислая рыба издавна входила наравне с другими квашеными продуктами в рацион питания русского населения Севера, и, учитывая, что закисание — брожение — предполагает деятельность бактерий, ее употребление было не только безопасно для людей и животных, но и полезно [Камеяцкая, 1986, с. 341]. И это, видимо, действительно так. Ведь в традиционной кухне всех народов Севера всегда можно найти продукты, употребляемые в квашеном виде. Помню, дед мой, Н. Г. Чихачев (Гавриленок), говаривал: «Мы, Чихачевы, известные жирюеды и кислороды». Летом иногда он обращался к бабушке: «Дука, чего-то кисленького захотелось. Сквась-ка омулька, жарину доспей». Бабушка брала свежего омуля, заворачивала его в зеленую травку и клала в теплое место. На другой день рыба была с душиком, из нее бабушка делала жаркое.

Способы приготовления мясной и рыбной пищи были аналогичны тем, которые использовали коренные жители этого края: якуты и юкагиры. Однако меню у русских старожилов отличалось довольно широким разнообразием, особенно по части рыбных блюд (не менее 30 названий). Из рыбы готовились исконно русские блюда, такие как пироги, копченая рыба, фаршированная рыба, «тельное» и т. п., чего нет в якутской и юкагирской кухне.

Щерба — уха из рыбы. Подавалась, как правило, на ужин. Причем сначала ели рыбу, а потом «хлебали щербу». После ужина обязательно пили чай. Остаток вареной рыбы оставляли на утро и подавали как холодное блюдо. На уху шли чир, нельма, муксун. Омуты варили только за неимением другой рыбы.

Щерба была в жизни индигирчиков такой же универсальной пищей, как молоко в крестьянском хозяйстве Центральной России.

Роженцу, чтобы молоко появилось, необходимо поить щербой. Отощавшему человеку что дают в первую очередь? — Щербушку. Обмороженное или обожженное место на теле чем смазывают? — Жирной щербой. От простуды первое дело — горячая щерба. Горло заболело — попей горячей щербушки, обмякнет. Отняли ребенка от груди матери. Чем заменить материнское молоко? — Щербой. Обувь пересохла. Надо размягчить — смазывают щербой. Надо кольца (кибася) для грузил гнуть. Сначала их распаривают в горячей щербе. Некоторые кузнецы даже ножи закаливали в щербе: говорили, что получается гибкое и прочное изделие. Какое самое простое, горячее и сытное блюдо в дороге, которое можно приготовить на скорую руку? — Щерба. Вскипятил воды в котелке, бросил несколько стружек строганины — вот тебе и щербушка! Похлебал — и в дорогу!

Строганина — мороженая рыба, настроганная тонкими стружками. Подавалась в обед и в полдник. Строганину ели каждый день и по нескольку раз, и на охоте и на рыбалке. На строганину шла только «живая» рыба, то есть не умершая в сети. Строганину делали из всех пород рыбы, кроме частиковых.

Весной ели погребную строганину или рыбу с душиком, ибо свежая рыба под воздействием весенних ветров становилась невкусной.

Юкола — вяленая и копченая рыба, приготовленная особым образом. На юколу шла только свежеморозная рыба. Ее очищали от чешуи. Вдоль спины делали два глубоких надреза, затем, ведя нож вдоль скелета, отделяли последний от мякоти. Скелет вместе с головой и внутренностями удаляли. В результате получались два одинаковых пласта без костей, соединенных между собой хвостовым плавником. После этого на мякоти делали частые, глубокие наклонные

надрезы до кожи и коптили. Непрокопченная юкола называлась «ветросушкой», а копченая — «дымляной». Счет заготовленной на зиму юколы вели «беремами». Беремо — 50 юкол большой рыбы или 100 юкол из ряпушки. Юколу подавали к завтраку, обеду и полднику. Ели ее небольшими кусочками с солью, макая в рыбий жир. Русскоустыинские женщины славились искусством изготовления юколы. Как по почерку можно определить автора письма, так и по виду юколы — ее изготовителя. Каждая хозяйка имела свой «почерк». Юколу беремами, то есть связками, вывозили в конце XIX века на Апюйскую ярмарку.

Барча. Приготавливалась из юколы. Юколу толкли в ступе, в результате получалась волокнистая сухая каша. Затем ее заливали жиром. На зиму барчу заготавливали в бочонках, кадешках.

Варка — это толченая и вареная в жире рыба. Ее тоже заготавливали на зиму. Барча и варка — это высококалорийные продукты, своеобразный рыбный пеммикан (пеммикан — высококалорийный продукт из мя-

Хороша юкола, приготовленная Приной Иннокентьевной Портягиной. (Фото Б. В. Дмитриева.)

са и жиров, специально изготавливаемый для полярных экспедиций). Достаточно съесть две-три ложки этого продукта, чтобы быть сытым на полдня.

Тельно — рыбу отделяли от костей и толкли в ступе, пока не получалась густая тягучая масса, добавляли туда немного муки и соли и жарили в виде больших лепешек. Зачастую тельно делали с начинкой. Начинку готовили из пережаренных и перемешанных кусочков кожи, рыбьих желудков и икры.

Кавардак рыбный — пережаренные кусочки кожи, икры, желудков и брюшных частей рыбы. В кавардак иногда добавляли «макаршу» — змеиный корень.

Чир фаршированный — у очищенной рыбы надрезают кожу у головных плавников. Затем под кожу вводят палец и отделяют ее от мякоти и сдирают чулком. Из мякоти готовят котлетную массу, добавляя лук и соль. Затем кожу чира заполняют фаршем, стараясь придать форму рыбы и поджаривают на сковороде.

Рыбьи кишки — рыбьи желудки — варят, очищают, охлаждают и заливают жиром.

Нелемная кишка — желудок от нельмы — выворачивают наизнанку, кладут в него кусочки жира, натягивают на веретело и стоймя поджаривают на костре.

Жареные пичанки — печень чира или омуля поджаривают на сковороде или на костре.

Рыбья колбаса — рыбий пузырь начиняют кровью, жиром, кусочками желудка, печенью, икрой. Затем варят и нарезают кружочками.

Жарина — рыба, поджаренная на сковороде.

Налимная макса — печень налима: макса жареная, макса вареная, макса мороженая. Максу слегка поджаривают, затем сильно замораживают и едят в мороженом виде.

Налимный хвост — хвостовую часть налима запекают в горячей золе.

Сырая рыба — рыбу очищают от чешуи, отделяют мякоть вместе с кожей. Лишнюю мякоть с кожи удаляют (толщина мякоти на коже должна быть не более 0,5 см), очень острым ножом нарезают маленькими кусочками и посыпают солью. Считается, чем мельче нарезана рыба, тем она вкуснее. На сырую рыбу идет только свежемороженый чир или муксун. Особенно хорошо это блюдо из небольшого осетра. В этих

случаях его делают не из верхнего пласта, а из всей массы рыбьего тела. Зимой сырую рыбу не едят, так как в изобилии строганина.

Вешаные сельдьятки. В конце сентября небольшие партни ряпушки подвешивают на вешалах и слегка подвяливают в несоленом виде. Зимой эту ряпушку пекут стоймя у печки или камелька.

Нелемная шагла — очищенные промытые жабры нельмы едят в сыром виде с солью.

Соленые пунки — у свежей рыбы вырезают брюшную часть и засаливают.

Копченая сельдьятка — соленую ряпушку подвяливают и коптят.

Икраные блины (олады) — мороженую икру толкут в ступе или мнут руками при помощи волосной сетки, затем пекут из нее блины и олады.

Пержепники — пирожки с рыбой.

Летом наряду с рыбными продуктами в рационе питания большое место занимало мясо оленей и птиц, зимой же мясная пища употреблялась мало.

Вот некоторые мясные блюда.

Селянка — нарезанное кусочками оленье мясо, и залитое водой и тушеное.

Мясной кавардак — мясо гусей, уток и гагар, нарезанное кусочками и жаренное на собственном сале.

Костный жир из берцовых костей оленя и сухожилия считались особенно вкусными и употреблялись в сыром виде.

Гусиные мучильки — очищенные гусиные желудки, особенно чуть протухшие, ели в сыром виде.

Среди напитков — чай и пережар.

Пережар — это оригинальный дорожный напиток, по всей вероятности, и изобретенный русскими северянами. Готовился из пережаренной в рыбьем жире муки. Пережар клали в стакан и заливали крепким чаем, получалось подобие кофе.

Чай для северян был универсальным напитком. Они были необыкновенно пристрастны к нему. Каждый старался прежде всего запастись чаем. Это в какой-то мере объяснимо. Как известно, заваренный чай содержит эфирное масло, придающее напитку своеобразный аромат, дубильные вещества, способствующие накоплению в организме витамина «С», кофени, который возбуждающе и тонизирующе действует на орга-

низм, что крайне необходимо в суровых климатических условиях. «Если позволят средства, здешний русский будет пить чай пять, шесть раз в день, и каждый раз с равным наслаждением» [Бульчев, 1856, с. 212]. В чай иногда клали лавровый лист и гвоздику.

«Режим» питания был примерно таким.

Завтрак: чай с юколой или с холодной вареной рыбой, оладьи.

Обед: чай, жареная рыба, жареное мясо, оладьи, тельно.

Вечерний чай (в 17 часов): строганина, чай, юкола.

Ужин (в 22 часа): уха, чай.

По большим праздникам утром пили чай из самовара. Подавался хлеб или оладьи. Обед состоял из трех блюд: на первое подавали рыбный пирог, на второе — вареную рыбу или вареное мясо, на третье — уху или мясной бульон. В завершение выпивали по стакану чая.

Из дикорастущих ягод и растений впрок заготавливали морошку и голубику, а также змеиный корень, который ели с икрой. Грибы не собирали и не ели совсем. Кроме повседневного употребления в пищу, рыбу заготавливали на зиму: хранили в мороженом виде на сараях, потрошили и складывали в погреба и в ямы. На зиму заготавливали также рыбий жир. Летом рыбы внутренности, мелкую рыбу клали в котел и, залив водой, варили длительное время. Ложкой снимали сверху жир и сливали в котелок. Остывший жир — в бочонки. Зимой на рыбьем жире жарили рыбу и оладьи, а также использовали его для освещения.

Несмотря на однообразную пищу, русскоустыинцы, по наблюдениям ученых и путешественников, производили впечатление крепких и здоровых людей, не болели цингой.

«Сии русские, подобно соседям их якутам, не употребляют хлеба, который им, к счастью, не по вкусу. Они едят рыбу, гусей, уток и всякое мясо. Охотно едят протухшее мясо и предпочитают его свежему. При сей пище они бодры и здоровы. Даже венерическая болезнь, к несчастью, здесь также повсеместная, не имеет тех ужасных последствий, которые известны в теплых странах, хотя жители лишены здесь всех врачебных пособий» [Геденштром, 1830, с. 102].

Ветеран труда Е. С. Чикачев.

Курили большинство мужчин и женщин. Курили в основном листовую табак. Его резали, затем перетирали деревянным пестиком в долбленых чашках — ступах. Нюхательный табак хранили в небольших деревянных табакерках, а курительный — в кيسетах. Трубки («ганзы») делали из «креня» — корня березы и из мамонтовой кости. Края чубука трубки оправлялись медью или свинцом. У женских трубок к нижней части головки на небольшой цепочке прикреплялась заостренная металлическая пластинка, при помощи которой прочищали трубку.

Иногда в целях экономии табака пользовались разборной трубкой. Она представляла собой конус, состоя-

щий из двух равных половиц. Внутри конус был пустотелый, к нему прикреплялась головка трубки, и головка и обе половинки конуса скреплялись между собой путем замшевой обмотки. Поэтому иногда такую трубку называли «ганзой-завертушкой». В случае отсутствия табака обмотку разматывали, трубку разбирали и выскабливали из нее образовавшийся нагар. Этот нагар сменяли с остатками табака и древесной коры — получалось «новое» курево.

Водку пили очень редко и мало, поскольку доставка ее была затруднена. Употребляли ее только мужчины, женщины могли лишь пригубить при угощении. Никаких других алкогольных напитков не знали и не умели изготавливать.

Одежда

Изучение типов одежды дает возможность ярче показать те коренные изменения, которые произошли в быту, укладе жизни, во всей материальной культуре северного люда. Однако изучение одежды имеет не только исторический интерес, но и практическое значение для современных художников-модельеров, особенно для тех, кто решает проблему создания теплой, удобной и красивой одежды для жителей Крайнего Севера.

Основными видами материала, из которого шили свою одежду индигирские старожилы, были оленьи и песцовые шкуры, а также ткани — сукно, холст, ситец, покупаемые в Усть-Ямске и Нижнеколымске. Для отделки использовались волчья, лисья и бобровые шкурки. Обувь иногда изготовлялась из нерничьих и коровьих кож. Нитки для шитья одежды и обуви из шкур изготовлялись из оленьих сухожилий.

Обработка шкуры и шитье одежды было чисто женским занятием. Спящую шкуру, прикрепив к стене амбара мехом внутрь, сушили в течение трех-четырех дней. Обработка ее начиналась с выскабливания скребком верхнего слоя мездры. Скребок («скребалка») представлял собой деревянную палку длиной 60—70 см с вделанной в нее посередине острой металли-

ческой пластинкой. Затем мездру шкурки смазывали «мазанкой» — кашей, приготовленной из смеси вареной печени с ржаной мукой. Шкуру складывали мездрой внутрь и оставляли лежать двое-трое суток. Потом печень соскабливали, снова смазывали мазанкой. Операция повторялась несколько раз до тех пор, пока шкура не становилась мягкой.

После того как она была выделана, мездру для большей прочности красили краской, приготовленной из ольховой коры: кору клали в ведро, заливали кипятком и оставляли примерно на сутки, получался раствор желтоватого цвета. Высохшую после покраски шкуру разминали деревянным серпообразным скребком — «кидираном». Иногда шкуру красили обожженной глиной — «пичиной».

Изготовление замши производилось следующим образом. Шкуру в течение нескольких дней держали в воде, затем тупым ножом, чтобы не повредить мездру, легко удаляли шерсть. После этого замшу сушили, мазали мазанкой и разминали, потом растягивали, затем контили. В результате получалась замша темно-желтого цвета — «ровдуга», которая шла на изготовление летних штанов, перчаток, сапожек, рукавиц.

Одежда женщин. В будничные дни женщины носили обычное платье — кают — такой длины, чтобы прикрывались икры ног, с длинными рукавами и закрытым воротником. Платье застегивалось спереди. Поверх платья надевали сарафан — «передник», который застегивался на спине и имел два накладных кармана и надплечные крылья — буфы. Носили также длинную, до пят, широкую сборчатую юбку. На нее выпускалась кофта, с длинными рукавами и стоячим воротником. Полотняные или ровдужные штаны заправлялись в меховые, сафьяновые или замшевые сапожки, причем юбка или платье должны были быть такой длины, чтобы из-под них не было видно штанов.

Голову повязывали платком или шалью обычным русским способом, то есть углом на спину и узлом под подбородком. Замужние женщины носили «наколку»: плотно обтягивали голову платком, оставляя лоб и часть волос спереди открытыми, и связывали концы платка над лбом. Пожилые женщины носили чепчики.

Зимой носили полотняный, слегка приталенный жакет, подбитый изнутри песцовым мехом и с меховым воротником; манжеты, карманы и полы обшивались мехом лисицы, росомахи или тарбагана. В дорогу надевали длинную меховую шубу, крытую бархатом, гарусом или сукном. На голову сначала повязывали тонкий платок, поверх него надевали меховую лисью или бобровую шапку — «ермолку» — низкий цилиндр с коническим верхом и матерчатыми наушниками, которые подвязывались под подбородком тесемками — «швесками». Поверх ермолки набрасывали большую шаль — «накидку»; сложив на груди крест на крест, ее связывали узлом на спине или застегивали спереди булавкой. Иногда в дорогу женщины надевали «парку» — глухую одежду из оленьих шкур мехом наружу длиной ниже колен, немного расширяющуюся к подолу. Парку опушали песцовым или лисьим мехом, украшали по подолу узкими полосками сукна. Этот вид одежды, по-видимому, заимствован русскими у соседей: юкагиров или чукчей.

Обувь женская. Торбоса — меховые сапоги, шитые из оленьих камусов. К верхней части голенищ пришивали узкую полоску волчьего или лисьего меха и суконные «верха», обшитые по краям красной или голубой материей. Подошва торбосов изготовлялась из шкуры старого оленя, которая подвешивалась мехом вовнутрь. В торбоса и во всякую другую обувь клали стельки из травы. У щиколоток обувь подвязывалась «оборами» — длинными полосками из нерничьей кожи, с которой предварительно была удалена шерсть. Под зимнюю обувь надевались меховые чулки — «чапки», шитые из подстриженной шкуры молодого оленя.

Окляны — это сапожки с голенищами из ровдуги. Головки таких сапожек, не захватывающие всего подъема ноги, изготовлялись из черного сафьяна или хрома. От подъема к носку на окляны накладывался полуовал цветного шелка или сукна, вышитый мелким бисером, золотой или шелковой нитью. Окляны также подвязывались оборами у щиколоток внизу и сверху под коленом.

Полусарки — сапожки с голенищами из сафьяна, снизу подвязывались оборами. Верхняя часть голенищ обшивалась черным сукном или бархатом, украшалась одной или двумя разноцветными полосками материи.

Обутки — сапожки из прокопченной шкуры молодого оленя, мехом внутрь. Снизу они также подвязывались оборами, а верх голенищ обшивался материей.

Одежда мужчин. Рубаха русского покроя со стоячим воротником, подвязывалась кушаком и напускалась на брюки. Поверх носили песцовый жилет, крытый материей. Меховое полупальто, крытое сукном или вельветом, с маленьким стоячим воротником из меха бобра или росомахи. Головным убором мужчин был малахай — капор из пыжика чукотского покроя. По переднему краю опускался бобром или мехом росомахи и украшался разноцветными кожаными или суконными полосками. Изнутри подбивался песцовым мехом или пыжиком. К нижней части малахая пришивались тесемки — швески, с помощью которых он подвязывался под подбородком. Летом тоже носили малахай, подбитый изнутри мягким сукном или фланелью. Летом наушники малахая не опускались вниз, а, наоборот, поднимались и при помощи тесемок завязывались на темени, это называлось «носить малахай с бирками на подвороте». Зимой при сильных морозах сверх обычного надевали дорожный малахай, шитый обычно из волчьей шкуры.

Дундук — меховая рубашка, шитая из летних оленьих шкур мехом наружу, длиной до колен. Подол дундука обшивался волчьим мехом.

Паровой дундук — две меховые рубашки, надетые одна на другую, внутренняя рубашка носилась мехом внутрь, а наружная — наоборот. К нижнему дундуку пришивался большой отложной воротник из волчьего меха, который выпускался поверх верхнего дундука. Нижний дундук имел два накладных кармана и надевался прямо на рубаху. Поверх дундука для предохранения его от влаги надевали «камлейку» — широкую матерчатую рубаху с капюшоном.

Кухлянка — большая меховая длиной ниже колен рубаха, с капюшоном или без него, шитая из оленьих шкур. Надевалась поверх пальто или дундука вне помещения.

Штаны мужчины носили полотняные, ровдужные и ватные. Зимой в дорогу надевали шаровары — штаны чукотского покроя, шитые из оленьих лап — каму-

Хорош улов!.. (Фото А. Т. Капицы.)

сов, длиной до щиколотки. Шаровары по гашнику стягивались ремешком на вздержке. Нижняя часть штанни украшалась орнаментом. Шаровары носились навывпуск поверх меховых ботинок-плек и по низу стягивались ремешком на вздержке. В осеннее и весеннее время носили также шаровары из нерпичьих шкур. Повседневная обувь мужчин почти такая же, что и у женщин, но окляны мужчины не носили.

В дорогу под шаровары мужчины надевали «плеки» и «шаткары». Плеки — меховые ботинки, сшитые из оленьих лап. Подошва сделана из шкуры зимнего оленя мехом внутрь. Они надевались на меховые чул-

ки — «чажи» и завязывались оборами. Шаткары отличались от плек только тем, что их подошва изготовлялась из оленьих щеток, подшивались мехом наружу и были более прочными.

Будуёнки — сапоги, сшитые из нерпичьей шкуры мехом наружу.

Летом мужчины и женщины во время рыбной ловли носили «бродки» — мягкие сапоги из ровдуги. Головки таких сапожек изготовлялись из нерпы. Бродки подвязывались у щиколотки и под коленом. Подошва — из шкуры молодого оленя, подшивалась подстриженным мехом внутрь. Носили также «сары» — непромокаемые сапоги из лошадиной шкуры. Их покупали у якутов.

На руках носили: летом — перчатки («перчанки»), сшитые из ровдуги и вышитые поверху елочкой, зимой — рукавицы из оленьих лап мехом наружу.

Спальные принадлежности состояли главным образом из пуховых перин и подушек. Одеяла шили из песцовых шкур. Поверх перины всегда стелили оленьи шкуры, простынями почти не пользовались. Дорожные спальные принадлежности мужчин состояли из шкуры зимнего оленя («постель»), небольшой подушки и мехового одеяла, крытого сукном.

Таким образом, можем утверждать, что большое влияние на русское население Индигирки оказали окружающие их малые народы, от них было воспринято в первую очередь то, что имело явное преимущество практичностью и удобством и было приспособлено к условиям полярной природы. Это относится прежде всего к меховой промысловой одежде, все элементы которой (дундук, плеки, шаровары, малахай и т. п.), на наш взгляд, содержат немало черт одежды чукотского типа.

Особенностью промысловой одежды русскоустыинцев является ее глухая покроя. Это распространено у народов Крайнего Северо-Востока (коряков, чукчей, эскимосов и ительменов).

Необходимо отметить, что русские, заимствовав меховую промысловую одежду, дали ей свои, чисто рус-

скле, названия: «шаровары», «дундук», «шаткары», «малахай», «бродки» и т. п.

В то же время русскоустьянцы, несмотря на огромную временную и территориальную оторванность, сохранили и целый ряд черт северно-русского костюма, таких как: форма повязки головного платка, сарафан с передником, шапка-ермолка, мужская рубаша с жилетом, меховой приталенный женский жакет и многое другое.

Самые близкие к индигирским русским соседи — эвены — переняли у них покрой рубахи и платья. Способ повязывания платка и шали у эвенов почти ничем не отличался от русского.

Глава III

Память о «мудреной» Руси

Устное творчество

Во главе Верхоянского мещанского общества стояли староста и два старшины, которые избирались на три года. В администрацию, как правило, выбирались представители зажиточной верхушки. Общество нанимало писаря, обычно из ссыльных.

Три раза в год — на Николу зимнего (декабрь), Афанасьев день (февраль) и Николу весеннего (май) — собирались общине собрания («сборы») членов общества. На них решались вопросы, связанные с промыслами, распределялись повинности, выносились наказания за недостойные поступки.

Например, на зимнем сборе рассматривались такие вопросы: подведение итогов летнего лова рыбы, создание страхового рыбного запаса, ремонт общественных зданий (управы, церкви, школы, изолятора, «караулки»), установка маяков на зиму, распределение голодающих «на кормление» по хозяйствам, разбор жалоб и т. п.

В Русском Устье было три общественных амбара — «стойки»: мучная, соляная и рыбная. Заведовали ими так называемые вахтуры, а охраняли — капралы.

Тяжбы разбирались «своим» судом — старостой или общим собранием. Виновных сажали в «караулку» и приставляли сторожа. На случай инфекционных заболеваний общество имело изолятор — избу, которая находилась в некотором отдалении от селения. В этой же избе, при случаях насильственной смерти, проводили вскрытие трупов. (Однако это совершалось очень редко и с большими задержками. Так, например, вскрытия трупа повесившегося в 1867 году мещанина Ф. Черемкина пришлось ожидать около года [ЦГА ЯАССР, ф. 144, оп. 1, д. 434].)

Сборы — время наибольшего оживления в жизни общества. Только здесь могли встречаться все вместе разбросанные по всей тундре промышленники. Поэтому во время таких съездов решались и другие, самые разнообразные, дела: купля-продажа, обмен, знакомство, сватовство и т. п.

Другим важным моментом в общественной жизни мещан был проезд священника. Обычно он приезжал один-два раза в год и все необходимые религиозные отправления исполнял одновременно — крещение, венчание, отпевание, поминание и т. п. Поэтому были нередки случаи, когда жители имели по два христианских имени. Одно — данное родителями при рождении, второе — попом при крещении. К примеру, моя бабушка — А. П. Стрижова — имела два имени: Евдокия и Александра.

Кроме мещан в низовьях Индигирки проживали русские крестьяне — 40—45 душ, которые принадлежали к устьянскому крестьянскому обществу. Двух своих представителей они один раз в год командировывали на собрание в Устьянск.

В других случаях индигирщики между собой встречались довольно редко, правда, мужчины несколько чаще — во время рыбного промысла и гусевания.

Наезды администрации из Верхоянска были очень редки. Исправник мог посетить этот захолустный уголок в лучшем случае один раз в два года. Почта в Русское Устье с нарочным приходила всего два-три раза за зиму. С мая по октябрь сообщение с внешним миром прекращалось.

Во время рождественских праздников и пасхи население пыталось сосредоточиться в центральном селеении, Первая неделя святок называлась «виноградцы».

В это время ходили группами по домам с песнем «виноградья»:

Да мы золотой гребень возьмем,
Да на вине прошьем,
Винограде красно-зелено!
Мы золотой перстень возьмем
Да на вине прошьем,
Винограде красно-зелено.
Да у нас губки ширбят,
Пирожки исти хотят,
Винограде красно-зелено.
Да ты позволь, позволь, хозяйка,
В твою спальню войти.
Винограде красно-зелено.
Да хозяйка-та в дому —
Да как олады на меду,
Винограде красно-зелено.

Вторая неделя называлась «машкараты». Молодежь наряжалась до неузнаваемости. Девушки одевались в мужскую одежду, мужчины — в женскую. Костюм машкарата состоит в основном из меховой одежды: надевали ее на выворот, лицо закрывали платком, масок не носили: не знали, из чего их делать.

Пришедшим машкаратам хозяева обязаны были организовать музыку: играть на балалайке или петь плясовую. Машкараты пляшут до тех пор, пока не надоест хозяевам, затем молча уходят в другую избу. Основная задача машкаратов — веселить хозяев и не быть узнанными.

Перед пасхой обязательно мыли стены и полы дома, скоблили столы и скамейки. Во время праздника ходили друг к другу в гости и христосовались, то есть троекратно целовались, говоря: «Христос воскрес!», на что другие отвечали: «Воистину воскрес!»

В это же время молодежь собиралась для игр на улице. Гоняли кожаный, набитый оленьей или коровьей шерстью мяч, бегали наперегонки или «куликались» (игра, напоминающая современный хоккей на траве).

Был еще такой обычай. Если на заимке случалось несколько именинников, то старший из них посылал кусок праздничного пирога младшим.

На вечерках плясали «досельный» танец «под язык», ибо музыкальных инструментов почти не было. Группа «припевальщиков» напевали своеобразный мотив: «тру-та ту-та ту-та ту-та... дер-лиль-ли-да, дер-

лиль-ли-да...» — и притопывали ногами. Иногда раздавались возгласы: «Ца-ца! ца-ца! выше! выше!»

Танцевали двое — мужчина и женщина. Сначала выходил мужчина, танцуя и кланяясь, приглашал даму. Дама плавно вертится на месте, затем грациозно плывет по комнате, помахивая платочком.

Кое-кому на первый взгляд такой танец может показаться и непонятым. Это естественно. Вроде бы и музыки-то нет. Но ведь не все, как известно, понимают и классическую музыку. Так и тут. Но если внимательно вслушаться, вдуматься, то постепенно сам невольно заряжаешься этим волшебным ритмом, который незаметно набирает силу и овладевает тобой. А музыка есть! Она внутри твоего существа. Тебя охватывают какие-то непонятные, но приятные переживания и настроения: тут и молодецкая удаль, и тихая грусть, и еще что-то глубокое, необъяснимое, от чего то замирает, то вновь стучит сердце и играет кровь. Танец очень напоминает деревенские пляски жителей русского Европейского Севера. Но, как правильно подметил А. Л. Биркенгоф, здесь, пожалуй, было даже больше изящества и легкости.

Случилось так, что этот танец с легкой руки невежественных культпросветработников 40—50-х годов получил новое странное название «омуканчик», или «омуканово».

Дело в том, что жил в Русском Устье обрусевший юкагир Семен Варакин по прозвищу Омуканчик (умер в 1942 году). Он очень любил плясать и припевать. Поэтому во время пляски некоторые припевальщики в шутку напевали:

Омуканчик припеват,
Как собака пропадат.
Омуканова-та, весела-та,
Собачья-та, зараза-та,
Ту-та, ту-та...

И вот, не разобравшись, «деятели» культуры перекрестили древний русский народный танец в «омуканово». Он даже транслировался по центральному телевидению: группа лиц, одетых в якутские малахаи, нелепо подпрыгивая, размахивая руками и издавая нечленораздельные звуки, шумно двигались по кругу. Беру на себя смелость со всей ответственностью заявить, что эта была грубая пародия.

В последние годы XIX века в моду стала входить кадрили. Любимыми танцами были «подгорная», «рассоха». Припевальщики, прихлопывая в ладони и прищипывая ногами, напевали частушки типа:

Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит,
Только мокра курица.

Или

В колыме на улице
Едет поп на курице,
Попадья за ним пешком,
Подпоясана мешком.

В этот момент выходят в круг два парня, и начинается своеобразное состязание. Они танцуют по очереди, стараясь перецеголять друг друга в сложности колен. Повторять коленца нельзя, всякий раз надо было показать что-то новое, то чечетку, то присядку и т. п. Это называлось «плясать задачами».

Любили сочинять и распевать частушки. Они выполняли роль устной сатирической газеты, высмеивая различные недостатки. Однако для понимания некоторых частушек надо не только в совершенстве владеть местным говором, но и в подробностях знать взаимоотношения персонажей, упоминаемых в частушках, или сущность критикуемого факта, ибо частушки зачастую сочинялись по конкретному случаю и направлены против определенного лица. Слушатели прекрасно понимали, в кого нацелена частушка, и переживали всеми фибрами души.

В 20—40-е годы лучшими сочинителями частушек считались Петр Чикачев (Кокора), Иван Чикачев (Замарай) и Гаврил Шелуховский.

Вот для примера известная частушка Кокоры, сочиненная в конце 20-х годов:

Ушла Ванькина мерёжа,
У баб стала крива рожа,
Как мерёжу-то пашли,
Во кружок бабы пошли.

Эта частушка обличает лесть и угодничество. Ванька Щелканов был известный богачей, кулак. У него унесло водой сеть («мерёжу»), и вот в угоду «спильному миру сего» бабы притворно плачут, жалея его участь. Когда же прощажу нашли, бабы не без влияния

своих мужей-подхалимов «пошли во кружок», то есть пустились в пляс.

Частушки очень оперативно фиксируют многое из жизни индигирщиков и распространяются молниеносно. Случилось, например, Суздалову Ивану перевернуться с возом дров, как на другой же день все Русское Устье распевало частушку:

Неуклюжий, нестатной,
Не сумел нарту держать,
И пришлось Суздаленку
Вверх полозьями лежать.

В последние десятилетия очень были популярны частушки Ваньки-Замарая, который обладал способностью сочинять их экспромтом:

Сенокосная бригада
Косить собирается,
Без единого рубля,
Бедная, скитается.

* * *

Канцелярия сбочилась,
Без подшива потолка,
Постарайся, председатель,
Собери с людей долги.

* * *

Я по Русскому иду,
Все меня качает,
В магазине больша бочка
Депежки кончает.

Если «поэзия» Замарая и Кокоры была больше сатирической, то частушки Шелуховского — лирическими:

По Поляринской заимке
Гусь-губенник пролетел,
Вновь приезженький товарищ
Моей милкой завладел.

* * *

От Стариковой на Полярно
Протянулся волосок,
Долго-долго не слышал я
Моей милой голосок.

* * *

В Русском Устье тучи ходят,
В Чокурдахе гром гремит,
Русскоустыинца полюбишь,
Сразу сердце заболит.

* * *
Индиго-речка,
Твои крутые берега.
Скоро, скоро уезжаю,
Прощай, милая моя.

В наши дни молодежь с помощью магнитофонов и радиоприемников усваивает современные песни. Частушки почти забыты, их, к сожалению, уже не сочиняют.

Большое распространение в прежние времена имела картежная игра. Случались большие проигрыши и затяжные долги.

Изредка играли в шахматы. У моего деда были шахматы, вырезанные из мамонтовой кости, очень похожие на те, которые обнаружены в 1940—1941 годы при раскопках на острове Фаддея, в заливе Симса (восточный берег Таймырского полуострова). Играли в шахматы по правилам шашек. Стороны делились на «мужиков» и «баб». Фигуры «мужиков» были тоньше и изящнее, а «баб» — несколько толще и с большим количеством вырезов.

Вплоть до 1928 года индиго-речки почти все были неграмотны, хотя общество предпринимало попытки открыть школу. 25 сентября 1885 года на пожертвованные средства открылась народная школа, но через три года закрылась из-за «малограмотности учителя». В 1890 году школа вновь открылась. Учителем назначается И. Архангельский — ссыльный, бывший канцелярский служащий из Вологды, который одновременно был писарем и наблюдателем метеорологической станции. Он пытался наладить преподавание, неоднократно обращался к исправнику с просьбой прислать доступные книжки для чтения, учебные пособия, узаконить продолжительность учебного года и т. п. Однако ощутимых сдвигов в просвещении ему добиться не удалось, большинство обучающихся «не усвоили порядочной грамотности». В 1905 году в связи со смертью И. Архангельского школа закрылась окончательно, прекратились и метеорологические наблюдения.

Если случалось русскоустыинцу написать какое-либо прошение, то в конце его, как правило, была приписка: «К сему прошению по личной просьбе мещанина (следовала фамилия) якутский купец (мещанин)

такой-то руку приложил». Зачастую вместо подписи прикладывали палец либо налагали именную печать. Владелец печати бережно хранил ее в маленьком мешочке, в поездках брал с собой, клал в нагрудный карман рубахи и привязывал на веревочку. Основой печати служила круглая деревянная ручка, нижний конец которой был залит свинцом. На него наносились начальные буквы фамилии и инициалы владельца. Изготавливал печати единственный в обществе грамотный человек...

Оторванность от культурных центров, постоянная борьба за существование наложили отпечаток на характер и поведение русскоустыинцев. Их, как отмечают многие авторы, отличали осмотрительность, боязнь новизны, ограниченность представлений о внешнем мире.

На предложение одного из участников экспедиции объяснить принцип определения времени по часам староста упорно возражал: «Где нам, темным людям, понять такую премудрость. И не объясняй лучше, все равно ничего не пойму» [Скворцов, 1910, с. 167].

По свидетельству И. А. Худякова на вопрос индиго-речки, слышал ли он о покушении на царя, тот ответил: «Если царя убьют, какие мы люди будем?! Прольют царскую кровь — земля загорится» [Худяков, 1969, с. 98].

А вот отрывок из разговора В. Зензинова со своим спутником:

— Ты слышал про войну с японцами?

— Слышали.

— А из-за чего война была?

— Сказывают, они больно на нас наседали.

— А кто победил?

— Мы победили, русские.

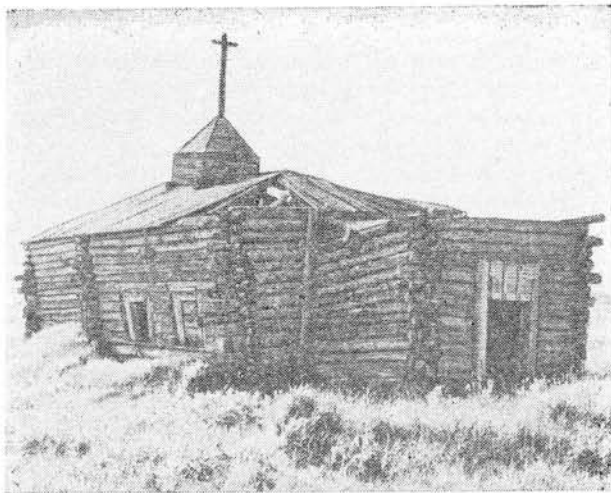
— А слышал, что после войны мы им половину Сахалина отдали?

— Ну вот-вот, из-за этого Сахалина, бают, и война началась.

— Как же ты говоришь, что мы победили, а им свою же землю отдали.

— Ну уж не знаю я этого. Ты знаешь, ты свет видел — а мы что?! [Зензинов, 1913, с. 7—8].

В то же время, несмотря на сильную отсталость политических и социально-экономических отношений,

Самая северная русская церковь в местечке Станчик. Постройка XVIII века. (Фото Б. В. Дмитриева.)

русскоустыинцы были сдержанны в выражении своих верноподданнических чувств, проявляя иногда даже открытое безразличие к царствующей особе. В феврале 1867 года староста получил два предписания окружного исправника о сборе средств по случаю спасения царя Александра II от выстрела Д. В. Каракозова: «Верхолянскому мещанскому старосте. Во исполнение предписания господина управляющего Якутской областью от 11 октября за № 237 окружное управление при сем препровождая книжку предписывает тебе о подписке для сбора приношений на сооружение храма — сада часовни в память чудесного спасения жизни Государя императора. Предлагаю тебе предложить жителям твоего ведомства пожертвовать денег для означенной цели и деньги вместе с книгою прислать ко мне. Верхолянский окружной исправник».

Второе предписание требовало провести сбор пожертвований на покупку в Петербурге дома дворянину Комиссарову-Костромскому, «спасшему от покушения на жизнь Отца Отечества».

Ответ мещанского старосты гласил: «Во исполнение предписания оного управления от 16 февраля 1867 года за № 30, при оном присланную книгу на записку пожертвований я кобы (разрядка моя.— А. Ч.) на

покупку в Петербурге дома дворянину Комиссарову, на предложению моему никто из общественников моих к оной подписке желающим не оказались».

Так своеобразно отреагировали «верноподданные» далекой окраины на апрельские события 1866 года.

Между тем в характере индигирщиков наблюдались доверчивость, дружелюбие и бескорыстная взаимопомощь. Как особенно приятную черту отмечали многие путешественники отсутствие среди них брани и сквернословия. Обычным обращением в речи служили ласкательные имена: золотце, крошечка, нянечка, Мишенька, Дунечка и т. п.

Если путник заходил в дом, даже ночью, хозяева вставали, разжигали очаг и угощали приезжего. А он обязан был за это расплачиваться новостями. Гостям подавались лучшие блюда. Если варили уху, то рыбу голову на отдельной тарелке подавали гостю — проявление уважения. Отказываться от угощения считалось признаком невоспитанности. Такому человеку обычно говорили: «Чего чай не пьешь? Видно, от себя отгораживаешь!»

Особо почитали человека, приехавшего издалека. Заносили его постель и готовили ему ложе в переднем углу, во время «гостевания» он сам и вся его упряжка собак содержались за счет хозяина.

С уезжающим передавали устные приветы («поклоны») своим родственникам и знакомым: «Няне Арине от всех нас большой поклон скажи» или «Дедушке Егору и бабушке Анне поклон скажи» и т. п. Приезжий поклон передавал обязательно, обращаясь персонально к каждому адресату: «Дядя Ваня, тебе Большой Егор поклон заказывает», «Няня Арина, тебе Анна Шкулева поклон заказывает». Адресаты на это отвечали: «Спасибо, дай бог ему (ей) здоровья!»

Была распространена пересылка поклонов в виде разноцветных тряпочек. Желтый цвет означал измену, черный — печаль, белый и красный — радость. Например: две полоски одного цвета, связанные вместе, означают себя и любимого. Если любимый изменял, то его «изображают» в виде длинной новой полоски с двумя узелками, а себя на старой тряпочке с одним узелком. Молодой человек мог послать девушке поклон-признание в любви в виде двух одинаковых тряпочек, связанных вместе, одна из них с двумя узелка-

ми посередине. Если девушка отвергала его, то высылала ответ в виде двух тряпочек с одним узелком на каждой. (Записано со слов А. И. Шкулевой, 70 лет, 1972 г., пос. Чокурдах.)

Издавна русскоустыинцы поддерживали товарищеские отношения с окружающими их соседями — якутами, эвенами и чукчами. Особенно дружескими отношениями были с эвенками — «юкагирами», как они их называли. Если у эвенков случался голод, русские снабжали их рыбой, если бедствовали русские — эвенки делились мясом. Эвенки, отличаясь рыцарским благородством, исключительно уважительно относились к русским соседям. Большой честью считал эвенец занять крестного отца из русских и относился к нему с благоговением.

Русскоустыинцы, как и все сибиряки, сдержанны в проявлении своих чувств, немногословны. Внимание и забота о человеке проявляется у них неброско, незаметно и, самое главное, бескорыстно. Бытовало мнение: не сделать человеку добро — грех, а сделать и укорить — тяжкий, великий грех.

Взаимопомощь и поддержка остались доброй традицией, которая старательно передается из поколения в поколение. Да это и понятно. Ведь в краю пурги и холода первое дело — приютить, обогреть и накормить человека. Особое внимание проявляется к тем, кто приехал надолго, с добрыми намерениями, по делу, кто так же, как и хозяева, доброжелателен и бескорыстен. Таких людей со временем воспринимают всем сердцем, как родных: «Мы его сильно жалеем». Вообще, в Русском Устье слово «любить» редко употребляется. Вместо него существует в обиходе более емкое слово — «жалеть». В это понятие входят и любовь, и внимание, и уважение. А про тех, кто приехал на короткое время, обычно говорят: «Этот по огонь приезжал» или «Приезжал сам себя показать».

Семейные отношения

Среди русских, пришедших на Крайний Север, женщин не было, и мужчины приводили в дом девушек из соседних нерусских племен. Прижитые от местных женщин дети вливались в среду русского населения. Через два-три поколения число жителей смешанного

происхождения значительно возросло, что и позволило заключать браки в основном в своей среде.

В практике заключения браков у русских поселенцев сложились определенные традиции: они старались жениться или выдать своих невест за колымских или устьянских русских старожилков. Брачные связи с якутами и эвенками поддерживались сравнительно редко.

Замуж выходили в 17—18 лет, женились в 18—20. По сведениям информаторов, существовала некоторая свобода нравов, поэтому были нередки случаи рождения детей до замужества. Такие дети назывались «девьями», «прижитками» и «заугольниками». Фамилию и отчество им, как правило, давали по отцу или старшему брату матери.

В народной памяти сохранился случай, происшедший примерно в середине 80-х годов прошлого века. Известная красавица, певунья и плясунья Агафья Шкулева родила третьего «девьяго» ребенка, причем все дети были от разных отцов. Староста принял решение наказать ее розгами. Перед началом экзекуции при явном сочувствии мужской половины общества она задорно пропела несколько частушек, затем пустилась в пляс. Очарованный чудным голосом и лихим танцем молодой женщины присутствовавший при этом помощник исправника отменил наказание.

В устном народном творчестве русских старожилков немало песен, частушек, посвященных любви. Интересно отметить, что почти каждый молодой человек (или девушка) «опевал» любимую, то есть посвящал ей «свою» песню — на свои слова, свою мелодию. Эта песня исполнялась наедине или в кругу близких друзей. Приведем примеры таких песен-куплетов:

Толста Маша-загородка,
Да гулять волю не дала,
Да уруллю, руллю, руллю,
Да уруллю, руллю руллю.

* * *

Я свою-то чернобровку
Да только под божницу не сажу.

* * *

Где я Дашкин след увижу,
В обе стороны деру,
Моей Дашке-то следок —
Словно пестрый шахматок.

• • •
Да любил пташек,
Да любил Машек,
Любил от желанной,
Любил от души.

Влюбленные называли друг друга придуманными ласкательными именами: «ачилинка», «дугудушка», «тумгаречка», «ханечка»... Сочиняли шуточные любовные частушки:

Ачилинка, воротись!
Шаровары твои нашлись.

* * *
У меня была папаха,
Из кольца в кольцо вилась,
А походская девчонка
Три версты за мной гналась.

(Записано со слов А. И. Шкулевой, 70 лет, 1972 г.)

Когда сыну исполнялось 18—20 лет, отец и мать старались присмотреть ему подходящую невесту. Основные требования к избраннице — хорошая внешность, здоровье, добрый нрав, умение вести домашнее хозяйство. Однако при равных условиях последнему достоинству отдавалось предпочтение, которое выражалось поговоркой: «Красоту не лизать». Неумение, неудачливость, лень считались пороком как мужчин, так и женщин.

Насильственная выдача или женитьба встречалась крайне редко. Выйти замуж без согласия родителей («уйти ногами») считалось позором. Такую самовольницу другие женщины во время ссоры упрекали: «Я не ногами, как ты ушла, а с тятиного благословения».

Православная церковь запрещала браки родственников вплоть до седьмого колена и вменяла священнослужителям в обязанность выяснять степень родства будущих супругов. Однако в Русском Устье с разрешения поца допускались браки троюродных братьев и сестер. Но случалось всякое... Так, в 1866 году мещанин Егор Голыженский дал письменное обещание священнику, что он не будет проживать в одной местности с девицей Анной Чихачевой или ездить к ней. На этом обещании наложена резолюция благочинного Льва Шипицына: «Прошу развести сих блудников, ко-

торые состоят родственниками во втором колене» [ЦГА ЯАССР, ф. 144, оп. 1, д. 80].

Как правило, предварительной договоренности о приданом не существовало. В качестве свата посылали наиболее уважаемого человека, иногда кого-либо из родни. Сами родители никогда в роли сватов не выступали. Сваты, явившись в дом невесты, вели сначала с родителями разговоры о посторонних делах, затем переходили непосредственно к сватовству. Главный сват или сваха, уличив момент, заявляли следующее: «Мы пришли к вам не пировать, не столовать, а с добрым делом, со сватовством. У вас есть товар, у нас есть купец — станем родство заводить».

Они давали лестную характеристику и жениху, и невесте. Делали заключение, что это подходящая пара. Если родители не согласны, то отвечали: «Молода еще, надо в девках побывать, отцу-матери помогать». Спрашивали согласия невесты. Если она была согласна, отец говорил: «Волей выбрала молодца — не взыскивай с отца». Завершалось сватовство тем, что свату выдавали платок невесты в качестве залога, что означало: предложение принято. Сваты передавали платок жениху.

Через несколько дней происходило «второе действие» — «рукобитие», тоже не публичное. Отец и мать жениха вместе со сватами приезжали в дом невесты, для окончательного удостоверения и личного «удара по рукам».

Оба отца подавали друг другу руки, а присутствующие приговаривали: «На счастье! Господи, благослови!» Старший сват или кто-нибудь из уважаемых людей (крестный отец) разнимал руки отцов. В этот момент отец жениха вручал невесте и ее отцу какой-либо подарок: шкурку песца или несколько золотых монет.

Затем невеста подходила к отцу. Он снимал с полки самую ценную икону, поднимал ее над головой, целовал дочь и произносил: «Благословляю тебя Казанской (Смоленской) Божьей матерью! Бог с тобой!» (Записано со слов А. И. Шкулевой, 70 лет, 1972 г.)

Спустя три-четыре дня происходило обручение, где жених и невеста официально встречались при людях и менялись кольцами. Венчание приурочивалось к приезду священника. Поэтому часто случалось так, что

супруги, прожившие совместно полгода, шли наконец венчаться в церковь.

Свадьба начиналась с девшника. В доме у невесты ее подруги пели песни. Полагалось исполнить 12 песен. Первая песня:

Не стук стучит, братцы, во тереме,
Не гром гремит во високом,
Благословляется дочь у батюшки,
Благословляется дочь у родной матушки:
— Благословите меня во злат венец,
— Благословите меня с суженым.

После этой песни невесту закрывали от присутствующих, расплетали ей косу и пели:

Тут расплакалась душа красна девица
По своей по русой косе,
По своей девьей красоте:
— Час тапериче русу косу не чесывать,
В золотой куст не переплетывать.

Когда жених с друзьями и тысяцким приезжали за невестой, чтобы везти в церковь, их встречали песней:

На дворе, дворе, Ивановом дворе,
Вырастало кипарис-дерево.
Слетались девять соколов,
Со десятой бел крыльчат сокол,
Съезжались девять боярей,
Со десятой князь молодой.
Выходила его суженая,
Золотым кольцом обрученная.
Она мылась и белилася,
В чисто зеркале смотрелася,
Резным гребешком чесалася.

По обычаю тысяцкий должен выкупить невесту, а брат невесты — продать ее. Жених стоит у порога, брат невесты сидит за столом. Тысяцкий кладет на блюдце копейку и придвигает ее к брату. Тот говорит: «Я не за это поил-кормил» — и отодвигает блюдце. Тысяцкий снова подает на блюдце монету и подвигает к брату. Так повторяется до трех раз. Наконец брат берет невесту и подводит к жениху. В это время поют:

Не вылетаи, утка, из острову,
Не выпорхай, птица, из гнездышка,
Не выходи, наша душечка, из терему.

Невесту везут на собаках в церковь. После венчания едут в дом жениха. У дома молодых встречают с

хлебом-солью мать и отец жениха; присутствующие в это время поют:

Не белы ветры наваяли,
Нежданны гости наехали,
Сокол летит, земля ютит
[Зензинов, 1914а, с. 63].

Свадьбу вел тысяцкий, выбираемый из наиболее уважаемых людей.

Во время свадебного пира девушки-подружки невесты — пели хвалебные песни («опевали») в честь молодых, тысяцкого и присутствующих гостей. Тот, к кому относилось «опевание», должен был бросать на блюдце деньги.

На свадебный стол обязательно подавался запеченный лебедь, а также вареная кость от лебязьего крыла. Обязательным был ритуал ломания лебязьей кости: сначала ее брал тысяцкий и делал вид, что пытается сломать, затем передавал жениху. Жених должен был сломать ее руками без применения каких-либо посторонних предметов, что символизировало его удаль и силу.

В конце свадьбы пели обычные песни и плясали. Признавался законным и повторный брак, однако устанавливался срок траура по умершему супругу — не менее года. О нарушавших этот срок осуждающе говорили: «У мужа (жены) еще ноги не замерзли, а она (он) уже новую судьбу ищет».

Начало беременности узнавали по отсутствию «красок» — менструаций. (Период менструаций называли словом «мылась», «моется»). Женщина в этот период не должна была спать в одной постели с мужем, чтобы не «запоганить» его. Когда менструации заканчивались, она должна была вымыться и всю свою постель протрясти над огнем, а сама несколько раз должна была перешагнуть через костер — «окуриться»). Беременных называли: «непростая», «пездоровая», «в интересном положении», «грузная». При наступлении срока родов — «на тех порах» — заручались «бабушкой» (повитухой). К ней проявлялось особое уважение. Девушки и нерожавшие женщины повитухами быть не могли.

Во время родовых схваток повитуха массажировала живот у роженицы и читала молитвы. В это же время

ставила свечку или затепляли лампадку в честь святой Соломонины — покровительницы женщин.

Роженице расплетали волосы, развязывали все узлы на одежде, расстегивали все пуговицы; развязывали также узлы и на ненадетых юбках, фартуках, отпирались все замки на сундуках, на амбарах и т. п. — чтобы облегчить роды. Если они были продолжительные, муж выходил на улицу и стрелял из ружья.

При задержке последа роженице разминали живот. Послед обычно закапывали в землю недалеко от дома. Отпавший остаток пупочной культи («пупок») мать, завернув в тряпочку, хранила, считала, что это дает хорошую память ребенку. Кормящая мать остатки грудного сцеженного молока не выливала в помойное ведро, а уносила недалеко от дома и выливала на чистую землю.

Новорожденного младенца обмывали теплой водой, заворачивали в пеленки, затягивали веревкой («покромом») и укладывали в колыбель («зыбку»). Зыбка — небольшое продолговатое лукошко с навесом над головой. Ребенка закрывали одеяльцем и зашнуровывали ремнями, привязанными к краям зыбки. Подстилка — обычный ватный маграсик, под которой подстилались крошки гнилого измельченного дерева или сушеный мох.

Переход колыбели от одного ребенка к другому допускался лишь в том случае, если ранее родившийся ребенок был жив, в противном случае для новорожденного делали новую колыбель. В течение первых недель ребенка мыли каждый день, обычно вечером. Разводили огонь в камельке, нагревали воду и обмывали его с мылом. Затем пеленали, схватывали двумя пальцами носик, потягивали несколько раз, приговаривая: «Не будь курнос». При этом издавали полусвистящий звук.

В течение первой недели после рождения ухаживала за ребенком бабушка-повитуха. До 40 дней ребенок находился в пеленках, после чего его одевали и пеленали только на ночь. Зыбку ставили обычно около постели матери. Грудью детей кормили долго — вплоть до четырех лет.

По истечении шести недель после родов женщина должна совершить перед образами 40 поклонов на коленях, «окуриться» и сходить в церковь. После этих

процедур она считается «молитвенной», то есть чистой.

Ребенка крестили на восьмой день. Обходились обычно без священника. Наливали в чистый таз теплую воду, опускали в нее серебряный крест, после чего вода становилась «святой». Крестный отец несколько раз окунал ребенка головой и ногами в воду со словами: «Крестим раба божьего Николая (Петра и т. д.)».

Крестные отец и мать почитались почти наравне с родителями. В случае смерти последних они опекали своих крестников.

В старину обычно детям давали по два имени. При крещении, например, давали имя Петр, а все звали Иваном. Или давали детям клички собак, названия птиц и зверей: мальчиков звали «петушками», «соловьями», «снегирами» и т. п., девочек — «уточками», «пташечками», «мартышками»... Предполагали, что если болезнь, или «порча», будет искать «Ивана», то не найдет, так как фактически его зовут «снегирем». Этот обычай имеет, по всей видимости, древнерусское происхождение. В целях обмана «нечистой силы» на Руси ребенку иногда меняли имя. Отец или дед выносил хворого ребенка из избы и через некоторое время приносил его обратно, называя не старым именем, а «найденном» или «ненашем»: дескать, услышат бесы, что это другой ребенок, и отступятся от него [Федосюк, 1971].

Верили, что умершие могут возвращаться с того света под видом новорожденных — «приходить ояви». «Возвращались» они обычно к родственникам или друзьям. Обнаружить личность «вернувшегося» помогало чье-либо сновидение, прижизненное заявление самого умершего, какие-либо родимые пятна, рубцы на теле младенца, которые якобы были у умершего из жизни, а также другие особенности (например, левшаство и т. п.). Зачастую «вернувшегося» узнавали, когда ребенок начинал говорить, проявлять определенные склонности, подобные тем, которые были у умершего: любовь к лошадям, пристрастие к картам, кузнечному ремеслу и т. п.

Рождению мальчика радовались больше, чем девочки. Отношение к детям было спокойное и ласковое. Интересно вежливая форма обращения к ним. Мальчика звали «тятей», а девочку «мамой». «Тятя, сбегай-ка

на угор, принеси-да весло» или «Мама, подай-да огонек».

Детям не ленились рассказывать сказки, петь колыбельные песни-импровизации, песни-потешки:

Баю, баю, баю-бай,
Мой сыночек, засыпай,
Будешь в золоте ходить,
Чисто серебро носить.
Мой сыночек, засыпай
И скорее подрастай,
Ты скорее подрастай,
Тяте — маме помогай.

* * *

Утрнее встала,
Чайнички сварила,
Чайнички сварила,
Тятю напоила.

* * *

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошко,
Твои дети плачут,
Серу колупают,
Собакам бросают, нам не дают.

* * *

Белогребенный петушок
Полетел на холмышок.
Да ликаточек-ликаток,
Да ликаточек-ликаток.

Старшие дети часто нянчили младших, особенно в небольших семьях, где не было свободных от работы взрослых. Младшие постоянно видели в лице старших поддержку и защиту. Дети за любовь и ласку родителей и старших братьев и сестер платили им полным повиновением, называя отца и мать ласковыми словами: «тятя», «тятюка», «мама», «мамука». Младшие дети не имели права называть старшего брата или сестру по имени: сестру звали няней, брата — батей.

Игрушек у детей было очень мало: пустые спичечные коробки, гильзы, чурочки, шилинки — обломки фарфоровой посуды. Мальчики с четырех-пяти лет начинали стрелять из лука, а девочки — приучаться к

кройке и шитью. Коллективными играми мальчиков были «лапта», «мячик пинать» (подобие футбола), «куликатся» (игра, напоминающая современный хоккей с мячом). В последней играющие разделялись на две партии, каждый вооружался небольшой палкой («куликой»), ворота отмечались колышками; каждая партия стремилась загнать в ворота противника деревянный шарик (иногда он был облит свинцом). Гол именовался словом «сало». Говорили, например: «Мы им два сала забили». А вот еще одна игра: на расстоянии 10—15 метров устанавливали колышки («приметы»), в которые стреляли из лука. Любимой коллективной игрой как детей, так и взрослых была также игра «в жмурки», которая у индигирщиков носила свое название — «чурить».

Обстановка, окружавшая детей, разговоры взрослых об охоте или рыбной ловле — все это вводило ребенка в круг их интересов. Поэтому вполне естественно, что игры имитировали такие процессы, как езда на собаках, добыча песцов, рыбы и т. п. С очень раннего возраста детей приобщали к посильному труду.

Мальчики 10—12 лет считались помощниками отцу: ездили на ветках, помогали на рыбной ловле, кололи дрова, носили воду, ставили петли на куропаток и т. п. Девочки были активными помощницами матери. Они помогали присматривать за младшими, начинали учиться шить и вышивать, готовили пищу, убирали помещение. Возраст ребенка определялся не количеством лет, а той пользой, какую он приносил в хозяйстве. На вопрос: «Велик ли у тебя сын?» — можно было услышать следующее: «Большенкой! Лучком-тамаричком стреляет», «Большой! На лоде сам ездит» или «У меня парень совсем большой. Один по пастям ездит».

Главой семьи был муж. По самому своему положению женщина Севера не могла стоять во главе семьи: будучи привязана к домашнему очагу, она была не способна вести дела, выходящие за пределы дома и маленького хозяйства.

В основном между супругами существовали добрые отношения, муж считал необходимым советоваться с женой. Разводов почти не было. И все же положение женщин было принижено и далеко не равноправным. Она не присутствовала на ежегодных сборах мещанского общества, раздел добычи производился толь-

ко по количеству мужских душ. Муж мог наказывать жену, и никто не имел права за нее заступаться. Женщины были покорны судьбе своей, что нашло отражение в их поговорках и присловьях: «Без вины биты не будут», «Не лезь, баба, в мужское дело» и т. д. В доме правый, или красный, угол («переднее место») принадлежал мужчинам, а левый — женщинам. Питались женщины, как правило, отдельно от мужчин, на левой половине избы — за «бабьим» столом. Женщина не смела громко петь и смеяться при мужчинах. Она должна была говорить мало, не вмешиваться в разговор мужчин. Девушка не должна расплетать косы при мужчинах, а замужняя — являться без платка на голове.

Жена главы семьи — старшая в доме женщина — наблюдала за порядком, занималась обучением домашним работам младших членов, воспитанием внучат. Она была наделена большими полномочиями в отведенном ей кругу обязанностей. Члены семьи должны были поступать согласно ее распоряжениям.

Тяжелым было положение молодой женщины, вошедшей в большую семью. Ей полагалось вставать раньше всех и позже всех ложиться, безропотно выполнять указания свекрови. Положение снохи несколько улучшалось с рождением ребенка: с нее снималась часть домашних работ.

В больших семьях, где были женаты несколько сыновей, часто возникали конфликты между невестками. Поэтому каждая пара старалась отделиться и завести самостоятельное хозяйство. При отделении женатого сына отец выделял ему часть из общесемейного имущества: несколько сетей, собак, ветку и кое-что из утвари. Однако промысловые условия требовали коллективного ведения хозяйства. Так, неводной лов был усилен не менее чем тремя работниками. Нехватка жилья, топлива, транспорта принуждала к совместному проживанию нескольких малых семей. Все это способствовало стойкому сохранению неразделенных семей.

Состоятельные родители, не имевшие сыновей, боясь потерять часть имущества, принимали неимущих вятцев в свою семью, которые зачастую потом находились в положении работников.

Всю домашнюю работу выполняли женщины: готовили пищу, шили одежду, ухаживали за детьми, ко-

лоли дрова, заготавливали воду, варили корм для собак. Неводной лов рыбы тоже входил в обязанности женщины.

Представления о внешнем мире. Способы лечения болезней

Газета «Речь» в 1913 году писала: «Русское Устье совершенно отрезано от внешнего мира. Лежит оно на пределе человеческого жительство вообще, дальше идет ледяная пустыня Ледовитого океана. Если реально представить жизнь русского интеллигента в Русском Устье, то становится страшно» [Речь, 1913, № 330]. Однако в мировоззрении русскоустынцев не было той обреченности, беспрекословной покорности судьбе и подавленности, которую наблюдали исследователи в глухих сибирских деревнях.

«Согласно описанию Сокольников, марковцы производят впечатление жалких, вырождающихся людей. Русскоустынцы такого впечатления не производят. Они кажутся народом крепким, здоровым, устойчивым и веселым. „Дурная болезнь“ (сифилис) им вовсе неизвестна» [Зензинов, 1914 б, с. 160].

Основой для описания обрядов и примет (о чем пойдет речь ниже) послужили личные впечатления и наблюдения, которые автор вынес из своего детства, а также опросы старших — знатоков старинных обычаев. Необходимо иметь в виду: то, что наблюдалось 40—50 лет назад, сейчас осталось в прошлом и в современной жизни практически не встречается.

Жители Русского Устья в основном пользовались теми же методами народной медицины, которые были присущи всем сибирякам. Но у них были и особенности, связанные с условиями тундры, бедностью растительного мира и т. п. Так, не имея возможности предупредить цингу теми способами, которые были у сибирских крестьян (настоящих еловых шишек, шиповника, свежего лука и чеснока), они прибегали к иной профилактике — употреблению в пищу строганины и рыбьего жира.

Многие из методов лечения и предупреждения болезней представляют определенную научную ценность, однако нередко в них переплеталось рациональное с иррациональным, с элементами мистики, к которым

можно, наверное, отвести заговоры, заклинания (что, впрочем, тоже требует изучения). Вот некоторые из народных рецептов русскоустыинцев:

— от желтухи давали пить настойку из сушеной медвежьей желчи;

— при золотухе пили воду с примесью наскобленного золота;

— когда болели глаза, применяли кусочки коксового мыла или молотый сахар;

— при появлении бельма на глазу старались резким криком испугать больного, иногда даже стреляли у его уха; причём кричали через медное колечко, это и называлось — «сгонять бельмо»;

— при ячмене на глазу также старались испугать больного криком, при этом показывали кукиш или брали иголку и подвешивали ее на нитке напротив глаза: верили, что ячмень боится железа;

— при растяжении связок («жила отстает») под сухожилием несколько раз пропускали иглу без нитки;

— при растяжении мышц больное место придавливали кольцом ножниц и на тело клали горячий трут. Он горел две-три минуты, больной корчился, кричал, но его крепко держали. Такой метод лечения назывался «ставить енно»;

— от ломоты в руке обвязывали ее у кисти черным конским волосом;

— при появлении чирья отыскивали какой-либо сук, крестили его безымянным пальцем, приговаривая до трех раз: «Как сук сохнет, так и чирей сохни». А также брали кусочки старой заячьей шкурки, намывали мездру мылом и прикладывали ее на чирей;

— панариций — гнойное воспаление надкостницы пальцев, вызванное инфекцией, проникающей при повреждениях, — у русскоустыинцев носит название «змеёвец». Утверждали, что в пальце зарождается какой-то мохнатый червь, который, если его вовремя не уничтожить, может размножиться. Лечили путем прикладывания к больному месту свежего человеческого кала;

— при колотье в ухе клали в него листовой табак или засовывали тряпочку, смоченную в трубочном соке; при шуме в ушах вставляли в ухо воронку, сделанную из бумаги, и широкий ее конец поджигали;

— при зубной боли в дупло клали листовой табак или трубочный сок («оскрепки»); если зуб шатался, к нему привязывали длинную и крепкую нитку, а другой ее конец — к топору. Топор кидали — зуб выдергивался;

— при ожогах кожи на пораженное место накладывали куски сырой рыбы или мяса, иногда смазывали слизью из носа;

— обмороженные части тела смазывали гусяним салом;

— весной, когда очень ярко светит солнце и снег отражает солнечные лучи, у людей, не пользующихся светозащитными очками, порой развивается острый конъюнктивит; лечили его так: острым ножом делали на переносице неглубокий надрез и выдавливали небольшое количество крови. Или же к глазам прикладывали кусочек полузамерзшего мяса или рыбы;

— при головной боли типа мигрени измеряли голову ленточкой по лобно-затылочной окружности. На ленте делали отметки напротив носа, ушей и с двух сторон от подзатылочной ямки. Затем мерку складывали вдвое, сгибая по отметке «нос». Отметки над ушами и подзатылочной ямкой у здорового человека должны совпадать, а если болит голова — не совпадают: одна половина головы якобы становится больше, так как мозг из одной половины головы «переходит» в другую. Тогда делали массаж головы по лобно-затылочной окружности, потом снова измеряли. Операция повторялась несколько раз, пока отметки на ленте не совпадут. Затем голову крепко стягивали платком. Эта болезнь называлась «переходом мозга», а лечение — «правлением головы»;

Старейшая жительница Русско-го Устья Мария Ивановна Чупачева. 1987 г. (Фото Б. В. Дмитриева.)

— от поноса пили воду с толченым березовым углем или круто заваренный чай;

— при носовых кровотечениях намачивали голову и переносе снегом или водой. Старались больного устроить так, чтобы кровь капала на горящую голешку;

— при запорах «ставили пешку» (заостренный кусочек мыла);

— при переломе костей накладывали лубки и поили больного водой с примесью скобленной меди;

— опрелости у детей присыпали обожженной глиной («печиной»), толчеными гнилушками дерева или пережаренной мукой;

— «сорванный пуп» лечили так: больного клали на спину с согнутыми в коленях ногами. «Правщик», массируя живот против «токающего» (пульсирующего — сорванного) пупа, постепенно «направляет» его на свое место при помощи черенка ножа или курительной трубки. Захватив затем рукой кожу живота у пупка, завертывает ее направо и держит до тех пор, пока пуп не перестанет «токать»;

— от бородавок старались избавиться следующим способом: велели кому-нибудь сосчитать количество бородавок, тогда они якобы исчезали, или в период полнолуния выходили на улицу и показывали бородавки луне, или давали их лизать собаке;

— при болезни горла привязывали как жаропонижающее листья мать-и-мачехи. При ломоте в глазах тоже прикладывали мать-и-мачеху.

Иногда, если человек болел тяжелой и продолжительной болезнью, не поддающейся лечению «своими» методами, русскоустыинцы обращались к помощи шамана; кто-нибудь из родственников больного отправлялся за ним к эвенам или якутам. Его встречали как дорогого гостя, обильно угощали. В шесть-семь часов вечера начиналась подготовка к камланию: зажигали огонь в камельке, заносили шаманскую одежду, сушили бубен, на пол стелили «депшу» — вышитую бисером шкуру молодого оленя — неизменный шаманский атрибут. Все домочадцы выходили на улицу и справляли естественные надобности, ибо во время камлания выходить на улицу запрещается.

Последним на улицу выходил шаман: там он сначала молился на восток и просил духов помочь ему

вылечить больного. Затем начинал свистеть — звать духов («врагов»). «Заполучив» их, он, нахлобучив на глаза малахай, входил в избу. В тот момент, когда шаман подходил к депше, кто-нибудь огнем высекал огонь, с тем расчетом, чтобы искры падали на депшу. Это делалось для того, чтобы согнать с нее недобрых духов. При свете огня на шамана надевали меховое полупальто — «кукашку», украшенную бисером и побрякушками, на голову — малахай с большим вырезом на темени, также украшенный бисером.

После того как шаман усаживался на депшу, двое из присутствующих садились спиной к нему, начинали колотить бубен и петь. Шаман начинал подпевать и постепенно входил в экстаз, тогда «раздражители» отдавали ему бубен и колотушку, а сами уходили к зрителям. Во время выбора шамана подбирался его переводчик — «толмач». Через него шаман спрашивал, для чего приглашен. Родственники, тоже через толмача, рассказывали о больном и просили помочь. Шаман отвечал, что постарается помочь, но при неудаче просил не обижаться. Затем начинал звать своих духов, те приходили и спрашивали, по какому поводу он их выывал, шаман рассказывал им об истории болезни... «Посоветавшись» с духами, шаман с пением подходил к больному, наклонялся к нему, искал болезнь — «худобу», «находил» ее и сильно бил в бубен. Наконец избитую, измученную худобу «клат» на бубен и начинал рассказывать окружающим, откуда и как она пришла; обещал, что постарается ее спровадить. Затем «брал» худобу и уносил в «дальнюю дорогу» — топтался у порога минут 15—20, бил в бубен и пел. После возвращения из дальней дороги шаман садился на депшу и рассказывал, что худобу он спровадил и что она не вернется, если будут исполнены его наказания: больному нельзя три дня брать железный, остроконечный предмет, нельзя стучать, брэнчать. Больному должен быть обеспечен полный покой. Его нельзя вечером одного выпускать на улицу, а то он может «сдрогнуть» (испугаться) и т. п.

Верили, что у каждого человека есть «стень». Когда она улетает, человек болеет, появляется сонливость, слабость, плохое настроение. Наконец, он может умереть, тогда шаманы «приводят» стень обратно. Поэтому больного нельзя пугать: иначе он может «сдрогнуть»

и стена может снова улететь. Шаман заявлял, что-бы после его отъезда остался шаманский дух, надо было выбрать «телохранителя», а своего «караульщика-беса» он через три дня снимет с поста. Постоянным караульщиком назначалась обычно выбранная шаманом собака, песцовая шкура или платок с черным рисунком — все это называлось «дилбиром». Если после отъезда шамана большой заболел, его натирали дилбиром или привязывали около него собаку-дилбира. Камлание заканчивалось тем, что шаман прощался со своими духами, пел и бил в бубен. Потом он переодевался в повседневную одежду и уходил.

Иногда шаманов просили «ладить счастье», «пришувать». Под «счастьем» понимали фарт, удачу при лове песка, рыбы и т. д.

Верили, что природа равнодушна к тому, что делается в жизни людей, она так или иначе отзывается на людские горести и радости. «Умрет сердитый человек — пурга подымется, умрет тихий, добрый человек — день ясный, безветренный стоит». Необыкновенная удача, чрезмерно богатый промысел рыбы, песка, оленя тоже считались нехорошим признаком — «счастье шибко горопитса». Считали, что жизнь человека определяется еще при рождении. Если женщина долго мучается при родах, то делали предположение: «Верно, бог ему еще судьбу пишет». Считалось, что от самого человека судьба не зависит, все зависит от бога. «Молодостью не жить, а старостью не помереть» — такой поговоркой выражается мысль, что не всегда умирает старый, оставляя место молодому. Верили также в то, что некоторые явления могут быть предвестниками смерти. Так, если собака воеет по ночам, опустив голову вниз, или роет во дворе яму — это предвещает смерти.

Вообще существовало множество примет, предвещавших чью-либо смерть: матица в доме трещит или зеркало в доме разобьется — к покойнику; видеть во сне, что выпал зуб с кровью, — умрет кто-то из близких.

Пожилые люди к смерти готовились заблаговременно. Прежде всего запасали «смертную лопоть» — одежду и обувь. Завещали хоронить себя обычно на высоких местах вблизи проезжих дорог, чтобы кто-нибудь из путников мог добрым словом помянуть усопшего. Следует сказать, что слово «кладбище» было малоупотребительно. Вместо фразы: «Он ходил на кладбище» —

говорили: «Он ходил к покойникам» или «Он ходил к родителям».

Момент смерти представлялся так: вместе со смертью являлся и ангел, посланный богом по душу. Душа умершего выходит через рот и улетает на небо.

Усопшего обмывали, поливая, теплой водой с мылом. Если человек умер вечером, то обмывание должно совершиться до того, как погаснет заря. Одевали и клали в передний угол под иконы, накрывали белым и вешали занавес. Постель и одежду его увязывали в большой узел и вывешивали на высоких жердях около могилы. Через сорок дней узел снимали и использовали кому как угодно.

Покойник лежал в доме три дня. Все эти дни около него устанавливается круглосуточное дежурство, читается псалтырь, жгутся восковые свечи, кадятся ладаном и т. д. Считали, что умерший в течение трех дней все слышит, только сказать ничего не может.

Покойника кладут в гроб перед самым выносом, при этом приговаривают: «Цветы крепки, цветы бесмертны». Во время выноса тела было принято усиленно плакать — выговаривать свое горе. Определенных, сложившихся текстов причитаний не было. Можно привести такой — жена плачет о муже:

Сокол ты мой ясный,
На кого ты меня покинул,
На кого ты оставил малых детушек!

Во время прощания покойника целуют в лоб, при этом стараются не уронить на него слезу, иначе каждая слеза на том свете его колоть будет. Крышку гроба заколачивают в помещении. Из окна глядеть на похоронную процессию нельзя, следует выйти на улицу, осенить ее крестным знаменем и совершить несколько земных поклонов.

Несли тело ногами вперед, при этом приговаривали: «Вот мы тебя хорошо проводили, за что ты на нас не станешь сердиться».

Могила — глубиной не менее полутора метров. В нее сначала спускается деревянный сруб. Гроб опускается в него на веревках и закрывается крышкой сруба, каждый из присутствующих бросает в могилу горсть земли. В восточной части могильного холма, в ногах, ставится деревянный крест. Впоследствии над могильным хол-

мом устанавливается деревянное надгробие — «голбас».

Для кладбища выбиралось возвышенное сухое место в 1—1,5 км от дома. Кресты на могилах четырех-, шестиконечные, иногда с покрытием. Часто на кресты прибавляли иконы. На могиле разбивалась посуда, которой пользовался больной. В гроб клали кусочки пищи, курительную трубку, табак. Если родственники хотели, чтобы умерший «пришел ояви», то есть вернулся в образе младенца, то в крышке гроба делали отверстие. А если, наоборот, не желали его возвращения, то вбивали в могилу осиновый кол.

Верили, что покойник, особенно если это пожилой человек, уносит с собой души других людей. Поэтому, возвращаясь с погребения, по дороге ставили кресты — «запирали дорогу».

Пока совершается погребение, в доме умершего идут приготовления к поминкам. Сжигают во дворе стружки от гроба, моют пол и т. д. Когда в доме находится покойник, моют и подметают пол от порога к переднему углу. Как только вынесут гроб — сразу же моют от переднего угла к порогу.

Пришедшие с кладбища непременно умываются и окуриваются. Обязательным блюдом на поминках считались оладьи с примесью толченой икры.

В первую ночь после похорон также устанавливается дежурство; на кровать, где лежал умерший, никому садиться нельзя раньше чем через сутки: считалось что ангел-хранитель еще в течение суток должен прилетать в дом. Поминки справляются на девятый день, сороковой и в годовщину смерти. Родственники в день поминания должны сходить на могилу, разжечь там небольшой костер и бросить в него кусочки пищи.

Поверья, приметы, толкование снов

Православные христиане, как именовали себя индигирщички, в душе оставались язычниками, верили в лешего («сендушного»), черта («пуженку»), водяную хозяйку, «суседку» и «шулюканов», прибегали к помощи колдунов и шаманов.

«Сендушный», или леший, — хозяин тундры в образе человека, только без бровей и ресниц. Одевается в обычную одежду, которую застегивает наоборот — правую полу на левую. Он семейный. Ездит на нарте, запряженной волками, боится креста, в церковь не за-

ходит. Любит играть в карты, но без трефовых мастей, так как они напоминают крест. Уверяли, что некоторые знахари, колдуны («знатоки») нередко играли с сендушным в карты. Под конец игры русскоустыинец якобы вытаскивал из кармана трефовую карту и кидал ее на стол со словами: «Кресты-kozyри!» Тогда сендушный говорил: «Я проиграл» — и молча уезжал. После этого охотник успешно промышлял песцов. Но случалось проигрывать и охотнику. Тогда из его семьи кто-нибудь исчезал бесследно, обычно молодая девушка.

Сендушный ездит по тундре и распевает:

Цветы алые бракую,
Милой не дарю,
Цветы алые вышиваю,
Милой отсылаю.
Холостой мальчик гуляет,
Девушку принимает,
Не садись, моя милая,
Против холостого.
Не ходи, моя милая,
К соседу до беседы,
Холостой бровями водит,
Из ума выводит.
Не садись, моя милая,
Против холостого,
Холостой мальчик гуляет,
На двор вызывает.

Излюбленным местом встречи колдунов с сендушным считалось устье речки Волчьей. Русскоустыинские «знатоки» тоже сложили свою песню, связанную с этими встречами:

На усть-Волчьей к китычку
Собирались ершички,
Стали в карточки играть
Трефовую потешать.
Вот бубновым он сходил,
Я пиковым перекрыл,
Вот червонным-то он стукнул,
Я трефовым перестукнул.

(Записано со слов И. И. Каратаева, 65 лет, 1966.)

На случай встречи с сендушным в тундре существовали «правила безопасности». Увидев его, следовало перекреститься и обвести вокруг себя черту или поставить деревянный крестик.

Водяная хозяйка представлялась в виде женщины-русалки с распущенными волосами. Она ведала богатствами рек и озер.

«Пуженка» и «кикимора» — посетители дурного, злого начала. Считалось, что кикимору закладывали в виде маленькой деревянной куклы во время строительства дома алые люди. Пуженка ходила по ночам, стучала, являлась в различных образах и всячески отравляла жизнь его обитателей. Поэтому, прежде чем поселиться в новом доме, его окуривали и окропляли святой водой.

Верили также в «еретиков», то есть в тени умерших безбожников, которые бродят по ночам. Существовало даже выражение: «Что ты бродишь по ночам как еретик?»

По мировоззрению индигирщиков в каждом доме должно быть мифологическое существо «суседко». Это добрый дух, хранитель домашнего очага, который перекочевывал вместе с хозяином из старого дома в новый. Он представлялся в образе маленького грязного старичка с белым песцовым воротничком. Взрослые обычно упрекали неряшливых ребятшек: «Что весь испачканный ходишь, как суседко».

В каждом доме, в углу за камельком, обязательно висела одна юкола, символизирующая пиццу доброго суседки. Дух его был тесно связан с духом огня. Когда семья поселялась в новом доме или переезжала из летнего дома в зимний, хозяйка разводила огонь в очаге, бросала туда кусочки пиццы и приговаривала: «Дедушко Суседушко, кушай!»

«Стихия» в глазах индигирщиков — существо могущественное. Она выступала наравне с богом. Почитание стихии выражалось в обращениях к морю, тундре, Индигирке. Бросали в море подарки с восклицаниями: «Батюшко сине-море! Прекрати погоду! Не дай погибнуть православным христианам». Когда после ледохода первый раз переезжали Индигирку, обязательно бросали в нее разноцветные лоскутки, приговаривая: «Матушка Индигирка, прими от нас подарки».

«Сендуха» — это не только тундра, а понятие более широкое: суша, окружающий природный мир. Она кормит человека. Поэтому отношение к ней было особое. На сендухе нельзя громко кричать, плакать, смеяться и т. п. Когда в пути останавливались на чаепитие, обязательно «кормили» огонь, оставляли пестрые лоскутки на палочках. «Где человек огонек топил, где чаечек попил, то место три года радуется, — говаривали старики.

Очень боялись грома, особенно женщины, считали что Илья-Пророк развезжает на колеснице. Как только начинал греметь гром, все заходили в дом, не разводили большого огня. Во время раскатов грома женщины крестятся и повторяют: «Свят дух! Свят дух!»

Накапуне крещения девушки гадали. Основной темой гадания было замужество. Старались узнать, в какую сторону выйдешь замуж, сколько будет детей, долго ли проживешь и т. п. Вот примеры.

Пытаюсь узнать облик будущего мужа:

— пристально смотрели в колечко, которое опускается на дно стакана с водой, пока не привидится образ суженого;

— уединившись в бане, смотрелись в зеркало. Садилась затылком к зеркальцу, другое зеркало держали перед собой и оставались в неподвижном состоянии довольно продолжительное время (около часа), уставившись в одну точку: в зеркале должен показаться образ. Этот метод гадания применялся редко, так как бань было мало, а также потому, что он требовал большой выдержки и самообладания.

Чтобы узнать, в какую сторону выйдешь замуж или откуда возьмешь жену:

— ночью выходили на улицу и слушали, в какой стороне залают собаки — оттуда и ожидай сватов или в той стороне твоя невеста;

— выходили ночью и кидали через сени обувь, утром выходили смотреть: куда ляжет носком, в том направлении ищи невесту или оттуда придет жених;

— состригали ногти и поджигали, направление дыма якобы указывает, в какой стороне суженая.

Количество будущих детей предполагали по числу кружков вокруг месяца, которые отразятся в наведенном на него зеркале. Или наливали в миску воду и выносили на улицу. По количеству замерзших пузырьков воздуха и «определяли» число детей.

С новогодней ворожкой было связано и представление о «шулюканах» — демопах, которые живут в воде и выходят из проруби во время святок. Шулюкан имеет вид маленького, с кулак, человечка. Он может забираться в избы, в амбары, из-за чего продовольственные припасы быстро расходуются. Чтобы шулюканы не остались после святок, на стенах, окнах и дверях домов ставили углем крестики.

Узнать, будет ли скоро гость, можно было таким простым способом: взять лучину, укрепить ее стоймя в пол, верхний конец расщепить и в расщелину вставить небольшую поперечную палочку. Палочку надо поджечь посередине. Если огонь отскочит в передний угол, то будет гость.

Считали, что шмель («будуница») является чуть ли не священным насекомым. Рассказывали следующее: «Когда Христа распяли, хотели пригвоздить его в сердце, будуница прилетела и села на его грудь, тогда жида сказали: „Он уже пригвожден в грудь!“ — и не пригвоздили». Поэтому убивать «будуницу» — грех.

Отправляющиеся в путь вели в основном разговор о том, какая погода ожидает их в пути. Ведь от этого зависел успех дела. И естественно, что ворожба, приметы и поверья направлены в основном на то, чтобы умилостивить стихию, задобрить ее, создать благоприятные условия для жизни и труда.

Если гагара летит против ветра, то ветер должен стихнуть и небо прояснится. В таком случае, увидев летящую гагару, распевали: «Гагара-аа, лети на низовой, на низовой (или на верхоской), небо чисти, небо чисти».

Зимой, если долго стояли ясные морозные дни, призывали облака, для этого женщина собирала кусочки шерсти («мохнашки»), тряпочки, различный сор с пола («сметье»), кидала в огонь и приговаривала: «И, и, батюшка сар-огонь, дай морок (облака), дай тепло моему дитятке!» Если же долго стояли пасмурные, ненастные дни, то бросали в огонь кусочки мамонтовой кости со словами: «Будь ясно, будь ясно!» При зятых ветрах делали маленький деревянный крестик, ставили его в тундре со словами: «И, и, Николай Чудотворец, погоду укрути!» Иногда выносили икону на улицу, молились перед ней, прося ее «утихомирить стихею». Против непогоды применялся и следующий метод: человек, родившийся в тихую ясную погоду, раздевался догола и бегал по тундре с криком: «Будь ясно! Будь тихо! Будь такой день, в какой я родился!».

Верили, что некоторые люди могли «спускать сату», то есть создавать на некоторый срок определенную погоду. Спускание саты, видимо, перенято у якутов. И. А. Худяков считал, что «сата» — камень, обладающий магической силой. Человек, имеющий такой ка-

мень (камень он никому не показывал), мог вызвать необходимую погоду. Если он желает дождя, то приговаривает: «Пусть шесть суток идет дождь со снегом!» Если желает ветра и холода: «Пусть холодный сток три дня будет!» «Сату спускают» большей частью весной, чтобы снег подмерз от ветра и легко было ехать, когда незавершены какие-либо хозяйственные дела.

Во время летних длительных ветров старики специально рассказывали былины о Садко, время от времени восклицая: «Садко, гость богатый, погоду укрути!» Считали эту былину счастливой. (Записано со слов С. Н. Рожина, 62 года, 1966 г.)

Много поверий и запретов было связано с рыболовным и охотничьим промыслом. К примеру, охотники, ожидающие диких оленей, переправляющихся через реку, должны были держать щепку во рту, чтобы их думы не могли узнать олени. Охотники не употребляли слов «добывать», «убивать», «промышлять», «ловить», «стрелять» и т. п., а говорили: «пошли караулить оленей», «под оленей поползли», «пошли на сендуху», «поехали по пастям», «пошли гусевать», «поехали неводить», «пошли на лайду» и т. п.

При разделке дикого оленя охотник никогда не отдаст голову, чтобы вместе с ней не отдать и свою удачу.

Отправляя на охоту сына или мужа, женщина осеняла его крестным знаменем. Со двора заносила щепки и клала их у камелька. Они означали добытых песцов, оленей, гусей.

В день отъезда мужа в дальнюю дорогу или на рыбалку мыть пол в избе категорически запрещалось, иначе он не вернется.

Медведя называли «дедушкой». Его не «убивали», а «промышляли». Если дома шел разговор о медведях, тут же обращались к огню: «Батюшко сар-огонь, не сказывай». Есть медвежье мясо матери охотника и беременным женщинам запрещалось. Голову и легкие убитого медведя закапывали. Считали, что огонь, медведь и горностай являются братьями, а вода — их старшая сестра.

Запрещалось вынимать из пасти (ловушки) песка против направления его движения, а также класть его на нарту головой назад. Нельзя кормить головой песка собак.

Топтать шерсть пушных зверей — грех.

Запрещалось также кормить головой нерпы не «нерпчих» собак.

Есть беременной жепщине головы гусей и уток нельзя.

Нельзя женщине перешагивать через весло: у гребца руки будут болеть.

Жарить озерную рыбу нельзя — озеро «осердится». Ходить зимой по озеру в крашеной (дублевой ольхой) обуви — озеро также «осердится».

Вновь изготовленный невод окропляли «святой» водой, которую готовили простым способом: брали икону, ставили ее в чистую миску и сверху поливали кипяченой водой, после этого вода становилась «святой».

Бывали случаи, что невод «уросил», то есть плохо ловил, тогда клали в чашку ладан, зажигали его и махали над неводом, это означало «окуривать невод». Если не было ладана, то его заменял обыкновенный багульник. Вообще багульник играл универсальную роль: им окуривали не только невод, но и избы, гробы, женщин после родов и т. д. К «уросливому» неводу применяли еще один метод. Ловили бабочку («липка»), зашивали ее в тряпочку и привязывали к неводу, после этого снова поливали «святой» водой.

Если случалось, что через ружье перешагнет жепщина, тогда ружье тоже окуривали багульником. Если ружье «уросило» и окуривание не помогало, то шли на крайний метод: клали его под порог с расчетом, чтобы через него печаянно перешагнула женщина — клин клином вышибали.

Снятую обувь нельзя класть вверх носками — помрешь.

Шапку крутить в руках — голова будет кружиться.

Класть шапку на стол — должником будешь.

Поливать воду умывающемуся наотмашь нельзя — умрет.

Утираться одновременно двоим одним полотенцем — счастье воровать друг у друга.

Двум беременным женщинам нельзя равняться ртом или спать на одной кровати — грех.

Запрещается маленьким мальчикам есть птичье сердце — будут трусливыми.

Срывать в тундре грибы (погоду) категорически запрещалось — будет непогода.

Последний сказочник Егор Семенович Киселев. 1987 г. (Фото Б. В. Дмитриева.)

Маленьким детям нельзя играть ключом, тем более брать его в рот — заиканья будут.

Девушке не разрешается подметать и мыть пол с отдыхом — муж будет бить (тоже с отдыхом).

Женщине нельзя перешагивать через собаку — родятся волосатые дети.

Нельзя в изголовье человека класть сети — «ум будет путаться» (то есть будет помешательство).

(Все эти поверья и запреты записаны со слов М. С. Пуртнягиной, 70 лет, 1965 г.)

А вот некоторые другие приметы.

Ребенок капризничает («нямгается») — гостей воржит.

В левом ухе звенит — радостные вести будут.

Язык зудится — к ссоре.

Под ногтями рук появляются белые пятнышки — обнова будет.

Поленья в огне трещат («огонь щелкает») — гости будут, вести новые привезут.

Грудь у женщины ноет («титки ломит») — к болезни или смерти ребенка; если ребенок находится в другом месте, значит он болеет или голодает.

Если из огня отскочит кусочек угля и упадет на пол в передний угол («огонь скакнул») — гость будет.

Если во время разговора, при утверждении чего-нибудь «щелкнет огонь» — говорящий лжет или случится нечто противоположное утверждаемому.

Младенец или собака портит воздух — к сытости.

Если собаки зарываются в снег — скоро будет непогода.

Ломит кости — к ненастью.

Пульсация в висках («голову бьет») означает приезд гостей (или падет ветер определенного направления).

Облака быстро движутся — к ветреной погоде.

Багровый закат — к плохой погоде.

Луна восходит наклонно — к теплой погоде.

Луна в радужном кругу — к пасмурной погоде или к пурге.

Появление радуги при плохой погоде — будет солнечный день.

Гусь высоко летит — к теплой погоде, низко — к холодной.

Песец осенью рано белеет — будет ранняя весна.

Конь зевает — к ненастью.

Куропатка весной рано сереет — к ранней весне.

Паук на паутине поднимается вверх — будет подъем воды в реке, опускается вниз — будет спад.

Приведем также некоторые толкования снов.

Собаку во сне видеть — к приезду друга.

Вши — к деньгам.

Есть во сне мясо — к неприятностям.

Кровь во сне — к встрече с родней.

Если во сне женщина надевает серьги, кольцо, берет ножницы и т. д. — родится девочка. Видеть же топор, ружье, лук — родится мальчик.

Слышать во сне ружейный выстрел — к новостям.

Видеть во сне веревку, значит предстоит длинная дорога, если веревка белая — дорога будет хорошей, если черная — с неприятностями.

Надо каждое утро со стола стирать пыль, так как за ночь Сатана-антихрист оставил свои следы, которые могут совратить православных против Христа или толкнуть на какой-либо грех.

(Записано со слов А. Н. Шкулевой, 75 лет, 1973 г.)

Глава IV

Лексика досельного говора

В основу предлагаемого читателю словаря положены личные наблюдения автором живой народной речи. Следует отметить, что нынешнее поколение русско-устыинцев многих слов, зафиксированных здесь, не употребляет. Многие диалектные слова исчезают бесследно. Хотелось бы сохранить их для потомков, чтобы они могли живо представить себе историю материальной и духовной культуры, языка, всего того, что составляло содержание жизни предков.

Нижнеиндигирский говор, несомненно, принадлежит к северо-великорусским, так как первые освоители этого края, как и большинство землепроходцев Сибири, были выходцами из северных губерний России. При сличении его лексики с лексикой архангельского и новгородского наречий находим много общего, например: «хивус» — сильный мороз; «баран» — горизонтально расположенная дуга; «вадига» — глубокое место реки; «калтус» — мокрое ровное луговое место; «заструга» — небольшой снежный бугор; «веретье» («веречча») — высокое открытое место; «бриткой» — острый, хорошо бредущий; «шелонник» — юго-западный ветер.

Кроме того, свидетельством принадлежности данного говора к северо-великорусскому наречию является ряд фонетических черт, таких как оканье, еканье, взрывное «г», ассимиляция звонких шумных губных и

переднеязычных звуков под влиянием последующих сонорных носовых согласных и т. д.

Русские люди, оказавшись на крайнем северо-востоке страны и избежав на длительное время влияния литературного языка и других русских говоров, вынуждены были на протяжении столетий пользоваться тем запасом лексики, который был свойствен говорам Европейского Севера в XVII веке. Вот почему зачастую в их словарном запасе мы встречаем слова, которые ныне едва ли можно встретить в других говорах: «вичь» — дневная норма пищи на упряжку собак; «повор» — веревка для привязи груза на нарте.

Есть у жителей Русского Устья такое выражение: «отбить папоротки», что означает «избить, победить, наказать». Близкое по форме слово «папорозь» в старину означало «наплечник», «верхняя часть брони», «крыло».

«Днище» («нишшее») — расстояние в десять верст. Сравните: «...И те, государь, аманаты сказали в распросе, что-де есть отсюда недалеко по Индегирской реке, выплыв море правую протокою, а морем бежать парусом от устья до Алазейской реки небольшое днище» (Открытия русских..., 1951, с. 134).

Русскоустыинцы никогда не говорят: «начался ветер», «началась пурга», вместо этого они скажут: «погода упала», «пурга упала» (сравните выражение древних мореходов: «И упала на море великая погода»).

К приезжему человеку индигирские жители зачастую обращались с вопросом: «Что нового? Какие вести-повести?». Сравните в «Слове о полку Игореве»: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимира до нынѣшняго Игоря».

Можно было бы привести много других примеров, свидетельствующих об архаичности отдельных слов и выражений говора индигирских старожилов.

Вот, например, первое впечатление В. М. Зензинова: «Когда за чаем завязался разговор, я не мог не подметить особенных слов и выражений, иногда не совсем понятных, но, несомненно, русских, которых никогда до того не приходилось встречать в живой речи и которые почему-то смутно напоминали старинные русские книги. Все эти впечатления были особенно ярки в первые дни моей жизни в Русском Устье, и я не мог отделаться от мысли, что попал в какой-то стран-

ный уголок Древней Руси, сохранившийся на далеком Севере как обломок далекой и чуждой для нас жизни». В другом месте он добавляет: «...не знаю и не понимаю, куда я попал... После полуторамесячного странствия... Я вдруг снова очутился в России. Светлые рубленые избы, вымытый пол, выскобленные столы — чистая русская речь. Это, конечно, Россия, но Россия XVIII, быть может, даже XVII века» [Зензинов, 1913].

«Речь индигирцев отличается от других русских говоров своей мелодикой. Она своеобразная, напевная; ударная гласная последнего слога во фразе произносится с ярко выраженным музыкальным тоном, повышением тона голоса, и последний слог растягивается. Особенно мелодична речь женщин; в одном слове она (интонация) может смениться несколько раз, повышаясь в начале, достигая наибольшей высоты в середине и затухая в конце» [Самсонов, 1982, с. 177].

А вот что сказал В. Г. Распутин: «Говоря о звуковой красоте „Слова о полку Игореве“, я хочу вспомнить одно место на севере Якутии, где русские люди, по преданию, живут со времен Ивана Грозного.

Живут они в устье Индигирки. Здесь сохранился архаичный язык, каким говорили наши предки, близкий к „Слову...“. Видимо, община была крепкая, во круг инородцы, русская община охраняла язык от чуждого влияния, охраняла обычаи и традиции, фольклор, который они принесли с русского Севера. Послушайте их, и вы узнаете, как звучала древняя русская речь. Ведь по письменным источникам, которые дошли до нас, мы знаем, каким языком говорили в XVII веке, даже каким еще раньше говорили. Но мы не знали, как звучала та речь.

Если мы станем слушать, как говорят эти люди сейчас между собой на русском, подчеркиваю, языке, понять их нам будет трудно. Дело не в архаике, а в том, как звучит эта речь. Это поистине какое-то природное звучание, без резких, эмоциональных понижений, которыми пользуемся мы. Их речь в неточном сравнении напоминает то ли далекий шум ветра, то ли шелест травы, ковыля, что-то естественное, под стать природному голосу.

Слушать их для меня было очень интересно. Здесь я услышал то самое звуковое совпадение, о котором мы вспомнили в связи со „Словом о полку Игореве“.

Народ живет очень интересный в этом Русском Устье. И как многое там осталось того, что есть в „Слове...“. И у них есть двоеверие. Они до последнего времени соблюдали обряды, которые были на русском Севере в XVII, а может быть, даже в XVI веке. Но они и язычники, ибо всегда целиком зависели от природы, от Индигирки, от тундры, от смены полярной ночи и дня.

Для них окружающая природа не площадка для пропитания и процветания, как начинаем смотреть мы на землю, а кормилица и судьба. И относятся они к ней с той святостью и почитанием, которые, очевидно, были характерны для всякого русского в прошлом» (Беседа о «Слове...», 1986).

Следует отметить, что словарный состав этого говора не подвергался еще изучению. Он незамедлительно ждет детальных исследований, на основании которых можно было бы получить ценные сведения для тех, кто интересуется историческим прошлым нашего народа.

Словарь

— А —

- Абешпэ́ниться — просчитаться
Абла́й (-ка) — скандальный, неуживчивый человек.
- Ави́день — употребляется в значении: проделать путь туда и обратно за один день («Съездить авидень»).
- Аводи́ть — заговаривать, заваривать.
Аге́ды — длинные меховые сапоги.
Ада́мщина — а) старое гнилое дерево;
б) глубокая старина.
- А́дрень — ветхость.
Аива́ться — увиваться около кого-нибудь.
Айда́н — скандал.
Айда́нщик (-ца) — скандалист (-ка).
Аки́бно́к — детеныш нерпы, белек.
Акля́ны — летние домашние сапоги из замши (ровдуги).
— башмаки из юфты, к которым пришивают голенища из ровдуги.
— деревянные палки, куда вставляется металлический скребок для обработки шкур.
- Ала́чки — накликают беду.
— бредить.
— шлея для собачьей упряжки.
Алга́жнй — бездельничать, валять дурака.
Алдо́вать — закутываться, плотно одеваться.
Алля́сить — заложник.
Алык — жадничать.
Алы́рнй — недавно, наперед.
Ама́лахтоваться — недавно, несколько дней назад.
Аманáт — а) песенное предание;
б) лирическая песня, сочиненная для себя и про себя.
Амсы́каться — глыба льда, выброшенная на берег во время ледохода.
Ана́гдышь — слезить.
Анаме́нись — употребляется в значении: конечно.
Анады́льщина — неряха.
— старая, потертая замша (ровдуга).
— громадина.
— украсить одежду (обувь) отделкой.
— убирать, подчищать за кем-либо.
— дать пощечину.
- Антиа́х
- Апризо́рнй —
Аранда
Арахле́й (-ка)
Аргаба́с
Асля́пина
Атрачи́ть
Ахитя́ть
Ахлипéснуть

Ачи́липка
Ашшвўльник (-ца)
Аян

- любовница, заноба.
- подлиза.
- небольшое озеро, соединенное с рекой.

— В —

Ба́бкой ходить,
ба́бничать
Бадара́н
Баклышо́к
Балба́х

- принимать роды.
- топкое, болотистое место.
- шишка, нарост.
- тушка гуся, из которой удалены кости и внутренности, а мясо оставлено на коже с перьями. В этот своеобразный мешок складывают разделанных гусей. Мясо в таком «мешке» дольше сохраняется.
- деревянный шаблон, по которому гнут полозья.

Ба́ло

- большая лепешка из муки.
- деревянная дуга, горизонтально расположенная в передней части нарты.

Бараба́н
Бара́н

- стесняться, бояться.
- кушанье из сушеной и толченой рыбы.

Ба́рдовать
Барча́

- сплетник(-ца).
- сплетничать.
- распространять сплетни.
- сплетня.

Ба́спик (-ца)
Ба́спичать
Ба́сни таскать
Ба́спя
Ба́тя

- обращение к старшему брату, к старшему по возрасту.
- разговорчивый человек.

Ба́бн
Ба́ять
Беда
Беда́вий
Безго́лик
Бель
Бе́рдеть
Бе́рдить
Бе́рдо
Бере́жний

- говорить, рассказывать.
- употребляется в значении: очень.
- удамой.

Бе́ремо

- насмешник.
- еле различимый свет.
- ушибать.

Бе́стер
Бе́тва
Биче́вщия
Блажа́
Бла́зница
Блюдолизник
Бога́т

- трусить, бояться.
- загородка из тальника.
- веревка, при помощи которой тянут невод на берег.

- ноша. При заготовке юколы на зиму счет велл беремами. Сто юкол — одно беремо.

- течение реки.
- шумное событие.
- человек, идущий в бичеве, в лямке.

- истерика.
- чудится, мерещится.
- подлиза.

- может быть («Богат, пурга завтра будет»).

Бог прости́т
(о женщине)
Борозда́
Братан
Бри́ткой
Бро́вить
Бро́дить
Брига́т
Бродки́
Броння́

Бугу́л
Буду́енки
Буду́ница
Буйница́
Бу́кишка

Булды́р
Булды́рбон

Бурунду́к

Бус
Быва́льщина
Быстри́ться

Ба́дига
Ба́йданка

Ба́йдать
Ва́йм

Ба́ра
Ба́рдина

Ба́рка

Варпа́к
Велика́тный
Велича́ться
Ве́ра
Ве́рцьба

Ве́рь чести́
Ве́сильна

Ве́ска

Весно́ва́ть

— родила.

- фарватер реки.
- двоюродный брат.
- острый, хорошо бреющий.
- говорить много.
- ходить вброд.
- обижаться.
- летние сапоги из ровдуги.
- самодельные сапоги, предназначенные для ходьбы в воде.

- копка сепа.
- сапоги из перпичьей кожи.
- пчела, шмель.
- бойница, форточка.
- междометие, выражающее страх, удивление, соответствует слову «Господи».

- шишка.
- а) маленькая шишка;
- б) нажива из сушеной рыбы для приманки песцов.

- веревка, протянутая с носа лодки к бичеве, которая служит управлением при тяге лодки.

- мелкий дождь.
- быль.
- зло смотреть на кого-либо.

— В —

- глубокое тихое место на реке.
- банка, из которой помазком берут воду для оледенения полозьев.
- мазать, смазывать.

- чурка — зажим при обработке дерава.

- заварка чая.
- тонкий шест, который прикрепляется к верхним концам коньльев нарты, нащеп.

- кушанье из вареной и толченой рыбы.

- хулиган, разбойник.
- привередливый.
- гордиться.

- привычка, обычай, традиция.
- сухая, возвышенная гряда среди болот.

- истинная правда.
- козлиная, на которую вешают сети для просушки.

- деревянная палка, используемая вместо цепи для привязки собак.
- промышлять весной,

Вѣспусь — прошлой весной.
 Вѣстимо — конечно.
 Вѣтка — одноместная лодка.
 Вѣтошь — сухая трава.
 Вечѣрник — вечерний заморозок.
 Вечѣрша — вчера вечером.
 Вешникѳвина — шкура весеннего оленя.
 Взапуски бегать — соревноваться в беге (в езде).
 В зѣрах-те — не помня себя, в аффекте.
 Вздременіться — проявиться, ясно обозначиться, получить видимые очертания.
 Вздогнѣуть — сильно испугаться, прийти в стрессовое состояние.
 Виска — маленькая речка.
 Вичь — дневная норма пищи на одну упряжку собак.
 В пѣжду гонить — притеснять.
 Водиться — нянчиться.
 Вѳ-длинна — длинновата.
 Вѳздухом болеть — болеть гриппом.
 Вѳйда — тонкий слой льда, специально напосымаый на полозья нарты для лучшего скольжения.
 Вѳ-коротка — коротковата.
 Вѳ-легка — легковата.
 Волкотѳржипа — задранный волками олень.
 Вѳлок — участок пути между озерами и речками.
 Волтѳрить — говорить без умолку.
 Вѳнный свет — загробный мир.
 Вѳбчьѳ — на виду, явно.
 Во плѳтѳ — давно, давно.
 Во поймени сидѳть — быть в отрешенном состоянии.
 Вѳпроклѳд сидѳть — быть без дела, без забот.
 Вѳрохпѣуться — певельнуться.
 Вѳструшка — небольшая нельма.
 Вѳ-тяжела — тяжеловата.
 Вѳ-узка — узковата.
 Вѳ-широка — широковата.
 Вѳхшу — вообще, воистину, вовсе.
 В пѣнь прийти — сильно устать.
 Вѳрохончѳю — беспрерывно, часто.
 Вѳракѣн — врун, лжец.
 Всѳш-таки — все-таки.
 Вѳкѳрмленник — воспитанник.
 Вѳкѳрости — недолго.
 Всѳкие деяния — разные дела, события.
 Вѳворотень — гордый, высокомерный человек.
 Вѳдра — балка, на которую стелют пол.
 Вѳжурѳвливаться — высовываться, стараться быть выше других.
 Вѳклѳдывать (о собаке) — кастрировать.
 Вѳмодѳть — зачахнуть, захиреть.
 Вѳпѳстричь — украсить орнаментом.

Вѳпороток — шкура новорожденного оленя.
 Вѳпѣгаться — выходить из себя.
 Вѳпѣчиваться — гордиться, чваниться.
 Вѳпученой — гордый, чванливый человек.
 Вѳтарѳщиваться — хвастаться, гордиться.
 Вѳтулить — выгнать из дому.
 Вѳшепечить — украсить.
 Вѳзѳк — перекладина, соединяющая копылья нарты.

— шкура новорожденного оленя.
 — выходить из себя.
 — гордиться, чваниться.
 — гордый, чванливый человек.
 — хвастаться, гордиться.
 — выгнать из дому.
 — украсить.
 — перекладина, соединяющая копылья нарты.

— Г —

Гад — мусор, нечистоты.
 Гѳже — хуже.
 Гѳйтѳн — шнур от нательного креста.
 Гѳланить — бездельничать.
 Гѳлиться — насмехаться, издеваться, глумиться.
 Гѳльбѳ — насмешка.
 Гѳмузом — сообща, гуртом.
 Гѳнѳ — курительная трубка.
 Гѳсѳть чужой огѳп — посягать на чье-то семейное счастье.
 Гѳлѳнтѳна — гнилое дерево.
 Гѳлѳху сказать — намекнуть.
 Гѳлыза — глыба льда, снега.
 Гѳлѳнется — нравится.
 Гѳнетѳк — падающая, давящая часть ловушки.
 Гѳлбѳс — надмогильный памятник.
 Гѳлк — гул, раскат (грома).
 Гѳлову обносить — головокружение.
 Гѳль кабацкая — нищета, беднота.
 Гѳльный — ничем не приправленный, чистый, несдобренный («Гольный кипяток пѣм»).

— мусор, нечистоты.
 — хуже.
 — шнур от нательного креста.
 — бездельничать.
 — насмехаться, издеваться, глумиться.
 — насмешка.
 — сообща, гуртом.
 — курительная трубка.
 — посягать на чье-то семейное счастье.
 — гнилое дерево.
 — намекнуть.
 — глыба льда, снега.
 — нравится.
 — падающая, давящая часть ловушки.
 — надмогильный памятник.
 — гул, раскат (грома).
 — головокружение.
 — нищета, беднота.
 — ничем не приправленный, чистый, несдобренный («Гольный кипяток пѣм»).

Гѳнѳть

— а) догонять, преследовать;
 б) выслеживать;
 в) притеснять.

Гѳрло — узкий короткий пролив.
 Гѳрадѳбѳй — мелкота.
 Гѳратка — тонкий шест, подвешенный около печки, на котором сушат вещи.

— узкий короткий пролив.
 — мелкота.
 — тонкий шест, подвешенный около печки, на котором сушат вещи.
 — мнится, думается.
 — опасаться чего-либо, избегать.
 — залив.
 — зад.
 — замухрышка, голяк, босяк, голытьба.

Гѳребчѳтся — мнится, думается.
 Гѳрѳховать — опасаться чего-либо, избегать.
 Гѳубѳ — залив.
 Гѳузно — зад.
 Гѳлылыга — замухрышка, голяк, босяк, голытьба.

— Д —

Дѳбѳ — китайская бумажная ткань.
 Дѳром — пустыки, все равно, безразлично.
 Дѳстовать — загораживать, заслонять свет.
 Дѳть на руки — поручить.
 Дѳва — фамильярное обращение к женщине.
 Дѳвьѳй — внебрачный ребенок.
 Дѳвоваться — издеваться.

— китайская бумажная ткань.
 — пустыки, все равно, безразлично.
 — загораживать, заслонять свет.
 — поручить.
 — фамильярное обращение к женщине.
 — внебрачный ребенок.
 — издеваться.

- Делать в конец рук — делать из рук вон плохо, некачественно.
- Дендиор — поперечная дощечка на задней части нарты.
- Деннобе — обед, дневное чаепитие.
- Дешпá — шкура молодого оленя, предназначенная для камлания.
- Денщик — посыльный.
- Деревинка — деревяшка.
- Держаная вещь — амулет.
- Дерй не стой — беги без оглядки.
- Дивля́ — выражение удовлетворения в смысле: хорошо, достаточно.
- Диво — удивительно, ново.
- Дивоваться — дивиться, удивляться.
- Дикой (о человеке) — несмышленный.
- До кички наполнить — заполнить полностью.
- Домекнуться — догадаться.
- До повиданья — до свидания.
- До потух зари — до поздней ночи.
- До пристátку дойти — сильно устать.
- До проку́ — до следующего года.
- Дорогу гонить — ехать по дороге.
- Досель — давно, в старину.
- Досельный — старинный.
- Доспеть — сделать, изготовить, создать.
- Дотапéря — до настоящего времени.
- Дразнить — подражать.
- Дрэвить — говорить бессмыслицу, болтать.
- Дробить — плясать, выбивая чечетку.
- Дрбгнула (о воде) — пошла на убыль.
- Другерить — вторично, повторно.
- Дубрáвушка — сына, природа, растительность.
- Думу подумать — сглазить, околдовать.
- Дундук — меховая глухая рубаша из оленьих шкур.
- Дунчеть — гудеть.
- Дуреть — шалить.
- Дурной — шалун, непоседа.
- Душá-ноша — сильная усталость, слабость.
- Душний — форточка, отверстие в стене.
- Душу поднимает — тошнит.
- Дыгать — бояться, трусить.
- Дымоволок — дымоход.
- Дюкák — сосед.
- Дюдя — ласковое обращение к деду.
- Е —
- Едёмный — съедобный.
- Едома — небольшая гора, возвышенность.
- Ез — плетень, городьба поперек реки для лова рыбы.
- Ездá — вид движения упряжки. Различают четыре основные скорости: вскачь (галоп), рысь, езда и ступь (медленный шаг).

- Елань (елонь) — расчистка в лесу.
- Енно ставить — прижигать больное место.
- Ердáнь — большая четырехугольная прорубь.
- Ересли́вый — неуживчивый.
- Ереститься — ссориться, враждовать.
- Еретик — тень умершего безбожника.
- Ермóлка — старинная шапка-ушанка.

— Ж —

- Жалеть — любить.
- Жáрина — жареная рыба.
- Жгóта — изжога.
- Железница — насекомое, божья коровка.
- Жерéбец — а) кобель, самец собаки; б) жеребец.
- Живкóм — живьем.
- Живóт — а) имущество, наследство; б) жизнь.
- Жили́ться — жадничать.
- Жиловатый — жилистый.
- Жильная нитка — нитка, изготовленная из оленьих жил.
- Жилы не поднимают — слабость, бессилие.
- Жлблость — желчь.
- Жулькать — мять, стирать.

— З —

- Забáять — заговорить.
- Зáберга — вода, выступающая из-под льда у берега реки во время прилива и половодья.
- Зáбуль — правда, истина.
- Завáлок — обрыв под водой.
- Зáведь — запястье руки.
- Заветёрье — подветренная сторона.
- Завёрток — портянка.
- Завертúшка — маленькая посылка.
- Завёртыш — небольшая заводь в реке
- Завóд — хозяйственный (рыболовный) инвентарь.
- Завóйки — завязки у штанов.
- Загануть — загадать.
- Заглúмка — улыбка.
- Заглúмки давать — улыбаться.
- Заглúмый — улыбчивый.
- Загнётка — жар в печи.
- Задéва — затонувший предмет, мешающий тянуть невод.
- Заделье — предлог, второстепенное дело.
- Задбриться — сердиться.
- Задбрный — сердитый.
- Зажуриться — запсчальиться.

Займка
 Заказ править
 Закáржевать
 Закомблда
 Закружать
 Закулемéшить
 За лишек зайти
 Зальчить
 Замулéванный
 Запаволочье
 Запаперéтиться
 Запарыш
 Запендрéчивать
 Запирать
 Заповурать
 Запúтрить
 Зáрность
 Зáростель
 Застойка

Застрúга
 Зáтишь
 Заугóльный (-ца)
 Захарлить
 Захóд
 Зáходы заходиться
 Зачепáться
 Зачйчереть
 Зашиверская погань
 Зашухумиться
 Звоз
 Звóнная вода
 Здор
 Зймны
 Зимýсь
 Злоймка
 Злóбчесть
 Злы́нная
 Змеёвец

Знаток
 Зорóн

Зуёк
 Зыбún
 Зыск
 Зысковать

— хутор.
 — передавать просьбу в устной форме.
 — заржаветь.
 — здоровяк.
 — заблудиться.
 — плохо спать что-либо.
 — переборщить.
 — заездить.
 — невзрачный.
 — зарастающее озеро.
 — застрять, завязнуть.
 — насиженное яйцо.
 — заваливать непосильной работой.
 — притеснять, не давать.
 — запаковать.
 — запутать.
 — жадность.
 — глубокий снег под берегом.
 — место, где находится кухонная утварь.

— небольшая снежная гряда.
 — спокойный участок воды.
 — внебрачный ребенок.
 — присвоить.
 — отхожее место.
 — громко смеяться.
 — запататься.
 — захиреть, захряснуть.
 — черная оспа.
 — зашуметь, заволноваться.
 — подъем с речной переправы.
 — морская (светлая) вода.
 — оленье сало.
 — зимнее жилище.
 — прошлой зимой.
 — ненавистница.
 — напасть, несчастье.
 — остатки, отходы.
 — наваричий, гнойное воспаление надкостницы.
 — знахарь, колдун.
 — неправильно связанные, перепутанные ячеи у сети.
 — морской кулик.
 — тонкое место, трясина.
 — упрек.
 — упрекать.

— II —

Иверень
 Излáдить
 Измадéльный
 Измóрхаться

— большой кусок, большая часть чего-либо.
 — исправить.
 — несвежий, протухший, измученный.
 — похудеть, подурнеть.

Изполошítь
 Икраница
 Ик-да нету

Илуга

Инде
 Исказовáться
 Исподка
 Иссельной
 Исто́к знать
 Истопель

Кабуть
 Кавардák
 Калавуж

Кáлтус
 Кáмень
 Камлэйка
 Канкár
 Канйце
 Каравáшка
 Караулка
 Кáрбас

Каргá
 Кáржевина
 Кастёрка
 Кáра
 Карáнить
 Карáться
 Карлук

Кéкур
 Кíбас
 Кидыра́н

Кíла
 Кíнара

Кирбён
 Китáх

Китычóк
 Кислóй
 Кйча
 Кишка
 Кладипёц
 Клевкí
 Клеск
 Клийать

— напугать.
 — каша из икры.
 — применяется в значении: не дал ответа, не отреагировал.
 — выражение зависти («Илуга! Он новые часы купил»).
 — в другом месте.
 — издеваться.
 — меховая подкладка у рукавиц.
 — натуральный, настоящий.
 — знать причину чего-либо.
 — одна топка дров.

— K —

— здоров.
 — кушанье из жареной мятой рыбы.
 — небольшой мешок для мелкого хозяйственного инвентаря.
 — равнина, мокрый луг.
 — горный хребет, каменистая гора.
 — верхняя дорожная рубаша.
 — дорожная сумка.
 — песочная нора.
 — твердая кожа.
 — тюрьма.
 — большая лодка для рыбного промысла.
 — а) полуостров; б) остов лодки.
 — ржавчина.
 — молодь осетра.
 — мука.
 — ругать.
 — мучиться.
 — осетровый пузырь, из которого делают клей.
 — каменная скала в виде столба.
 — грузило.
 — деревянная серпообразная дуга с зубьями, при помощи которой мнут кожи.
 — геморрой.
 — веревка, которой привязывают коньяль к полозу.
 — поплавок-чурочка.
 — деревянное корытце, на котором раздельывают рыбу.
 — шалаш.
 — гнилой.
 — пороша, снегопад.
 — длинное, узкое озеро.
 — мерян.
 — черви, опарыши.
 — рыба слизь.
 — звать.

Клипина — топляк.
Кляч — толстая бечева.
Коба — бугор на берегу реки, образованный ледоходом.
Кокбра — коряга.
Коловратный — необщительный, гордый.
Кболъе — простудное заболевание.
Коломина — колонна.
Комбчка — лоскуток цветной материи.
Кбнопотъ — конопатка.
Кбнцы всякие — странности в поведении человека.
Кботно — снежно, туманно.
Кбпотъ — снежная пыль.
Кбрас — шест.
Коржевина — ржавчина.
Кбрмщик — рулевой.
Корневая вода — второе водополье от таяния горных снегов.
Корневой — коренной.
Корольки — бусы.
Косаца — висок, часть черепа от уха до лба.
Кбска — кость.
Кбска бравая — красивая фигура.
Косоплётка — ленточка, тряпочка, вплетаемая в косу.
Коспбх — земляной шалап.
Краски — менструальная кровь.
Кратка — высокий кузов у нарты.
Кратчи делать — совершать что-либо тайно.
Крениъ — обращенная к югу смолистая часть дерева. Из крениа делали полозья и луки.
Крепиться — стараться.
Кружать — блуждать.
Крупашка — куропатка.
Кривуля — изгиб реки.
Крыльда — лопатки у человека.
Кубул — копыл, стойка, соединяющая полоз нарты с ее верхней частью.
Кубулка — деревянная подставка под струны у балалайки.
Кузлб — изделия кузнечного ремесла.
Кукашка — меховое полупальто.
Кулига — залив озера.
Кулика — клюшка, при помощи которой гоняли деревянный шар при игре «куликание».
Куликание — древняя игра наподобие хоккея.
Култык — тупик.
Кулумшане — колымчане.
Кулумшанин — колымчанин.
Кумельгой спать — спать не раздеваясь.
Кумоха — лихорадка.
Кунелга — палка, за которую привязывают силос для ловли куропаток.

Куреньга
Куржевина
Куркулей (-ка)
Курма
Курья
Кусара
Куском обносить
Кутага
Кутерьга
Кухлянка

— ободранная тушка песка.
— иней.
— нелюдимый человек.
— куртка, полупальто.
— речной залив.
— чуб.
— не поделиться пищей.
— плетеный кузов нарты.
— вьюга, непогода.
— двойная зимняя одежда.

— Л —

Лабаз
Ладить
Лайда
Лампасея
Ланской
Ласно
Лахтак

— надстройка на столбах для хранения продуктов и вещей.
— ремонтировать.
— сточное озеро.
— монпасея, леденцы.
— прошлогодний.
— вероятно, вроде бы, видимо.
— большая часть площади (шкур, материала, бумаги).
— нечто очень маленькое, мелкое, отсюда и слово «лебезить».
— лев.
— детская игрушка в виде деревянного кружка.

Лебезъ
Лев-зверь
Легковётка

— несвежая.
— плочка с рыбьим жиром, в которой лежит горящий фитиль.
— грубо обработать дерево.
— хороший бегун.
— стебель табака.
— мышца шеи.
— летнее жилище.
— ценок, родившийся летом.
— прошлым летом.
— бабочка.
— сонливо.
— быстро, громко.
— находиться в сонном состоянии.
— сонливость.
— большой поплавок, который привязывается над мотней невода.

Лежалая рыба (мясо)
Лейка

— в прошлом году.
— годовалый теленок.
— одежда.
— зеркальная гладь воды, штиль.
— лужа
— мокрое место.
— неповоротливый.
— учащенно дышать.

Лекания сбить
Лёккой
Лемешина
Лён
Лётна
Летняк
Лётось
Липбк
Лихо
Лихоматом
Лихоститься
Лихбта
Лбгда

Лонись
Лоншак
Лбпотъ
Лоск
Лыва
Люша
Ляжжой (о человеке)
Ляхтеть

Магазѣя
Мазáнка

Майдáн

Макáрша
Ма́кун
Малаха́й
Малка́н
Ма́ма

Мандáрка
Маня́ло
Ма́рево
Маркита́нт
Марты́шка
Матау́с
Мату́ха
Махна́шка
Машкара́ты
Межеу́мок
Межу́ток

Ме́кать
Ме́кешиться
Меледа́ть
Ме́режа
Ме́стоваться
Ме́тать сеть (невод)
Ме́титься
Мизги́рвы сети
Мизги́рь
Мичи́к

Могу́н
Молонья́
Мо́льча
Мо́нный
Мост
Мостальга́
Мотня́
Мугу́лёк

Мудра́ться
Мудро́ный
Мудро́сть
Мужичо́к
Мутыро́к
Мучиле́к
Мя́гкая рухлядь

- магазин.
- кашница из прокисшей рыбьей печени.
- а) круг, образованный участниками картежной игры;
- б) площадка среди чего-либо.
- змеиный корень.
- багор.
- меховая шапка-капор.
- годовалый олень.
- ласковое обращение к младшей по возрасту.
- замша из шкуры нерпы.
- содержимое желудка животного.
- сухой туман, дымка.
- мелкий торговец.
- вид чайки.
- крепкая толстая нить.
- самка песца.
- кусок шерсти.
- ряженые во время святок.
- воловничатое решение или действие.
- интервал, период времени, разделяющий что-нибудь.
- ударять.
- быть в нерешительности.
- медлить.
- вручную связанная часть невода.
- чудачить, фокусничать.
- закидывать, ставить сеть (невод).
- целиться.
- паутина.
- паук.
- мелкий лед, плывущий после ледохода.
- живот.
- молния.
- вовсе.
- странный, особенный.
- деревянный пол.
- кость ноги.
- потолочная балка.
- мешочек для хранения нагрудной иконки.
- хитрить.
- хитрый.
- хитрость.
- самец животного.
- маховая часть крыла птицы.
- птичий желудок.
- мех, пушнина.

Наби́ть до утопу
Набо́й
Навалиться́

Наве́тки давать
Навидю́шку выходить
Нагни́тки
Нагосто́
На́ горло идти
Наде́яние
Наджáбить
Надолонка́
Надрéвливать
Надса́да
Нажи́ток
Назгал́ делать
Наипáче
Найдúшка́
Накликáть

Накóлка
На кúкорках
На ма́чѣ сидеть
Напáлок
Напáрье
Наперкаше́рье делать
Наперпúчо
Напербе́м бежать
Напéтаться
Наплáв
Напога́д пустить

На полéтиях хватать
На поро́г ставить
На постóе стоять
Напрóк
Напрóметаж спать

Напрохо́д вернуться
На развѣжа́х сидеть
Нарахчи́ться
На́рва

Наро́ком
Наряжа́ться
На́ снег садиться
Настова́ть
Натака́ться
На те́х порах
(о женщине)
На това́рици кликать
Натодéльно
Натóбтом
На тра́вушку упасть

- наполнить до краев.
- нижние доски борта лодки.
- перевернуться в лодке, упасть из нее в воду.
- намекать.
- выходить из рамок приличия.
- меховая оторочка у сапог.
- возможно.
- вести себя агрессивно в споре.
- страшилище.
- ушибить.
- нашивка на ладонь рукавицы.
- говорить чепуху.
- забота.
- нажитое добро.
- делать некачественно, плохо.
- тем паче.
- находка.
- вызвать на спор, на состязание, на обмен.
- головной убор замужней женщины.
- на короточках.
- находиться в ожидании чего-либо.
- палец перчатки.
- бурав.
- делать наперекор.
- на перепутье.
- идти наперерез, наперехват.
- плотно одеться.
- большой поплавок.
- испортить, привести в негодность, разорить.
- ловить на лету.
- выгонять из дому.
- квартировать.
- на будущий год.
- спать влетом, то есть ногами к изголовью друг друга.
- скоро вернуться.
- равносильно: сидеть на чемоданах.
- намереваться.
- аккуратный выруб на дереве, куда вставляется клин.
- умышленно.
- собираться в дорогу.
- прийти на новое, необжитое место.
- выраживать, выхаживать.
- случайно найти что-нибудь.
- перед родами.
- приглашать в компаньоны.
- специально, с умыслом.
- на четвертый день.
- родиться.

На узну́чах стоять — стоять неустойчиво, на весу.
 На ушу́ю посадить — обмануть, поставить в безвыходное положение.
 Наха́лищю — чехол ружья.
 На хвасню́ делать — делать напоказ, на похвалу.
 Начерёпок — верхний венец сруба
 Начоко́таться — плотно одеться.
 Начумари́ться — нахмуриться.
 Наше́сть — сиденье в лодке.
 Небе́сной (о ребенке) — озорной.
 Невдоно́с сказать — сказать невнятно.
 Невьём ружью́ — расстояние, большее прицельной дальности ружья.
 Не да́й не вынеси — выражение передает состояние беспомощности.
 Недарова́ — не зря.
 Недола́дом — стремительно.
 Недоце́сок — песортовой песок.
 Недресь — шкура оленя.
 Нездоро́вая (о женщине) — беременная.
 Не́йм (о собаке) — собака, которая не дается в руки.
 Нека́ть — плохое скольжение полозьев нарты.
 Нелё́стно — много, очень много.
 Неми́ня — буря, ураган.
 Немога́ть — болеть.
 Немосно́й — больной.
 Не то́лковать — не понимать.
 Неприме́рный — несоразмерный.
 Не слы́шать — не понимать другой язык.
 Не хаба́риться — не рисковать.
 Нехри́сть — а) нечисть; б) нелюдимый, грубый человек.
 Ни к чему́ да не применить — ни с чем не сравнимо.
 Ни́шю (днйще) — расстояние, равное 10 километрам.
 Ногто́ёд — изуродованный ноготь.
 Норы́ло — длинная тонкая жердь, при помощи которой растягивают сеть под льдом.
 Но́рка — поздри.
 Норня́к — детеныш песца.
 Нос — далеко выдающийся мыс.
 Ноче́сь — прошлой ночью.
 Ночле́г — охотничья избушка.
 Ну́жный человек — нуждающийся, бедный.
 Ня́мгаться — капризничать.
 Ня́мгу́н — каприза.
 Ня́ня — а) старшая сестра; б) обращение к старшей по возрасту.
 Ня́пуг — пип на копыле, которым он вставляется в полоз нарты.
 Ня́ша — ил, вязкое место.

Обедня́к — юго-западный ветер.
 Оберну́ться — принять другой облик, превратиться во что-нибудь.
 Обза́рчиться — войти в раж.
 Обы́голо — обсохло.
 Обла́вить — окружить.
 Областо́й (о ребенке) — проказник, хулиган.
 Облата́ниться — обмануться.
 Ободве́рина — дверной косяк.
 Обоко́пье — оконный косяк.
 Обо́ры — завязки у сапог.
 Обу́тки — самодельные сапоги.
 Ови́читься — насытиться.
 Оги́беть — изгиб реки.
 Огни́це — остатки костра.
 Ого́нь угасить — остаться без хозяйки дома.
 Огоро́д — низенький заборчик из тальника или снега с несколькими воротцами. где устанавливаются силки для ловли куропадок.

Оди́гу не давать — не давать покоя.
 Оди́о смека́ть — преследовать одну цель.
 Одо́лить — пересилить, побороть, свалить.
 Ожи́г — деревянная кочерга.
 Ожи́гом ходить — добросовестно выполнять кухонную работу.
 Озно́биться — обморозиться.
 Озо́йно — громоздко.
 Озо́рко — жутко.
 Оклепа́ть — оговорить.
 Око́леть — озябнуть, замерзнуть.
 Око́латься — привыкнуть к необычному, трудному, притерпеться.

О́колотепь (о человеке) — упрямый, недалекий.
 Око́лтыш — одиночна.
 Око́бчина — оконная рама, обтянутая налимьей кожей.

Окорпо́ваться — укорениться, осесть, обжиться.
 Олгу́й — большой котел.
 Ома́лить — уменьшить.
 Ома́лызговаться — нетвердо верить во что-либо.
 Ома́рачивать — превращать из одного состояния в другое путем колдовства.

Онеме́нись — на днях, недавно.
 Оне́зду — однажды.
 Опали́ть — открыть настежь дверь.
 Оплетáть — умело уговаривать, убеждать.
 Опо́ко — чрезмерно белое, чистое.
 Опри́читься — сильно пораниться.
 Опто́пок — изношенная подметка сапог.
 Опусты́ть оле́я (песца) — снять шкуру.

Осинёс	— прошлой осенью.
Осинёц	— глыба льда, выброшенная на берег во время ледохода.
Оскрѣбки	— трубочный сок табака.
Ослядь	— жердь.
Осблливо, осблница	— особенно, особенность.
Остраститься	— ужаснуться.
Отвагу давать	— оказывать помощь больному (возможно, от выражения «отводить болезнь»).
Отваживаться	— приводить в чувство, оказывать срочную медицинскую помощь.
Отгъркивать	— командовать упряжкой собак.
Отдѣрный (о ветре)	— ветер, дующий от берега.
От добра ума делать	— делать умышленно.
Отзывает	— поахивает.
Откликать	— командовать упряжкой собак.
Откуль?	— откуда?
Отляшить	— отделить большой кусок от целого.
Отменитой	— отменный.
Отсатить	— отрезать.
Очокбшить	— оглушить.
Ошаметь	— оробеть, растеряться.
Охальной	— большой.
Охлипеснуть	— ударить по лицу.
Охотиться	— хотеть, желать.
Охтó?	— кто?

— П —

Падать с голоду	— голодать.
Паёк	— ставной невод.
Пазух	— подмышка.
Пазух потерять	— лишиться супруга.
Пазушный дух	— запах подмышечного пота.
Пангял	— шпангоут в лодке.
Парка	— женская меховая рубаха.
Пáпоротки отбить	— избить, победить, одолеть.
Пáрить (о птицах)	— насиживать яйца.
Паровая одежда (кухлянка, дундук)	— двойная зимняя одежда.
Пасть	— песочная ловушка.
Пастник	— система песочных ловушек, расположенных на определенной территории.
Пáтри	— полки в сенах.
Пáужна	— легкий ранний ужин.
Паўт	— овод.
Пахать пол	— подметать полы.
Пѣжить	— душить.
Пѣло	— деревянный шаблон, на который натягивают шкурку песка для просушки.
Пѣнишек	— вертящаяся часть вертлюга.

Пеньки	— отростки новых перьев у птиц после линьки.
Перебрóр	— пережат, поперечная мель на реке.
Перевóдина	— боковая крайняя доска у нар.
Переженник	— пирожок.
Перѣнне место	— красный угол в доме.
Перѣння собака	— вожак упряжки.
Перетяга	— сеть, перетянутая с берега на берег.
Пермугировать	— переименовывать.
Персбóвица	— подвесная перекладина около печки, на которую вешают вещи для просушки.

Перст	— палец.
Пертужий	— выносливый.
Пертужина	— выносливость.
Перчѣс	— пеумность, непоседливость.
Перчѣсный	— егoза, непоседа.
Першекалдовать	— спорить попусту.
Пестёр	— корзина для переноски рыбы.
Печáтная высота (глубина)	— длина, равная росту человека с поднятой рукой.
Печйце	— остатки дома.
Пехбóвище	— рукоятка пещни.
Пипкендѣи	— икры ног.
Пичáнка	— печень.
Пичина	— обожженная глина.
Плáвко	— хорошее скольжение полозьев.
Плавóк	— поплавок.
Плѣки	— меховые дорожные ботинки.
Плйшечка	— пташечка.
Побёрдо	— кратковременная остановка в пути при езде на собаках.

Повалить	— уложить спать.
Повáрня	— охотничья избушка.
Повѣстрие	— грипп, инфекционные болезни.
Поводóк	— длинный ремень, к которому пристегивают собак в упряжке.

Повóр	— длинная веревка для упаковки вещей на нарте (на наш взгляд, это слово произошло от древнерусского «паврозь»).
-------	---

Погóда	— а) гриб; б) буря, ветер, непогода.
Погóда упала	— то есть начался ветер, буря и т. п. («Великая погода на море пала» — выражение древних мореходов).

Подбóй	— подкладка у верхнего платья.
Подгажáться	— пригодиться, быть полезным.
Подгóра	— берег реки под обрывом.
Поднажýра	— подстрекатель.
Подлáz	— подмытый берег.
Подорóжники	— продукты, приготовленные в дорогу.
Подтатúриваться	— приодеться в дорогу.
Пбвѣсть	— новостование о чем-либо.
Под видом баять	— прикидываться незнающим, наивным.

Поджигúливать	— подзадоривать, подначивать.
---------------	-------------------------------

Подзёр

Подпятная жила
Под себя костить

Позовóччу говорит
Полёмка
Полебёжиться
Покáйнуть
Поклón заказать
Поклón сказать
Покрóm

Полозница
Пóлом
Полорót (о человеке)
Понизнóй (о ветре)
Понява
Поновильником ушло
(о хозяйстве)
Понужáть
Пó плесу (о ветре)
Пóползень
Поползúха
Пóробень

Порошóнка
Портяная одежда
Портяно́е
Посбóый (о ветре)
Постель

Постóй держать
По талику́
По тáмошни баять
Потáчку давать
Потóпа
Потя́г

Представля́ться
Привётное имя
Приво́лока
Прижéток
Приздымáться
Призна́ка
При́зорко смотреть
Приклáдывать
Прилóg
Прилу́к
Приплéсток

Приплотíть
Приставáть
Пристáйна
Притама́нный

— подвесная кайма, украшение опуш-
ки одежды.
— ахиллесово сухожилие.
— о больном человеке, который не в
состоянии справиться свою нужду.
— говорить за глаза, оговаривать.
— хлебный нож.
— слегка перекусить.
— обогнать, оставить позади.
— передать привет кому-либо.
— передать привет от кого-либо.
— поясок, которым завязывают ребен-
ка при пеленании.
— еле различимый след нарты.
— много.
— разния, зевака.
— дующий вдоль по течению.
— длинная, не по росту одежда.
— разорилось, досталось разным лицам.
— попускать.
— дующий против течения реки.
— человек маленького роста.
— скользящий узел.
— верхняя часть борта лодки, корзи-
ны («Наполнить до поробня»).
— песчинка.
— одежда из ткани.
— тканое.
— попутный.
— шкура оленя зимнего убоя, исполь-
зуемая для подстилки.
— содержать постоянный двор.
— по секрету.
— изъясняться литературным языком.
— потакать.
— половодье.
— длинный ремень, к которому присте-
гивают собак в упряжке (см. по-
водок).
— симулировать.
— прозвище.
— конец топи.
— побочный ребенок.
— приподниматься.
— личное клеймо.
— пристально смотреть.
— придумывать.
— предание, легенда.
— высокий берег реки.
— береговая полоса песка, покрытая
льдом.
— плотно подогнать что-либо.
— заступаться за кого-либо.
— утреннее притонение.
— закадычный,

Притартáнить
Притím смотреть
Притка прикинулась
(о человеке)
Приторомкость
Прихеля́ться
Прихлáмастия
Проглáсница
Прóдух

Прóйма
Промы́шленник
Пропáсть (о собаках)
Протíвное слово

Противнóй (о ветре)
Прохонну́ю
Прóшва
Проюл́ить
Прудило́

Пряденó
Пúженка
Пупка
Пустобáй
Пустóй

Пúсто мéсто баять
Пятá

Радéтельный
Разбóй

Раздробíться
Разлóg
Разматерéть
Разнобойри́ца
Разнорýбица
Разноха́ем ходить
Разоры́ть
Ражёнъ

Ра́ковистый
Распóблика

Растереслáсь
(о женщине)
Рáтовье
Ребóйна
Резу́н

— притащить
— внимательно разглядывать.
— болезнь, необратимый процесс в ре-
зультате ранения.
— приторность.
— прикидываться, симулировать.
— присвоить.
— тембр голоса.
— отверстие во льду, сделанное мор-
ским зверем.
— петля у рукавиц.
— охотник-промысловик.
— подохнуть.
— возражение, слово, сказанное папе-
рескор.
— встречный.
— сильно, всюду.
— кант.
— промотать.
— остол; палка, при помощи которой
останавливают упряжку собак.
— круто ссученная нить.
— черт.
— рыбе брюшко.
— краснойбай.
— один только, только лишь («Дома му-
жиков нет. Остались пустые бабы»).
— пустословить.
— щип, на котором вращается дверь.

— Р —

— старательный.
— участок реки, где много отмелей, пе-
рекатов, островов.
— обессилеть.
— низина в горах.
— поправиться, растолстеть.
— беспорядок, неразбериха.
— пересортица, несогласованность.
— ходить неаккуратно одетым.
— добыть много рыбы (песца).
— веретело, на котором жарят мясо
или рыбу на костре («Не было ко-
телка, гуся на ражне жарили»).
— коренастый.
— беспорядок (термин, видимо, укре-
пившийся при содействии полиции).
— родила.
— деревянная часть копья.
— остов лодки.
— тонкая острая весенняя корка сне-
га, которая режет ноги собакам.

Рекостáв
Рóвдуга
Рóвня

Родíмница
Рóдина
Родíн
Рóмжина
Рубежóк
Рубудéл

Ругáтельный (-ца)
Ружéйник
Руки пéриком стоять
Руковéтка
Рукодéльный
Рыболóвка

— время замерзания реки.
— замша.
— а) люди одного возраста, сверстники;
б) люди одинакового достатка, равного общественного положения.
— роженица.
— родня.
— родственник.
— перекладина, стягивающая плот.
— зарубок.
— сруб на сваях, для хранения различного инвентаря.
— неуживчивый человек.
— хороший стрелок.
— стоять держа руки на поясе, фертм.
— рукоятка.
— мастеровой.
— шумовка.

— С —

Сáдко
Сáдок

Сáйба

Сáло
Саморúчно
Сáвки
Сáрай
Сáры
Сатá

Сбáяться
Свал
Свáра

Свежинá
Свётцы
Связки
Сдаме́кнуться
Сдóхи отбить
Сéльница

Селя́нка
Сéндуха
Сéндушный
Сéнуть
Сéрдце не радéет
Сéрить

Сили́к
Сили́чик
Сили́нка

— ударить сильно, с насадой.
— расстояние между привязанными грузилами или поплавками сети.
— надземное сооружение из дерна для временного хранения рыбы.
— гол («Мы два сала забили»).
— самовольно.
— нижняя челюсть.
— навес, под которым сушат рыбу.
— сапоги из конской кожи.
— камень, осколок метеорита, якобы обладающий магическими свойствами.
— сговориться.
— нарост на стволе дерева.
— ремень, при помощи которого собака пристегивается к потягу.
— свежая рыба.
— деревянный календарь.
— завязки у шапки.
— догадаться.
— отбить легкие (при драке).
— деревянная вапnochка для разделки рыбы.
— тушеное мясо в виде крошева.
— тундра, природа.
— лесной, хозяин тундры.
— получить небольшую трещину.
— нет желания.
— замазывать швы лодки лиственничной серой.
— целина.
— щепотка табаку.
— осколок фарфора.

Сáло
Силодéром
Симíлка
Симилу́ бить
Скáзки
Скаля́шина
Складывáть
Скомодвэ́рье

— силок.
— самовольно.
— закуток.
— суетиться, активно проявлять себя.
— разговоры, новости.
— полено.
— сочинять.
— приспособление в виде двух складывающихся бревен, при помощи которых мнут кожи.
— собаки.
— ударить по лицу.
— оскорблять.
— понимать другой язык.
— сразу.
— сор в избе.
— беспокойно, тревожно.
— снежная каша.
— умысленно.
— мягкая сердцевина кости.
— полностью.
— сдвинуться, отъехать, начать движение.
— северное сияние.
— встречаться в условленном месте.
— копура для собаки.
— ружейный ствол.
— тень.
— даже («Он стоесь к брату не зашел»).

Скот
Слевнúть
Слова́ми обно́сить
Слэ́пшать
Сма́ху
Сметьё
Смúтно
Снежинáца
Снорóком
Сбза
Солкóм
Спихнúться

Сполóхи
Стакáться
Стая, ста́йка
Ство́лйна
Стень
Стбесь

Сток
Страсть
Стра́фиться
Стрélить
Стрэски
Строгани́на
Струж
Студенó
Стукотóк
Ступни́
Сты́дко
Сты́дкóй
Сукушэ́р

Сумареть
Супэ́рик
Суптэ́льный (о вещи)
Суту́га
Суту́нок
Сутуры́

— восток, восточный ветер.
— ужас.
— случайно встретиться.
— выстрелить.
— буквально, совершенно.
— кушанье из свежемороженой рыбы.
— рубанок.
— холодно.
— продолжительный стук.
— лестница.
— некрасиво.
— некрасивый.
— ноша, привязанная к спине для переноски на большое расстояние («Ушел с сукушером», то есть «Унес поклажу на себе»).

— облачность.
— перстень с камнем.
— миниатюрный.
— верхний ободок ведра.
— звено, составная часть чего-либо.
— короткие, до колен, меховые шаровары.

Сушѣдко
Схѣдни
Сѣзнаково
Сѣзподтиха

Тажна
Тайбола
Тайница
Такать
Талина
Тамар
Тамока
Тамошний

Тарамгаться
Тарбей
Тахтитесь
Тельно

Тельный
Теплешь
Теплый сток
Типь
Тодельная (вещь)
Токать
Толковать
Толмач
Толмачить
Толмить
Тоня

Тор
Торбоски

Торбоса
Топшоб
Тренок

Тренущая (о рыбе)
Троесподный
Тропка
Трубочица
Трухавый
Тубурка
Туктуй
Тул
Тумтаречка

— мифологическое существо, добрый дух домашнего очага,
— трап.
— делать все сначала.
— исподтишка, постепенно.

— Т —

— тогда.
— далекая необитаемая глушь.
— задумчивая подруга.
— поддакивать, соглашаться.
— прут тальника, ивы.
— стрела с деревянным набалдашником.
— там.
— а) приезжий из Центральной России;
б) цивилизованный.
— настойчиво стремиться к чему-либо.
— птица, поморник.
— топтаться на одном месте.
— кушанье из толченой и жареной рыбы.
— упитанный.
— теплота.
— юго-восточный ветер.
— спокойный плес реки, заводь.
— специально предназначенная.
— биться, пульсировать.
— понимать.
— переводчик.
— переводить.
— постоянно повторять одно и то же.
— а) песок, вдоль которого закидывают невод;
б) процесс закидывания невода («Сегодня мы две тони кинули»).
— укатанная дорога.
— сапожки, которые надевают на пораненные лапы собак.
— меховые сапоги из оленьих лап.
— душло, пустота.
— а) тренога; б) ремень для спутывания лошади.
— трепещущая, живая.
— огромный, великий, глубокий.
— пробка.
— меховая затычка трубы камелька.
— печальный.
— деревянная застежка.
— топор-колун.
— колчан для стрел.
— вазиобушка.

Тунтай
Тусач

Тыган

Тычка
Тычины

Тюка
Тятя

Уббй
Уброт
Угах

Углуха
Угор
Угробать
Уда

Удалой
Удобариться
Удоганка
Удушье
Ужа
Ужетить
Уледи
Улово

Умекать
Ум кататься

Ум терять
Упалой
Упасть
Уповедь
Упруг
Упуван

Ураса

Урос
Уросить
Уросливый
Урох
Ускорно
Уставчик
Утमितься
Утолока
Утопель

— маленький деревянный бочопок.
— нитка для привязывания грузил или поплавок к сети.
— кусок холста, на котором разделяют мороженую рыбу.
— код, за который привязывают сеть.
— колья, к которым привязывают ставной невод.
— предел, конец («Досидели до тюки»).
— ласковое обращение к младшему.

— У —

— плотный снег.
— глубокий рыхлый снег.
— место около печки, где хранится кухонная утварь.
— тьма.
— крутой берег.
— приобрести, достать, выпросить.
— деревянная спица с наживой, при помощи которой ловят налимов.
— работающий.
— справиться, осилить.
— шаманка.
— грипп.
— погоди, постой, ну-ну.
— высмотреть, выследить.
— неаккуратно шитая обувь.
— место на реке, где устанавливают сети.
— избить.
— быть в нерешительности, неуверенности.
— а) сойти с ума; б) безумно любить,
— исхудалый.
— внезапно начаться («Погода упала»),
— долгий отрезок времени.
— шпангоут у лодки.
— нижняя часть подола у одежды (см. подзор).
— промысловая избушка пирамидальной формы.
— каприз.
— капризничать.
— капризный.
— затупившийся нож.
— срочно.
— мастер, прораб строительных работ.
— уставиться (глазами, взглядом).
— утоптанное место.
— топляк, утонувшее дерево.

У́тре — завтра утром.
 У́тресь — сегодня утром.
 У́точье гнездо — созвездие Плеяд.
 У́тунга — торф.
 У́тури́ть — оглушить.
 У́тури́ться — упасть оглушенным.
 У́хом да не вести — не слушаться старших, не подчиняться.
 Уху́ла — критика.
 Уху́льничать — критиковать.
 У́чка — учеба.
 Учу́ствоваться — очухаться.
 Ушкán — заяц.
 Ушкánина — заячья шкура.
 Ушóмгаться — успокоиться, утихнуть.

— X —

Хаёс — деревянная лопата.
 Хáлoный — обожженный.
 Хáлить — обжигать.
 Хáльки распускать — губы надувать.
 Хáля — гарь, обгорелая часть чего-либо.
 Хáля — хныкать.
 Хапóкать — восклицание, выражающее сожаление («Песец из капкана убежал. Хареее!»).
 Харéен! — слюна, мокрота.
 Харкóля — старая, изношенная одежда.
 Хармáншка — юкола, приготовленная из крупной рыбы.
 Хахтá — похвальба.
 Хвасня́ — отремонтировать старую одежду.
 Хвойтá — старая заплатанная одежда.
 Хвой — болеть.
 Хворáть — травянистое болото.
 Хво́ц — сильный мороз с ветром.
 Хйвус — хныкать.
 Хйнькать — быстро.
 Хлéстко — шататься, быть неплотно закрепленным.
 Хливикáть — слабозольный, болезненный человек.
 Хлибкóй — скелет птицы.
 Хлупка — плотно сети.
 Хóбот — передвигаться на четвереньках.
 Хóдiть на четырёх кoстях — ловелас.
 Хóдiк — бедро.
 Хóлка — мелкий плавник, прибитый речными или морскими волнами к берегу.
 Хóлу́й — дом, жилище.
 Хóрoмина — лохматая собака.
 Хохóл — хрустящий.
 Хрущкóй — весенний лед на реке, озере.
 Хубу́р

Худобá

Худоóственный (о человеке)
 Худóй сток
 Худóй ум
 Худоóмный
 Худу́ю крову́ надернуть

— а) болезнь, хворь;
 б) несчастье, злой рок.
 — человек с плохим аппетитом.

— северо-восточный ветер.
 — мрачные мысли.
 — вспыльчивый человек.
 — рассердиться, перемениться в лице.

— Ч —

Чáжй
 Чáйкой падать
 Чáндáлы
 Чáсовáть
 Чáхловáтый
 Чáщйна
 Чáяшник
 Чéволдáш
 Чéкóшка
 Чéкуня́шка
 Чéлепень
 Чéловéчин
 Чéмодáн
 Чёрва
 Чёрвотóчина
 Чёрёт ли
 Чéрез говорить
 Чёрень
 Чётвэ́рть косая
 Чётвэ́рть простáя

— меховые чулки.
 — жадничать.
 — остатки жилищ древних юкагиров.
 — быть при смерти.
 — болезненный.
 — тонкое сухое дерево.
 — шкурка несортного песка.
 — нарост на дереве.
 — колотушка для рыбы.
 — очень маленький, микроскопический.
 — толстый, упитанный человек.
 — зрачок.
 — шкура нерпы.
 — червь.
 — небольшое дупло в дереве.
 — чуть ли.
 — проявлять неуважение, бестактность.
 — рукоятка ножа.
 — длина, равная расстоянию между большим и средним пальцем руки.
 — длина, равная расстоянию между большим и указательным пальцем руки.

Чешу́я да не прильнула
 Чибишóк
 Чигиркáть
 Чигили́ дать
 Чикáнить
 Чимёр
 Чистотка
 Чóпка
 Чубáрко
 Чубу́к
 Чувáл
 Чувáвка
 Чум

— выражение, близкое по значению к словосочетанию «мартышкин труд».
 — кончик носа, макушка.
 — скрежетать зубами.
 — броситься наутек.
 — мочиться.
 — зад (человека или животного).
 — чистюля, чистоплотный человек.
 — глубь, подводная яма.
 — собака серой с пятнами масти.
 — большая курительная трубка.
 — камин, камелек.
 — инструмент для выдалбливания.
 — мешок особого покроя для складывания вещей на нарте.
 — приблизиться на короткую дистанцию, лицом к лицу.
 — играть в жмурки.
 — любимая женщина, зазноба.

— Ш —

Шабарчэ́ть

— шуршать,

Шáбиш	— багаж.
Шáгла	— жабры.
Шáеть	— глеть.
Шаровáры	— меховые дорожные штапы.
Шархали	— сосульки.
Шарчэть	— журчать.
Шаткарý	— дорожные меховые ботинки, подошвы которых сделаны из оленьих щеток.
Шахаткí	— позвонки.
Шевелить	— а) слегка двигать что-либо; б) вмешиваться в чьи-нибудь дела, приставать к кому-либо; в) заигрывать, любезничать с женщиной.
Шелóник	— юго-западный ветер.
Шéпетко	— красиво.
Шеречóк	— щепочка.
Шибíнка	— щепка.
Шибíшняк	— шиповник.
Шíвер	— подводный камень.
Шигири	— мелкие стружки.
Шимáх	— пучок конских волос.
Ширбéть	— зудиться.
Шитнiца	— икусная швея.
(о женщине)	
Ширóничк	— горделивый, хвастливый человек.
Шбýда	— деревянная нахлестка на полозьях.
Шбркать	— гладить, массажировать.
Шулюкáп	— демон, дух, живущий в воде.
Шухúма	— зря, напрасно.
Шухúмиться	— шуметь, суетиться.
	— Щ —
Щéрба	— уха.
	— Э —
Эдакой да эсякой	— такой-сякой.
Эконóмка	— любовница.
Эстóлько	— столько.
Этта	— здесь.
	— Ю —
Юкать	— глухо стучать.
Юкола	— копченая и вяленая рыба, приготовленная особым образом.
Ютéть	— издавать глухой гул («Земля ютит — батырский конь бежит»).
Юрта	— изба, дом.
Юхáла	— вяленая рыба, идущая для привады песцов.
	— Я —
Ямарiна	— глубокая яма.

Приложения

Этнографический рассказ

Это было в 1932 году. Подъехали мы к Русскому Устью с реки, поднялись на угор и прямо к избе тет-ки Апасени. Поднялся на все голоса собачий лай. Каюр, выше среднего роста, с рыжими усами, быстро притормозил нарту прудилом и командой: «То-оо!».

Собаки остановились, высунув большие языки, с которых капельками стекала слюна. В это время из избы вышел плотный, лет тринадцати мальчик и, быстро подбежав к упряжке, поймал за передний поводок и привязал собак за кол. Только после этого, отбежав в сторону, громко поздоровался:

— Здорово, дядя Егор! Как тебя собаки-то закопотили! Ну и хлестно яхали Вы, я Вас на стрелке увидел, не успел глоток чаю выпить, Вы уже причапали.

— А, здорово, Мишенька!

Мишенька поздоровался со мной и помог мне и дяде Егору снять куклянки. На улице было привязано несколько собачьих упряжек, но внимание дяди Егора привлекала одна из них, и он с нескрываемой завистью спросил:

— А я, брат, чьи это такие шепеткие собаки?

— Это нашево дяди Вани.

— Каково дяди Вани, Замааря что ли?

— Нет, дяди Вани — Такишка.

— То-то, смотрю, собаки-те подборные и нарта-та шепеткая, просто выкатаная. У него чево худые будут! Он не нам чета человек.

— Вот-та собака-та перення-та, черная, белошея, это щенок наш был, — сообщил Мишенька. — Лонись по второму алыку мама подарила ему. Шибко он хвалит эту собаку, говорит, откликается хорошо — прямо к задку прибегает и нарту оббегает приемисто, хоть по дороге, хоть по целику. Очень пертужая и отменно дорогу гонит.

Проходя мимо, Мишенька покликнул собаку: «Бантик, Бантик». Бантик поднялся и немного потянулся, приложил уши и помахал хвостом. Мишенька погладила его по спине. Собака была запряжена в алык из сыромятной кожи, покрытой зеленым сукном, а по бортам отделанной мандаркой. На шее у нее красовался красносуконный галстук с шеркунцом.

— Илуга! — с завистью только и произнес дядя Егор. — У меня эдаких собак и алыков вовсе никогда не будет.

Зашли в избу. Дядя Егор снял малахай, сунул его в подмышку и, дойдя до середины избы, остановился, глядя на иконы в правом переднем углу, перекрестился и только тогда произнес слова приветствия:

— Здоровоче!

— Здорово! Приходи! — ласково отозвалась хозяйка дома. — Ты ково привез, батя Егор, уполномоченного или ково другого? В темноте-то плохо вижу.

— Видно, шибко большого начальника привез, — сказал приезжий. — Портфель-от страсть большой.

Я сначала не понял, при чем тут большой портфель, но позже узнал, что в Русском Устье считали: чем больше начальник, тем большей величины должен быть у него портфель.

Тетка Апрашенья кому-то приказала снять трубочипу, нащипала лучины, ожигом расковыряла засыпанные в загнетке угли, стоймя поставила в чувал лучины, подожгла углями их концы, добавила несколько поленьев, и в избе воцарилось огненное варево, которое обдало светом все закоулки, донося до нас ласковое тепло.

В избу зашел Кешенька, братан хозяйки дома.

— Няня, — сказал он, — Кислевские и Шелоховские тоже вечерное затопили.

Хозяйка приготовила строганину, поставила соль, положила обрывок сетки, заменяющий салфетку, и пригласила нас к столу.

— Милости просим, гости дорогие, отведайте, не побрезгуйте, наше кушанье. Чем богаты, тем и рады.

Пили чай вприкуску с сахаром, с большим наслаждением и очень много. В это время в дом зашел мужчина среднего роста, смуглый, с рыжеватыми усами. Носил он суконное пальто на песцовом меху с бобровым стоячим воротником, черные, как вороново кры-

ло, камусные торбоса с нагнетками из росوماхи и с верхами, отделанными зеленым сукном.

Вошедший был явно навеселе. Он поздоровался с нами и поклонился хозяйке.

— Няечка моя золотая, не пообидишься на меня. Шуринок мой любимый, Гаврило Николаевич, видно, шибко меня ждал и от души меня угостил. Вот и пришел я маленько выпитой, а пил-то я всего две стопочки, но в голову вышло. Вот она, русская хмель!

Мишенька подсел ко мне и начал потихоньку рассказывать:

— Это и есть наш дядя Ваня Шкулев, по прозвищу Такишок. Про его собак мы и баяли у нарты. А Гаврило Николаевич в эту зиму в казенном доме постой держит. Видно, кто-то из эксплиццких выпивку привез, вот он и дал своему зятю маленько отведать.

Такишок между тем запел старинную песню:

Грозный царь Иван Васильевич,
Он копил силу ровно три года,
На четвертый год воевать пошел.
Стал он своей силушке наказывать:
— Ох вы, дети, мои детушки,
Развоенные мои солдатушки,
Нам горю идти — города не взять будет.
Вы копайте рвы, рвы глубокие,
Нагружайте лодки с товарами,
Не зовите меня самым царем,
А зовите меня купечешком богатеньким.

Присутствующие внимательно слушали и в такт покачивали головами.

Когда песня закончилась, дядя Егор обратился к Такишку: «Ваня, спой-да нашу любимую-ту». Иван с удовольствием запел. Егор и Кешенька подхватили. И полилась раздолжная русская песня:

Был я мальчик, был свободен,
Не знал я горя и нужды,
И все родные меня любили,
Избаловали как дитю.

Баловство меня сгубило.
Сбился я с правильной пути,
В одну негодную влюбился,
Наперекор своей души.

Она клялася и божилась
Своей неверною душой,
А я поверил, бедный мальчик,
Своей безумной головой,

Сижу вечернею порою,
Лампада тусклая горит,
Там за железною решеткой,
У часового штык блестит.

Я становился на колени,
Все я бога умолял,
Одна молитва оправдалась,
И я из замка убежал.

Да! Это было непостижимо, невероятно, необъяснимо! Здесь, на далеком глухом Севере, на берегу Ледовитого океана перед моими глазами, как во сне, встали картины далекой и Древней Руси. Но это было наяву.

В избе стало совсем темно. В чувале дрова догорали, оставалась светящейся только загнетка.

«Дука, золотце, затепли-да леечку», — обратилась тетка Апрашенья к старшей дочери, Дуся, восьмилетняя девочка, принесла закопченное блюдечко, налила туда каржевинку — протухший рыбий жир и, подняв подольчик своего платица, на голой коленочке стала из каких-то грязных тряпочек сучить шнурок.

Приготовив фитилек, смочила его в каржевинке, положила в блюдечко, кончик фитилька выдвинула за бортик и подожгла. Леечку Дуся поставила на дощечку — лопаточку, воткнув в столбик у передней стены. В избе стало светлее и теплее, так как Кешенька уже успел слазить на крышу и закрыть трубу чувала большой меховой затычкой — трубочицей.

Дядя Егор вдруг засуетился. Ему надо было позаботиться о своих четвероногих друзьях, хорошо их накормить, сделать снежную загородку от холодного шелонника. Кешенька заблаговременно для Егоровых собак приготовил вичь.

Я вышел прогуляться по заимке. В середине поселка стояло довольно солидное рубленое здание, обмороженное снаружи снегом, — это была школа, перестроенная из церкви.

Почти все дома были рублеными, но без крыш. На улицах ни души. Ярко светила луна, мерцало бесчисленное множество звезд. Лаяли собаки.

Вдоволь нагулявшись и изрядно промерзнув, я вернулся на ночлег. Домашних я застал за разговором о далекой старине. Рассказывал Такишок:

— Лонись летом около Успеньева дня яхал я на

ветке из Осколкова в Косухино. Вечерник был тихий. Солнце стало закатываться за землю, и от него краснота упала на воду. Ветра вохшу не було, только вода чуть-чуть шевелилась. Еду потихоньку, не тороплюсь. Стал подъезжать к Шиличевой, как раз напротив заката вижу: под угором у самой-те кромки воды сидит баба, лицом-те к воде, с большей-большой косой. Коса-то распущена на лицо и плечи, лица я не увидел, хотя и проезжал-то в трех-четыре сажнях от нее. Я сильно трухнул, понял, что пужает, прогреб не оглядываясь. Однако это була водяная хозяйка. Вот год прошел, а худого ничего не случилось. Винно, русалка була. Русалки-те — настоящие бабы только с рыбьими хвостами, так в старину баяли.

Тут вступил в разговор дядя Егор Шкулев:

— В третьем годе после насторожки пастей почевал я на Усть-Волчьей в Голыженской поварне. Приехал поздно, огонек затопил, чайник навесил. Слышу, одна собака бухает и бухает, думаю, чево ей прииделося. Вышел на двор, вижу: собака-та хвост-от поджала, ухи-те, как вилки, поставила. А собака-та була «четвероглазая». Другие собаки ничего не увидят, а «четвероглазая» собака пуженку, Сендушного или худово чукчу обязательно увидит. Я собаку-то из поводка выстегнул и привел в поварню. Попил чай, постелился, собаку-то у ног посадил. Лежал, лежал, и вдруг меня вроде задернуло, но чувствую, как собака дышит, вижу: в загнетке угольки мерцают. И вдруг как будто стужой обдало мое лицо, я открыл глаза и вижу: у дверей-те стоит большой мужик в волчьих сутурах, в ермолке, кушаком подпоясан, смотрю: бровей-то нету. Тут я домекнулся, знамо дело, Сендушной пришел. Я сильно испужался и вохшу не знаку, чево делать. Тут мне на ум пало, что у меня карты есть.

Карты-те я потехонько достал и на шесток положил. На него не смотрю — буюша. Из колоды я достал одну тrefку, повернул ее лицом-те к Сендушному, ударил ею о шесток и крикнул: «Кресты-козыри!». Тут у Сендушного потекли слезы, слюны, и стал он вроде задыхаться. Собака лает, а я кричу:

— Я тебя выиграл, я тебя выиграл!

Вдруг он заговорил тихим басом:

— Отпусти ты меня, чево хочешь дам.

В это время мне на ум пали рассказы стариков, как надо делать, и я сказал Сендушному:

— Уходи, черт с тобой! — и пнул собаку. Собака залаяла, Сендушный выскочил, за ним моя собака. Двери слетели с петель. В избушке стало холодно. Я надел шаткары, накинул пальто и в одних подштанниках вышел на двор. Двери валялись в пяти-шести шагах. Сендушный и собака убежали под запад. Я воротился в поварню, снаружи поставил маленький деревянный крестик, закрыл дверь и снова затопил огонь. Прилег, но до утра так и не мог уснуть.

В ту зиму я добул много песцов, даже счет потерял. Старики давно баяли, что наши знатоки с Сендушным знают. Гольженский и Шелоховский будто бы каждую зиму перед Новым годом с ним в карты играли.

Собака-та моя так и не воротилась, хорошая была собака, умная. Видимо, Сендушный ее увел.

Все слушали, не перебивая. Когда рассказчик умолк, Мишенька спросил:

— Наши, а Русская Хмель, это тоже баба-да? Анагдышь дедушка Микитушка мне говорил: ты, парень, водку не пей, но и Русскую Хмель не ругай. Буди станешь ее ругать, она найдет на тебя свою управу.

Вступивший в разговор Кешенька рассказал следующую историю:

— Один мужик прохонную ругал Русскую Хмель. Оннезду, когда мужик был один, пришла к нему баба вся в черном. Лицо ее было закрыто черной шалью. Пришла она к мужику и говорит: «Давай ростом померяемся». «Ладно, — говорит мужик — померяемся». Померялись. Оба ровные, как отрезанные. Баба говорит: «Пойдем со мной». Пошли. Пришли к амбару, она открыла дверь, а там большой сундук. Баба открыла крышку, легла в сундук и спрашивает: «Ну что, как раз?». «Как тут и було», — отвечает мужик. Она вылезла из сундука и говорит: «Теперь ты полезай». Мужик лег в сундук, а баба закрыла крышку. «Ху! Ху! — кричит мужик. — Открой, девка, мне душно!» — «А, а, душно, врешь, варнак, Русскую Хмель ругаешь, вот я и есть Русская Хмель, попался!» И она так и не открыла сундук-то. Мужик-от, анако, там и умер.

На другой день, управившись со своими делами, я заглянул в сельсовет. Зайдя в большую комнату, я услышал громкий разговор. Там находилось пять или шесть человек. За столом, покрытым красным ситцем, сидел высокий плотный мужчина. Это был председатель сельсовета Щелканов Семен, или Сентюр, как его здесь называли.

Перед ним стоял с обнаженной головой (кто бы вы подумали!) мой знакомый мальчик Мишенька. Его вызвали в сельсовет для «проработки». Тут же находилась и тетка Апрашенья.

— Ты почему с Яра силодером воротился? — допрашивал его Сентюр.

— Я маму и систришок тосковал, — еле сдерживая слезы, вымолвил паренек.

Оказывается, тринадцатилетний Мишенька был направлен ликвидатором неграмотности за девяносто километров, на самый отдаленный участок Яр. Побыл там около месяца и, стосковавшись, вернулся в Русское Устье. Теперь его отправляли обратно.

— Ты, парень, онако худо доспел, назад приехал, Это тебе не игрушка, а восударственное дело — людей учить грамоте. Ты скоро консомольцем будешь, а старших не уважаешь. Раз старшие заставляют, надо доспеть, как велено. На Яру и в Косовой двенадцать человек неграмотных, ты их должен научить читать и писать. Ты грамотный человек. Четвертую группу кончил.

— Может, Семен Николаевич, позвольте ему на ближних заимках людей учить. Яр-то шибко далеко. Маленькой он еще в такую тайболу ехать. Да и систришок он сильно жалеет, тосковать их будет, — кланяясь, робко проговорила Апрашенья. Но Сентюр был неумолим.

— Ты, Апрашенья, рассуждаешь как вредный элемент. А еще делегаткой була, в безбожники записалась! Никакой он, твой Мишка, не маленький, целый мужик. Скоро девок гонять будет. Я в его годы на своей нарте в Кулumu ездил.

Слышался голос Ваньки-Замарая:

— А, бра, чево он своего парня, Микуньку-ту не посылает? Он ведь одногодок Мишенькин и тоже четверную группу кончил. Да и в Косовой у него родина — дедушка и бабушка живут.

— Ты, Ванька, если не толкуешь, то вохшу не бай,— грозно сказал Сентюр,— моего Микуньку на Аллаиху кличут, он в РИКе будет работать. Раз я сказал, поедет Мишка к Яру, значит поедет. Будет жить там у старика Киприяна, а в Косову будет ходить пешком. Сукушерчик на спину и пошел! Туда всего полтора днища. Все! Баста!

— Тятя, не плачь,— уговаривала Апрашенья молча глотающего слезы сына,— чево будем делать, винно, надо яхать. Завтра дедушка Телега — Иван Феофанович туда едет. Я попрошу его взять тебя. Доедешь, писёмко мне напишешь, может, Кешенька тебя приедет проведать. А к Первому к маю мы тебя будем ждать.

Мне было искренне жаль славного и доброго Мишеньку, но таковы были обстоятельства того сурового времени.

Русскоустыинские байки

Давно на Алазее один старик жил, то ли чукча, то ли юагир. Имо-то Уппар. У, брат, страсть большой знаток бул. Чево скажет — все сбывается. Со Сендухой, как со своей матерю-ле, сестрой-ле, баял. Чево попросит, все Сендуха ему дает. Хочешь оленя — олень, хочешь песца — песец. Хочешь стужу — стужа упадет. Морок надо — морок натянет.

Оннежду весной, после Миколы, уполномоченный приехал. Заставляет на Алазею срочно для рыбзавода сетеснасти доставить. Стали меня да Егоршу Аришина посылать. Мы отказываемся ехать, ведь все кругом растаяло. Уполномоченный на нас рывкал да наган выдергивал. «Дело,— говорит,— военный заказ».

Поневоле поехали. Пятеро суток по снежной каше брели до Алазеи. Назад не знаем, как воротиться,— вохшу лето стало. Реки, как барабаны, вспухли, кругом вода, плавунчики плавают, плишечки поют.

Чево делать? Пошли к Уппару, а он на отшибе в полуверсте от займки в яранге со старухой жил. Самто по-русски брякнуть-да не знал, а старуха-то хорошо по-нашему баяла.

Де, пришли к ним в ярангу и баем: «Дедушка, крепись чиво-нибудь да доспей. Сату-ле, чево-ле спусти. Заперлися, не знаем как до Индигирки добраться».

Он посидел, помолчал и говорит: «Робята, вы севодня у меня ночуйте. Только чево-нибудь принесите огонечек покормить».

Де, мы воротились на факторию. Пошли к продавцу, еле-еле полбутылки спирта выпросили, мучку, сахарок купили да старику принесли.

Де, узну сварили, по стойочке выпили. Старик-от сначала три ложки спирта в огонь вылил да чево-то приговорел, потом едешку туда бросил да опять чево-то сказал.

Старуха нам толмачить: «Ребята, говорит, сейчас на улицу сходите, опростайтесь да ложитесь спать. Но до утра из яранги не выходите». Так и сделали.

Слышим, старик-от опять стал возле огня чево-то приговаривать, потом на улицу вышел да вокруг яранги долго ходил, потом стал свистеть и алахарить.

Утром встали, на улицу вышли: снег просто лах-таками валит. Потом, брат, северяк дунул — все коской замерзло. Вохшу зима пришла.

Ночью мы молча лехоматом уехали. До самого Русского Устья прудило из рук не выпускали.

Ну, брат, страсть опасный старик бул. Он ведь оннезду аллаиховского якута Аикана прилепил. Вот слушайте, как дело було.

Приехал Аикан на факторию, груз привез. А он ведь, зараза, хвастун и пустобай бул. Пришел он пьяный к Суздальским, а там Уппар сидел, чай пил. Аикан и стал его задирать да галица: «Ты, говорит, раньше шаманом бул, людей обманывал. Мы, говорит, тапере грамотные стали, шаманам да попам не верим». Старик-от на это слово-да не сказал, потихонько домой ушел. Ланно.

Наутро Аикан пустой нартой на двенадцати собаках домой на Аллаиху поехал. Спихнулся. Алазею-ту насилу переехал — нарта не катится, а на крутой берег подняться не смог. Нарта как будто по песку идет. Собаки в упор тянут, ни с места. Аикан собак драл-да, драл-да, попустился подняться на угор. Сам просто в пень пришел. К вечеру собак на той стороне бросил, а сам пешком воротился. Не заходя на займку, прямо

направился к Ушпару в ярангу. Пришел и на колени перед ним упал — прощения просил.

На другой день спихнулся, нарта покатила, рысью уехал.

* * *

Мой-то младший брат Петруша страсть веселый человек был — безгалик. Чуть чево обязательно чашку складет или какое смешное слово скажет — мертво да рассмешит.

Был онезду такой случай. Рыбачили мы с ним зимой на Новом озере, рыбу страсть добули. Поехали в Осколково. Вдруг, брат, временная пурга и упала — переннюю собаку не видать. Яхали, яхали. Нет Осколкова, чувствуем — заблудились. Чево делать? Полежали в снегу, пурга не перестает. Опять поехали, опять полежали.

Как нарошно, ни одна-да по пути деревинка не попалась, огонь не из чего растопить. Чай таки не пили. Ничего не ели кроме строганины без соли. Табака нигу. Так и едем — сами не знаем, куда. Трое суток, наверно, прошло. Дундуки-те от пота промокли и замерзли. Как в железной одежде стали, еле шевелимся, дрожим.

Вдруг, брат, пурга-та сразу подтихла и небо ободрало, ясно стало. Смотрим, в верстах четырех от нас заимка со церковью. Узнали — к Станчику приехали. Это верст восемьдесят от нашего места. Де, остановилась на последнее побердо. Я гандишку достал. Осталась последняя закурка. Решили покурить. Руки-те не слушаются, замерзли. Стал огнивом огонь высекать. Огниво-то мерзлое — не высекает, Петруша и гуврит: «Ты, батя, огниво-то языком лизни, а потом высекай».

Я, дурак, не долго думая, лизнул. Тут, брат, огниво-то прильнуло к языку и губам-те. Я тут же силой отодрал. Кровь хлещет, табак просыпался. А Петрушка, дьявол, хохочет. Вот и покурили. Я чуть ево прудилом не треснул: «Ты без худово жить не можешь, нашел урос, времо базгальничать».

Язык-от у меня распух. Три дня кроме холодной цербушки ничего не мог исти. А Петрушка, зараза, каждому встречному-поперечному сказовал, как я огниво лизал. Эдакой вот безгалик бул, царство ему небесное.

* * *

Мой-от дядя Ваня Щелканенок, когда из ссылки приехал, много-много всякого рассказывал. Вот слушайте его баянье, если он врет — то вру я:

— В Хабаровске-то мы вольно жили. Над нами не дековались. У меня товаришонок бул — Алешка Нужненко. Бенной за мной присматривал как за братом. Я его тоже шибко жалел. Другие мужики его «хохлом» кликали. Я за него приставал: «Грех, ребята, хохлом человека не кличьте. Собаки али охто! У нас в Русском Устье хохлом мохнатую собаку кличут».

А он только посмеивается. Страсть смирной бул — комара да не обидит. А сам охольной, просто иверень.

И вот оннежду мы с ним, с Нужненко, у его дугушки гуляли. Вдвоем три литра спирту выпили. Я домой пошел. Алешка гуврит:

— Чево, Ваня, на своих ногах дейдешь? Может, проводить тебя.

— Ништо станешь провожать, я енвалит али охто.

Пошел. А на дворе темень-углуха. Иду эдак потихонько, а на меня какие-то мужики натыкаются и натыкаются. Я, брат, страсть обзадорился — идти не дают. Одного мужика со злости-то наотмашь и стегнул, он сразу крестом упал. Потом ишо двое ли, трое ли на меня натыкались. Я их тоже благословил. Так все нырком и упали. Хлестал, хлестал, аж кулак заболел. Де, домой потихонько дочапал. Мольча кумельгой упал на койку и уснул, ничево-да не помню.

Утром слышу: стукоток, громоток — люди чево-то шухмятся. Глаза открыл. Меня красноармеец за плечо трясет:

— Ты, Щелканенок, из Русского Устья! Вставай!

У меня сон обдернуло. Я на гузно сел и гувру:

— Чево дашпелися? Чево православному христианину отдохнуть не даете?

— Науродовал, а еще спрашивает. Вставай, Щелканенок, тебя командир Блюхер кличет. Во всем Хабаровске ни электричество не горит, ни радио не бает. Ты, говорит, дьявол, спьяну глазу все телеграфные столбы по большой улице переломал.

* * *

Ошо, у моево старика, у Голыженского, страсть умная собака була. От юкагиров щенком взял. Имото — Улькума. Вечером баем: «Завтра в Косухину поедем». Собака у ног лежит. Утром станем, собак напрягаем. Улькума передом. Спехнёмся молчком, Улькума направляется в Косухину. Ошо, другой раз баем: «Поедем в Осколково». Утром спехнёмся, Улькума сразу же напрямиком в Осколково направляется.

Ошо, если приедем на заимку, собак не надо было привязывать. Улькума прибежит и сразу же поводком вокруг кола несколько раз завьется и лежит. Другие собаки нарываються на крупашек ли, на оленей ли, а она молча лежит, как камень. Все толковала, только баять не умела.

Ошо, оннежду случай бул. Убьет меня бог, вохшу не вру! (*Крестится.*) Ехали мы со стариком через калтус на Долгую Виску. Едем потихоньку, тишина стоит. Улькума одна себе передом застегнута. Старик-от потихоньку и покликают:

— Улькума! Улькума!

Наши, не поверите. Собака-та к нам голову повернула и по-человечески и спросила:

— Чево?

— Ошо, я чуть с нарты-те не упал. Эдакая, брат, страсть умная собака була.

* * *

Годов восемь тому назад видел я сон. Будто моя мать вошла к нам избу и спрашивает брата Семена. Я ей говорю:

— Мама, Семен живет у Яра, а мы живем тут, в Крутой.

А она отвечает:

— Я хотела у них пожить.

Ушла. Я проснулся и долго не спал, думаю, к чему бы это. Прошло времо. Про сон я забул. Оннежду приезжаю к Яру. Смотрю — у Семена жена, Мария, беременная. Я про сон-от и рассказал брату.

— Значит, мама ояви прийти хочет, а ведь давно умерла-то. Не зря, значит, я дырку на гробе делал, звал в свою семью.

Прошло полгода, родилась у Марии девчонка. Анкой назвали. Пошла по третьему году, стала баять и все-все стала рассказывать: как и чем болела, как умерла. Бабушкины вещи называла своими, отнимала их у матери.

Когда мама живая була, серыги носила, на левой щеке у нее была родинка, а на правой ноге большой палец был наполовину топором отрублен.

Стали мы внимательно Анку рассматривать. На мочках ушей нашли язвочки, точно как проколы от сережек. На левой щеке тоже родинка есть, а на правой ноге большой палец намного короче, чем на левой.

Була у мамы подружка Куприяниха (она и тапере живая).

Первый раз когда Куприяниха пришла к Сенькиным, Анке було три с половиной года. Она так обрадовалась старухе. Кинулась ей на шею и сказала: «Моя Катя».

А когда ей исполнилось шесть лет, нашла в куче бабушкиных вещей тот самый платок, который Куприяниха когда-то подарила нашей маме. Анка подбежала к Куприянихе и сказала: «Катя, я принесла твой платочек. На, возьми». Катерине ничего не оставалось, как взять платок и повязать голову.

Вот после этого и я, и Семен (ярый безбожник) поверили, что люди забуль второй раз рождаются — приходят ояви.

* * *

В старое время сказовали, что летом по Сендухе ходят какие-то люди. Их называли «худые чукчи». Чукча такой имел при себе лук и стрелы-костянки. Переправлялся через реки на каких-то пузырях. К заимкам подходил ночью. Воровал юколу и ел ее сырую. «Худые чукчи» очень быстро бегали. Одевался «худой чукча» в сырые оление шкуры глухоком, как с песка содранные. Сохли шкуры на нем. Лицо его темно-красное, как железо. Баяли, что если снять ремень от штанов «худого чукчи» и подпоясаться им, то можно так же, как и он, хлестно бегать. Старики не помнят случая, чтобы чукча убил человека. А наши убивали их часто. Если кто-нибудь убил «худого чукчу», то не говорил об этом три года. Если он расскажет раньше срока,

то будет ему худо — будет хворать или во сне будет грезиться. На том ружье, из которого охотник убил чукчу, он должен подпилком доспеть зарубку. Если не доспеет, то у него появится желание стрелять в каждого.

Досель старик дядя Саша Плавшеской сказывал: — Оннежду летом ходили мы втроем по гуси. Обратно три дня жили на Гусиненской Стрелке. Погода была — никак губу не могли переехать. Сели за карты.

Еще утром я заметил недалеко бугорок, на котром что-то находилось, то ли тарбей, то ли канюк. После обеда смотрю, тарбей по-прежнему сидит на том же месте. Я решил узнать, чево он сидит, не летает. Взял тычку вместо посоха и пошел. Стал подходить к бугорку, вдруг, брат, с криком человек соскочил и давай меня стрелять из лука. Я две ли, три ли стрелы отбил посохом и побежал к палатке за ружьем. Пока бегал, чукча потерялся. Онной стрелой он меня попал, у камлейки рукав порвал. Мои-то товарищи надо мной посмеивались: «Мы-то думали, вы с „худым чукчей“ плясать стали».

Сказовали, что давно покойный Семен Киселев пошел в сентябре месяце пасти ладить, взял ножик и топор с хоесом. Идет и видит: спит человек на земле. Он понял, что это «худой чукча». Подполз к нему и заколол, после чего похоронил, а нож, которым заколол, закопал вместе с ним. Такая вера була. Когда Семен пришел домой, ни с кем три дня не баял. Люди думали, что он чево-то дошпелся — занемот или чево. Потом хороший стал.

Давно в Русском Устье на строительстве школы один якут работал, по прозвищу Мечeko. Хороший плотник бул. В сентябре, когда темные ночи начались, собаки лаляли несколько дней подряд. Оннежду Мечeko пошел на верчью дерево на норило искать. Нашел хорошую ослядку и начал обтесывать. Вдруг на него созади человек кинулся, обхватил за горло и стал пещить. Мечeko сильный человек бул. Долго барахтались, наконец он сбросил с себя нападавшего на землю и стал топтать. Затем схватил топор и треснул по голове. Побежал к людям, рассказал. Пришли люди, видят: «худой чукча» лежит. Тут же его закопали. После этого Мечeko стал хворать и через год на Аллаихе умер.

* * *

Наши, помни-те ведь, как после войны у нас первый раз радиотелефон поставили. Все ходят с Чокурдахом по радио баяют, ково надо вызывают. Дядя Проня ведь страсть шубутной человек бул. Ево старики Пронькой-крикуном кликали. Вот он и гуврит:

— Я, брат, тоже хочу с Митей побаять. Шибко давно стало вестей от него ниту. Пойдем, Петушок, побаем.

Собрался старик пошел «на переговоры». По дороге спрашивает у младшего сына:

— Чево, тятя, ты будешь кричать или я?

— Нет, лучше я крикну. То поклон-да забудешь сказать.

Пришли на радиостанцию, открыли дверь в сени. А в сенях стоял мотор. Дядя Проня, как увидел его, сразу к нему кинулся, схватился за радиатор да и стал кричать:

— Митя, Митя, здравствуй! Это я, тятя твой Мама поклон заказыват. Мы кабуть, мы кабуть. Едишку маленько добули. Зине поклон скажи, Зине поклон.

На крик выбежали радисты. Еле успокоили старика и объяснили, что переговоры надо вести из дома. Ок вошел в избу, увидел аппаратуру, кинулся к столу, начал бегать да кричать:

— Митя, Митя, привет! Привет! Деньжонки пошли.

Тут уж его остановить не могли. Махнули рукой. Он бегал, бегал, кричал, кричал. Потом, винно, устал. Сел, выдернул ганзу, набил его табаком и обратился к сыну:

— Чево, тятя, хорошо ведь побаяли.

* * *

Первым нашим колхозным мотористом был Кенька Новгородов — шутник, любого рассмешит. Купили тогда у военных мотор Л-6, на шлюпку поставили. Де, Кенька день и ночь в моторе копаются. Сначала-то он у него часто ломался. Приехали один раз в Брусово, а там тогда дядя Сеня Шкулев жил. Мотор опять заглох. Старик и спрашивает:

— Тятя, а он чево у тебя, мотор-от, часто ломаца? Винно, худой подсунули.

— Нет, дядя Сеня, сам-от мотор хороший. Свечки худые.

Старик ничего не сказал, молча ушел в амбар. Потом приходит и подает Кеньке в магазинной упаковке две стеариновые свечи:

— Тятя, возьми. Вот от зимы две свечечки остались.

— ?!

Другой раз только отъехали от Табора, мотор опять заглох. Заводили-заводили — не заводится. А с ними один мужик бул, якут — уполномоченный из района. Такой высокомерный, все старался нами командовать. Тут он тоже стал выступать:

— Один мотор всем колхозом не можете наладить. Мне срочно надо быть в районе, у меня дела.

А Кенька отвечает:

— Что мы можем сделать, если компрессии нет.

— Как это нет компрессии, куда девалась? Почему не позаботились, когда из Русского Устья выезжали?

— Была маленько, да кончилась. Ты бы вместо того, чтобы на нас рывкать, сходил бы лучше к полярникам, попросил бы у ребят полбанки компрессии. Ты начальник — тебе дадут.

Уполномоченный помолчал, потом взял банку и за полтора километра отправился на полярную станцию. Пришел к ним и с порога заявил:

— Ох, эти русскоустыинцы, очень бесхозяйственные люди, даже компрессии не имеют. Дайте, пожалуйста, хоть полбаночки...

* * *

Было это еще до войны. Повез дядя Проня нашу учительницу на зимние каникулы в Чокурдах. Отъехали из Русского Устья рано утром. Вдруг, брат, временная пурга и упала, ну мольча гнев — перенню собаку не видно. Сразу заблудились. Чево делать? Назад воротиться? Собаки противным ветром не пойдут, да и деревню не найти, можно в море уехать. Хорошо палаточка була. Учительницу-ту он положил на нарту, в одеяло завернул и палаткой накрыл. А самому места на нарте ниту. Сам-от сядет на снег, голову-ту под полатку просунет, положит учительнице на колени, полчаса подремлет, встанет, отряхнется от снега и начинает ходить вокруг нарты. Потом опять подремлет.

Учительница-та сказала, что сначала старик молился:

— И, и, Иисус Христос! И, и, матушка-Сендуха, не дай погибнуть православным христианам.

Потом стал петь то ли песни, то ли былины. Сутки прошли, пурга не перестает. Тогда он решил испытать последнее средство.

— Чево, мама станем делать? — обратился он к учительнице, — вино, придется раздеваться.

— Что ты, дядя Проня, — испугалась учительница, — зачем раздеваться?

— У нас поверье есть, если человек в хорошую погоду родился и когда он совсем голым на улице покажется, пурга сразу подтихает. Только ты, мама, мою лопатишку держи, а то ветром унесет.

Старик быстро разделся, сунул одежду учительнице под палатку и несмотря на мороз, стал бегать вокруг нарты и кричать:

— Будь ясно, будь тихо! Будь такая погода, в какую я родился.

Пурга еще полдня. Пурга действительно утихла. Смотрят, в полверсте от них прямо по их пути Толстинская заимка. Маленько не доехали. Дядя Проня радовался как ребенок:

— Матушка-Стихья услышала нас, ништо она даст нам погибнуть. Мама, домой доедем-да, надо огонечек покормить, Миколаю Чудотворцу свечечку поставить.

Литература

- Агафонов И. И. и др. Индигирская экспедиция.— Москва; Иркутск, 1933.
- Александров В. А. Русское население Сибири.— М., 1964.
- Алексеев Н. М. Охотничий промысел у «досельных» русских низовьев р. Индигирки // Сборник материалов по этнографии якутов.— Якутск, 1948.
- Амундсен Р. Северо-восточный проход. Экспедиция «Мод» вдоль северного побережья Азии в 1918—1922 гг.— Л., 1936.
- Бадигин К. С. По студеным морям.— М., 1956.
- Бахрушин С. В. Исторические судьбы Якутии // Сборник «Якутия».— Л., 1927.
- Башарин Г. П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России.— Якутск, 1971.
- Белов М. И. Русские мореходы в Ледовитом океане.— М., 1952.
- Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути.— Т. 1.— М., 1956.
- Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева.— М., 1973.
- Беседа о «Слове о полку Игореве» академика Д. С. Лихачева и писателя В. Г. Распутина // Огонек.— 1988.— № 12.
- Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев.— М., 1972.
- Богораз В. Г. Русское население на Колыме // Жизнь.— Т. IV.— 1899.
- Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия.— Спб., 1901.
- Булычев И. Д. Путешествие по Восточной Сибири.— Спб., 1856.
- Васильев Ю. А. Транспортное собаководство Севера // Советская Арктика.— 1936.— № 4.
- В. Г. Город Зашиверск // Сборник материалов по изучению Якутии.— Вып. I.— Якутск, 1922.
- Визе В. Ю. Моря Советской Арктики.— М., 1948.
- Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1920—24 годах.— М.; Л., 1948.
- Геденштром М. М. Записки о Сибири // Журнал Министерства внутренних дел.— 1829.— Кн. I.
- Геденштром М. М. Орывки о Сибири.— Спб., 1930.
- Геденштром М. М. Описание берегов Ледовитого моря от устья Яны до Баранова Камня // Сибирский вестник.— 1839.— Ч. II.

- Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири.— М., 1966.
- Долгих Б. О. Новые данные о плаваниях русских Северным морским путем в XVII в. // Проблемы Арктики.— М., 1944.
- Долгих Б. О. Езда на собаках у русского старожильческого населения Енисея // Краткие сообщения Института этнографии.— 1960.— Вып. XXXV.
- Зензинов В. М. Письмо участника экспедиции // Якутская окраина.— 1913.— 10 сент.
- Зензинов В. М. Старинные люди у Холодного океана.— М., 1914a.
- Зензинов В. М. Марковцы и русскоустыинцы // Этнографическое обозрение.— 1914b.— Кн. CI—CII.— № 1—2.
- Зензинов В. М. Очерки торговли на севере Якутской области.— М., 1916a.
- Зензинов В. М. По гуси // Ежемесячный журнал, издаваемый Мирлобовым.— Спб., 1916b.— № 7/8.
- Зубов Н. Н., Бадигин К. С. Разгадка тайны земли Андреева.— М., 1953.
- Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов // Труды Института этнографии.— Т. XVIII.— 1952.
- Иохельсон В. И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе.— Спб., 1898.
- Историко-этнографический атлас Сибири.— М.; Л., 1961.
- История Якутской АССР.— Т. 2.— М., 1957; Т. 3.— М., 1963.
- Кабузан В. Т., Троицкий С. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII века // Сов. этнография.— 1966.— № 3.
- Каменецкая Р. В. Русские старожилы в низовьях Индигирки // Фольклор Русского Устья.— Л., 1986.
- Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства // Сов. этнография.— 1946.— № 4.
- Майдель Г. Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1860—1870 гг.— Т. I.— Спб., 1894.
- Марков С. Н. Земной круг.— М., 1971.
- Материалы Индигирской этнографо-лингвистической экспедиции Шуба Т. А.— Архив Якутского филиала СО АН СССР.— Ф. 5, оп. 6.
- Михель Н. М. К вопросу о ездовом собаководстве на Якутском Севере // Известия государственного географического общества.— 1935.— Т. 65.— Вып. 2.
- Мицкевич С. П. Вымирающий край // Русское богатство.— 1902.— № 7.
- Мостахов С. Е. Сподвижники путешественников и исследователей.— Якутск, 1966.
- Мостахов С. Е. Русские путешественники-исследователи Якутии.— Якутск, 1982.
- Ногин В. П. На полюсе холода.— М.; Пг., 1923.
- Норденшельд А. Е. Плавание на «Вега».— Л., 1935.— Т. 1/2.
- Окладников А. П. Русские полярные мореходы у берегов Таймыра.— М.; Л., 1948.
- Окладников А. П. Там, за далеким Шивером // Правда.— 1969.— 9 сент.
- Окладников А. П. и др. Древний Зашиверск.— М., 1977.

- Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Деревянное зодчество Якутии.— Якутск, 1983.
- Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке на северо-востоке Азии.— М., 1951.
- Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в.— Красноярск, 1972.
- Пасецкий В. М. Петр Анжу.— М., 1958.
- Пасецкий В. М. Вперед неизвестность пути.— М., 1969.
- Пасецкий В. М. Очарованный надеждой.— Л., 1970.
- Попов С. В. Морские имена Якутии.— Якутск, 1987.
- Предварительные отчеты о работах Индигирского отряда АН СССР в 1929—30 гг.— Л., 1932.
- Распутин В. Г. Русское Устье // Наш современник.— 1988.— № 5.
- Речь.— 1913.— № 330.
- Самсонов Н. Г. Русский язык в Якутии.— Якутск, 1982.
- Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии.— Якутск, 1961.
- Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии.— М., 1978.
- Скалон В. Н. Из истории древних русских поселений на Крайнем севере Сибири // Известия Иркутского сельскохозяйственного института.— 1960.— Вып. 18.
- Скворцов Е. Ф. Русские на Индигирке // Топографический и геодезический журнал.— 1910.— № 11.
- Скворцов Е. Ф. В прибрежных тундрах Якутии // Труды комиссии по изучению Якутии.— Т. XV: Лено-Колымская экспедиция 1909 года.— Л., 1930.
- Толмачев А. И. Северные полярные страны.— Л., 1932.
- Травин Д. Д. Собаководство на Индигирке // Советский Север.— 1930.— № 7/8.
- Травин Д. И. Русские на Индигирке.— Ленинградское отделение архива АН СССР, ф. 47, оп. 47.
- Федосюк Ю. Русские фамилии // Наука и жизнь.— 1971.— № 8.
- Фольклор Русского Устья.— Л., 1986.
- Харитоновский А. И. Человек с железным оленем.— М., 1965.
- Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа.— Л., 1969.
- Центральный государственный архив ЯАССР: ф. 8-п.— Зашиверский частный комиссар; ф. 143-п.— Зашиверский мещанский староста; ф. 144-п.— Верхоянский мещанский староста; ф. 161-п.— Зашиверский земский исправник; ф. 173-п.— Зашиверский городничий.
- Чикачев А. Г. Заметки о некоторых особенностях пижпендигирского русского говора // Фонетика и морфология языков народов Сибири.— Новосибирск, 1972.
- Чикачев А. Г. Островок древнерусской культуры // Полярная звезда.— 1973.— № 2.
- Чикачев А. Г. Помощь географическим экспедициям // Полярная звезда.— 1975.— № 1.
- Чикачев А. Г. Открытие юкагирской земли // Полярная звезда.— 1976а.— № 5.
- Чикачев А. Г. Русское старожильческое население р. Индигирки // История и культура народов северо-востока СССР.— Владивосток, 1976б.

- Чикачев А. Г. Русское Устье // Памятники Отечества.— 1986.— № 1.
- Чирихин Ю. Д. Работы индигирской экспедиции Академии наук СССР (1928—1930) // Бюллетень Арктического института.— 1931.— № 5.
- Шелихова Р. В. Борьба за Советскую власть на севере Якутии.— Якутск, 1972.
- Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края.— Спб., 1883.
- Шуб Т. А. Старожилое русское население низовьев Индигирки // Труды II Всесоюзного географического съезда.— Т. III.— М., 1949.
- Шуб Т. А. Былины русских старожилых низовий Индигирки // Русский фольклор.— Т. I.— М.: Л., 1956.
- Экспедиция Беринга.— М., 1941.
- Якутия: Сборник статей.— Л., 1927.
- Якутия в XVII веке: Очерки.— Якутск, 1953.

Оглавление

<i>В. Распутин. На Индигирке, рядом с океаном</i>	3
Глава I. На краю земли российской	12
Возвращенное имя	—
Страшны истории	18
После Октября	35
Сподвижники полярных исследователей	41
Глава II. Тундра — наш дом	49
Природа и экономика	—
Охотничий промысел	52
Рыболовный промысел	62
Ездовое собаководство	68
Другие средства передвижения	78
Жилые и хозяйственные постройки	80
Пища	87
Одежда	94
Глава III. Память о «мудреной» Руси	100
Устное творчество	—
Семейные отношения	110
Представления о внешнем мире. Способы лечения болезней	121
Поверья, приметы, толкование снов	128
Глава IV. Лексика досельного говора	137
Словарь	141
Приложения	167
Этнографический рассказ	—
Русскоустыинские байки	174
Литература	184

Научно-популярное издание

Чикачев Алексей Гаврилович

РУССКИЕ НА ИНДИГИРКЕ

Историко-этнографический очерк

Редактор *С. В. Вобрицева*

Художник *С. М. Гудряцев*

Художественный редактор *Н. Г. Ковалева*

Технический редактор *С. А. Смородинова*

Корректоры *Е. Н. Зимина, Г. И. Шевкина*

ИБ № 42511

Сдано в набор 21.11.89. Подписано в печать 26.02.90.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Обыкновен-
ная гарнитура. Усл. печ. л. 10,1. Усл. кр.-отт. 10,5. Уч.-
изд. л. 10,3. Тираж 25 000 экз. Заказ № 951. Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Нау-
ка». Сибирское отделение, 630099 Новосибирск, ул. Со-
ветская, 18.

Типография издательства «Советская Сибирь», 630048 Но-
восибирск, ул. Немировича-Давченко, 104.

... Быть ли России в будущем и сколько быть, где сыскать силы и духа для преодоления кризисного состояния - не подскажут ли пример и опыт маленькой колонии на Крайнем Севере, о которой идет речь в книге и которая по всем приметам не должна была выжить, но выжила.

Валентин Распутин

